Самсон
Гелхвидзе
Слёзы
ПАРИЖСКОЙ
ВЕСНЫ
Роман
18+

САМСОН ГЕЛХВИДЗЕ
СЛЁЗЫ ПАРИЖСКОЙ ВЕСНЫ

https://litres.ru/74694108
SelfPub; 2026

Аннотация

Роман «Слёзы Парижской весны» — это проникновенная история о любви, памяти, ревности и времени, которое не всегда способно залечить душевные раны. На фоне Парижа и судьбы великого грузинского художника Нико Пиросмани автор соединяет исторические мотивы с художественным вымыслом, исследуя, как одна любовь может оставить след на всю жизнь.

В центре произведения — Маргарита Морель, пожилая женщина, чья встреча с картиной возвращает её к событиям прошлого и заставляет заново взглянуть на собственную судьбу. Постепенно гнев уступает место горькому осознанию, а внешняя история превращается в глубокое внутреннее путешествие — от обвинения к пониманию, от боли к примирению с прожитой жизнью.

Особая сила романа — в соединении искусства и человеческой памяти. Картина становится не просто произведением живописи, а зеркалом, в котором герои встречаются с тем, что не смогли забыть или исправить.

«Слёзы Парижской весны» — роман о любви, которая переживает время, о цене сделанного выбора.

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ТИФЛИС И ХУДОЖНИК 19
Глава 1. Город, в котором начиналась судьба 19
Глава 2. Мальчик, который умел видеть 28
Глава 3. Город чужих и своих 38
Глава 4. Цена призвания 54
Глава 5. Уроки, которых не было в книгах 65
Глава 6. Человек за пределами холста 80
Глава 7. Человек, которому он поверил 95
Глава 8. Женщина у окна 109
Глава 9. То, о чём молчат глаза 119
Глава 10. Первый портрет 131
Глава 11. Чужая воля 144
Глава 12. Работа, которая привела его к ней 158
Глава 13. Между обещанием и выбором 168
Глава 14. Человек, которого она не выбирала 179
Глава 15. Письмо из прошлого 189
Глава 16. Тайна старого дома 199
Глава 17. Слова, которые нельзя отложить 211
Конец ознакомительного фрагмента. 214

САМСОН ГЕЛХВИДЗЕ
СЛЁЗЫ ПАРИЖСКОЙ ВЕСНЫ

СЛЁЗЫ ПАРИЖСКОЙ ВЕСНЫ – (роман)

Пролог. Сердце, которое помнило

Весна 1969 года.

Мир спорил о войне и мире, о человеческой свободе и цене политических амбиций, о будущем цивилизации, которая, научившись покорять атом и прокладывать дорогу к звёздам, по-прежнему не умела избавляться от ненависти. В американских городах проходили массовые антивоенные демонстрации. Тысячи людей выходили на улицы, требуя прекратить войну во Вьетнаме. Над людскими головами колыхались плакаты, звучали лозунги, сталкивались гнев и надежда. Казалось, весь мир пытался докричаться до тех, от кого зависели судьбы миллионов.

Человечество торопилось в будущее. Оно мечтало о новых открытиях, искало ответы на вопросы, ещё вчера казавшиеся недоступными человеческому разуму, и всё настойчивее вторгалось в тайны самой жизни.

Четвёртого апреля 1969 года в Соединённых Штатах произошло событие, которому суждено было войти в историю

медицины. Американский хирург Дентон Кули и его коллеги имплантировали пациенту временное искусственное сердце, поддерживавшее кровообращение до тех пор, пока не появилась возможность пересадить донорский орган.

Это было настоящее чудо человеческого разума. Устройство, созданное руками людей, взяло на себя работу органа, без которого жизнь казалась немыслимой. Наука словно приблизилась к самой сокровенной границе, за которой начиналась тайна человеческого существования.

Но оставался вопрос, на который ни один хирург и даже самые выдающиеся учёные мира не могли дать исчерпывающего ответа.

Можно ли заменить человеческое сердце и при этом сохранить всё, что мы привыкли с ним связывать? Способно ли искусственное сердце стать безупречным механизмом жизни, не затрагивая того невидимого мира, в котором рождаются любовь и ревность, нежность и ненависть, надежда и отчаяние? Можно ли заставить кровь продолжать свой путь по сосудам, но остановить воспоминания? И если однажды человеку удастся создать сердце, которое никогда не устанет биться, сумеет ли он создать сердце, которое никогда не будет страдать? На эти вопросы тогда не существовало окончательного ответа. Да и сама постановка их, пожалуй, выходила далеко за пределы медицины.

Потому что у человеческого сердца были свои законы. Оно могло годами хранить то, что разум давно пытался за-

быть. Оно могло тосковать по человеку, которого уже не было рядом, ненавидеть того, кого когда-то любило, и возвращаться к единственному мгновению прошлого, словно вся последующая жизнь оказалась лишь длинной дорогой к нему.

Иногда сердце продолжало помнить даже тогда, когда память начинала подводить человека. А иногда оно помнило то, чего не могло простить.

Возможно, именно поэтому самые страшные тайны человечества следовало искать не в лабораториях и не среди медицинских приборов. Некоторые из них прятались в старых письмах, пожелтевших фотографиях, забытых именах и картинах, перед которыми люди неожиданно теряли способность говорить.

И одна такая тайна уже ждала своего часа в Париже.

В один из тёплых весенних дней 1969 года в выставочных залах Парижа проходила выставка произведений выдающегося грузинского художника, чьё имя было хорошо известно на родине, но для многих европейских посетителей ещё оставалось открытием. Его картины, пришедшие в европейскую столицу из далёкой Грузии, открывали зрителям необычный мир, в котором простые люди, животные, застолья и цветы обретали почти сказочную выразительность. В них не было холодного блеска академического совершенства. Их сила заключалась в другом — в непосредственности взгляда, в странной, трудно объяснимой искренности и в

ощущении, будто за каждым изображением скрывалась чья-то непрожитая жизнь.

Посетители двигались по залам неторопливо. Одни останавливались перед полотнами, другие обменивались негромкими замечаниями, третьи переходили от картины к картине, стараясь не пропустить ничего интересного. Время от времени слышались шаги служителей музея, шорох одежды и приглушённые голоса.

Всё шло своим чередом, пока у одной из картин не остановилась женщина.

Она появилась в зале незаметно, не привлекая к себе внимания. На вид ей было около семидесяти лет. Тёмное пальто, строгая шляпка, небольшая сумка, которую она крепко прижимала к боку, — ничего необычного в её облике не было. Лицо казалось усталым, а в глубоко посаженных глазах угадывалась та сосредоточенность, которая иногда приходит к людям после долгих лет одиночества.

Женщина подошла к картине и замерла.

Сначала могло показаться, что она просто внимательно рассматривает работу художника. Она не двигалась, не оглядывалась по сторонам и не обращала внимания на других посетителей. Однако минуты шли, а женщина продолжала стоять на прежнем месте, словно между ней и полотном возникла невидимая преграда.

Постепенно её лицо изменилось. Губы едва заметно шевелились, будто она беззвучно произносила чьё-то имя. Паль-

цы, сжимавшие ручку сумки, побелели. Женщина чуть наклонила голову, потом резко выпрямилась и отступила на полшага.

В её глазах появились слезы и выражение, которое трудно было принять за обычное волнение. Там смешались боль, недоверие и что-то похожее на давно подавляемый гнев.

Она словно увидела перед собой не картину, а человека, которого невозможно было коснуться, невозможно было заставить ответить и, вероятно, невозможно было простить.

Женщина сделала глубокий вдох. Её взгляд скользнул по залу, задержался на служителе, стоявшем неподалёку, и снова вернулся к полотну. Затем она расстегнула сумку.

Всё произошло так быстро, что никто из посетителей поначалу не понял, что случилось. В руке женщины блеснул небольшой острый предмет. Она шагнула к картине и подняла руку, словно собиралась нанести удар.

— Нет! Что вы делаете?!

Служитель галереи бросился к ней. Другой сотрудник, услышав крик, поспешил на помощь. Женщина успела приблизить остриё к полотну, но нанести повреждение не смогла. Её руку перехватили, предмет выпал на пол, а сама она попыталась вырваться с такой неожиданной силой, что мужчинам пришлось удерживать её вдвоём.

— Отпустите меня! — выкрикнула она.

Голос прозвучал хрипло, почти отчаянно.

— Вы понимаете, что собирались сделать? — спросил

один из служителей.

Женщина не ответила. Она смотрела поверх его плеча на картину, и в этом взгляде было столько боли, что на мгновение даже её охранники замолчали.

— Она не имеет права здесь находиться! — произнесла женщина наконец. — Не имеет права!

— Кто?

Она лишь покачала головой.

— Кто не имеет права? — повторил служитель.

Но женщина больше ничего не сказала.

Её увели из выставочного зала в служебную комнату, предназначенную для подобных происшествий. Там её усадили на стул, попросили успокоиться и объяснить, что произошло. Один из сотрудников вызвал полицию.

Когда приехали полицейские, женщина уже не кричала. Она сидела, опустив голову, и держала обеими руками свою сумку. На щеках высохли следы слёз, однако глаза оставались красными. Перед ней положили небольшой блокнот и попросили назвать имя, фамилию и адрес.

Она молчала.

— Мадам, нам необходимо установить вашу личность.

Молчание.

— У вас есть документы?

Женщина отрицательно покачала головой.

При ней действительно не оказалось ни паспорта, ни удостоверения, ни какого-либо другого документа, позволявше-

го установить, кто она такая.

Полицейский повторил вопрос, на этот раз медленнее и строже.

— Почему вы пытались повредить картину?

Женщина подняла голову.

— Потому что она виновата.

Полицейские переглянулись.

— Картина?

— Да.

— Вы хотите сказать, что картина виновата в чём-то, что произошло в вашей жизни?

— Я ничего не хочу сказать, — ответила она. — Я уже сказала достаточно.

— Тогда объясните, кто изображён на картине и почему вы считаете её виновной.

Женщина отвернулась.

— Это старые счёты.

— С кем?

Она снова посмотрела на полицейского. На этот раз её взгляд был совершенно спокойным, почти холодным.

— С женщиной.

— С какой женщиной?

Ответ прозвучал тихо, но отчётливо:

— С той, которую вы видели на картине.

Полицейский откинулся на спинку стула. За годы службы ему доводилось встречать самых разных людей, но эта

пожилая женщина представляла собой особую загадку. Она не походила на человека, потерявшего рассудок, не пыталась оправдаться и не проявляла интереса к тому, какое наказание ей грозит. Казалось, всё происходящее имело для неё гораздо меньшее значение, чем сама картина.

— Вы понимаете, что могли испортить произведение искусства? — спросил он.

— Понимаю.

— И всё же решили это сделать?

— Да.

— Почему?

Женщина закрыла глаза.

— Потому что она отняла у меня всё.

— Кто отнял?

Но на этот вопрос ответа не последовало.

Пожилая женщина сидела на краю стула, сцепив пальцы на коленях. Её руки заметно дрожали. Она пыталась удержать себя в руках, выпрямляла спину, стискивала губы, словно боялась, что ещё одно движение выдаст то, что она так отчаянно старалась скрыть. Но слёзы возвращались снова и снова. Они текли по её морщинистым щекам, и женщина сердито смахивала их ладонью, словно стыдилась собственной слабости.

— Вы ненавидите эту женщину? — спросил полицейский.

Женщина резко подняла голову.

— Ненавижу!

Слово прозвучало так громко, что молодой полицейский невольно отодвинулся от стола. Однако уже через мгновение лицо старухи исказилось, губы задрожали, и она закрыла глаза обеими руками.

— Ненавижу… — повторила она едва слышно.

И заплакала.

На этот раз она не пыталась остановить слёзы. Плечи её вздрагивали, дыхание сбивалось, а пальцы судорожно цеплялись за ткань пальто. Казалось, она плакала не из-за случившегося в галерее, не из-за полиции и даже не из-за грозившего ей наказания. Она плакала о чём-то таком давнем, что окружающие могли лишь догадываться о существовании этой боли.

Полицейский подождал, пока рыдания немного утихнут.

— Мадам, кто эта женщина?

Женщина медленно убрала руки от лица. В её глазах снова появилась непреклонная злость.

— Не называйте её женщиной.

— А кем же мне её называть?

Старуха посмотрела на него так, словно ответ был одновременно простым и страшным.

— Моей судьбой.

В комнате воцарилась тишина.

Полицейский не стал задавать следующий вопрос сразу. Он заметил, как дрожат пальцы задержанной, как она судорожно втягивает воздух, стараясь восстановить дыхание,

и как в её взгляде вновь проступает та мучительная смесь ненависти и горя, которую невозможно было объяснить одним лишь происшествием в галерее.

Он предложил ей воды.

Женщина взяла стакан обеими руками. Вода слегка колыхнулась, едва не выплеснувшись через край. Она сделала несколько маленьких глотков, поставила стакан на стол и отвернулась к окну.

За стеклом сгущались весенние сумерки. Уличные фонари загорались один за другим, и их свет ложился на стекло длинными золотистыми полосами.

Время шло. Полицейские пытались выяснить имя задержанной, обстоятельства её появления в галерее и причины поступка. Она отвечала лишь на самые простые вопросы, а при любой попытке коснуться прошлого снова замыкалась в молчании.

Когда её спрашивали о семье, она не отвечала. Когда пытались выяснить, давно ли она живёт в Париже, она лишь качала головой. А стоило разговору вновь коснуться картины, как её лицо менялось, дыхание становилось прерывистым, а в глазах появлялся тот же мучительный огонь.

Казалось, сама мысль об изображённой женщине причиняла ей физическую боль.

Наконец один из сотрудников сообщил, что у входа появилась молодая женщина, назвавшаяся внучкой задержанной. Она была встревожена, несколько раз спрашивала, где

находится пожилая дама, и настойчиво просила разрешить ей увидеться с ней.

Внучку впустили.

Она вошла быстро, почти вбежала в комнату, но, увидев сидевшую за столом пожилую женщину, остановилась. На её лице отразились одновременно облегчение и испуг.

— Бабушка…

Пожилая женщина впервые за весь вечер изменилась в лице.

— Ты пришла?

— Конечно, пришла! Что ты натворила? Почему ты ничего мне не сказала?

Старуха опустила глаза.

— Я должна была это сделать.

— Что должна? Испортить картину? Попасть в полицию? Ты хоть понимаешь, как я испугалась?

— Понимаю, дитя моё.

— Нет, не понимаешь! Я полдня тебя искала!

В голосе девушки звучала обида, но ещё сильнее в нём слышалась любовь. Она подошла к бабушке, присела рядом и взяла её за руку.

Пожилая женщина сжала её пальцы. Рука старухи была холодной, а дрожь, казалось, не прекращалась даже теперь, когда рядом появился родной человек. Она попыталась улыбнуться внучке, но улыбка не получилась. Губы задрожали, лицо исказилось, и она снова заплакала — беззвучно,

почти по-детски, словно всё напряжение, удерживавшее её на ногах, внезапно исчезло.

Внучка обняла её за плечи.

— Бабушка, пожалуйста… Успокойся. Я здесь.

Пожилая женщина прижалась к ней, закрыв глаза. Несколько мгновений она позволяла себе быть слабой, не прятала слёз и не пыталась придать лицу суровое выражение. Но затем, словно испугавшись собственной откровенности, выпрямилась и отстранилась.

— Не надо, — прошептала она. — Ты всё равно не поймёшь.

— Так объясни мне!

Старуха покачала головой.

— Нет. Пока нет.

Полицейские дали им немного времени, после чего продолжили беседу. Внучка подтвердила личность бабушки, сообщила её адрес и объяснила, что пожилая женщина в последнее время переживала тяжёлый период и, по-видимому, давно носила в себе какую-то болезненную историю. Она не пыталась оправдать её поступок, но просила учесть возраст бабушки и обещала, что та больше не приблизится к выставочным экспонатам без сопровождения.

После оформления необходимых документов, разъяснения возможных последствий и урегулирования вопроса о штрафе женщину отпустили вместе с внучкой под письменное обязательство явиться на следующий день в полицейское

отделение для дальнейших показаний.

Когда они вышли из здания, Париж уже погрузился в вечер. Улицы сияли огнями, по тротуарам спешили прохожие, а над крышами домов медленно темнело весеннее небо.

Внучка поддерживала бабушку под руку. Некоторое время они шли молча. Женщина двигалась медленно, словно каждый шаг давался ей с трудом. Иногда она останавливалась, прикрывала глаза и глубоко вдыхала, пытаясь справиться с волнением. Девушка несколько раз предлагала ей присесть, но старуха отказывалась.

Наконец внучка не выдержала:

— Бабушка, скажи мне хотя бы одно. Ты действительно знала эту женщину?

Пожилая дама остановилась.

Она посмотрела на внучку, потом куда-то вдаль, туда, где за крышами домов и вечерней дымкой оставалась выставочная галерея.

— Знала, — ответила она.

— Давно?

Старуха медленно кивнула.

— Очень давно.

— И что она тебе сделала?

Она не ответила сразу. На её лице вновь появилось то выражение, которое внучка заметила ещё в служебной комнате: будто перед ней открылась дверь в давно запертое прошлое.

— Однажды, — произнесла она наконец, — я думала, что

любовь может принадлежать человеку целиком. Что можно отдать ей всю жизнь, а потом просто уйти, если она приносит слишком много боли.

— И ты ошиблась?

Старуха посмотрела на неё с бесконечной усталостью.

— Нет, дитя моё. Я ошиблась в другом. Я думала, что от любви можно уйти.

Она снова двинулась вперёд, крепче сжимая руку внучки.

А далеко позади, в выставочном зале, перед картиной грузинского художника продолжали останавливаться посетители. Никто из них не знал, что несколько часов назад пожилая женщина попыталась уничтожить это полотно, словно надеялась вместе с ним уничтожить собственную память.

И никто не мог предположить, что история, начавшаяся задолго до этой парижской весны, ещё не закончилась.

Её настоящее имя пока оставалось неизвестным читателю. В тот вечер она не назвала его ни служителям галереи, ни полицейским, ни даже внучке. Казалось, вместе с именем она боялась открыть нечто гораздо более страшное — тайну, которую десятилетиями носила в себе.

Но на следующий день, когда полицейский вновь спросит её, кто она такая и что связывает её с женщиной на картине, она наконец произнесёт имя, которое, возможно, слишком долго не решалась произнести вслух:

— Меня зовут Маргарита Морель.

И тогда начнётся другая история.

История о любви, которая не умела умирать.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ТИФЛИС И ХУДОЖНИК

Глава 1. Город, в котором начиналась судьба

У каждого человека есть город, в котором он родился. Но далеко не каждому суждено принадлежать ему так, как принадлежит земле дерево, пустившее корни глубоко под её поверхностью. Одни люди покидают родные места и вскоре забывают их запахи, голоса, привычки и даже лица тех, кто когда-то составлял весь их мир. Другие уносят город с собой, куда бы ни забросила их судьба. Он продолжает жить в их памяти, входит в их сны, возвращается в случайных разговорах и незаметно определяет всё, что они любят, создают и оставляют после себя.

Старый Тифлис был именно таким городом.

Он не стремился поразить приезжего безупречной красотой. В нём не было той холодной правильности, которую иногда придают своим улицам города, построенные по единому замыслу. Тифлис жил иначе. Он рос, словно огромное человеческое семейство, в котором каждое поколение прибавляло к наследству предков что-нибудь своё: новую пристройку,

балкон, лестницу, виноградную лозу, протянутую над узким двором, или маленькую лавку, без которой невозможно было представить себе жизнь целой улицы.

Дома теснились друг к другу, поднимались по склонам, прятались за поворотами и неожиданно открывались взгляду там, где ещё мгновение назад казалось, что дорога заканчивается. Деревянные балконы с резными перилами нависали над переулками. Их потемневшие доски помнили прикосновения множества рук, а старые двери, выкрашенные в разные цвета, словно охраняли собственные семейные истории. В некоторых дворах росли деревья, и весной их ветви касались окон верхних этажей. В других сушилось бельё, переговаривались соседи, спорили дети и неторопливо текла повседневная жизнь, не замечавшая, что со стороны всё это могло показаться маленьким театральным представлением.

Город просыпался постепенно, но рано.

Сначала открывались ставни. Потом где-нибудь хлопала дверь, слышались шаги по каменной лестнице, скрип колёс телеги, окрик возницы. Из домашних кухонь выплывали запахи свежего хлеба, горячего теста, кофе и пряностей. На улицах появлялись торговцы, каждый со своим голосом и собственной манерой убеждать покупателя. Один расхваливал товар так, будто продавал сокровища царской казны, другой говорил тихо и обстоятельно, третий предпочитал шутку, после которой даже человек, пришедший лишь посмотреть, нередко уходил с покупкой.

В Тифлисе умели торговаться, спорить, смеяться и мириться. Умели обижаться всерьёз, но иногда достаточно было одного приглашения к столу, чтобы вчерашняя ссора отступила перед хлебом, вином и необходимостью поговорить по-человечески. Здесь жизнь редко ограничивалась тем, что происходило за закрытой дверью. Радость одного дома могла стать радостью соседнего, а чужое горе иногда заставляло людей забыть о собственных заботах.

Город был многоголосым. На его улицах встречались люди разных народов, языков и вероисповеданий. Рядом жили семьи, чьи предки веками хранили собственные обычаи, и приезжие, только начинавшие привыкать к здешнему укладу. Различия не исчезали, иногда становились причиной споров, но сама городская жизнь ежедневно напоминала людям, что мир гораздо сложнее любой попытки разделить его на своих и чужих.

Над всем этим стояли горы. Они замыкали горизонт, словно древние свидетели человеческой суеты, и придавали городу особое ощущение защищённости. Но стоило подняться выше, туда, где открывались широкие пространства и крыши домов уходили вниз уступами, как становилось ясно: Тифлис не был замкнутым миром. Отсюда можно было отправиться далеко, за пределы привычной жизни, в другие страны, к другим людям и судьбам.

И всё же для многих он оставался единственным местом на земле, где человек мог чувствовать себя дома.

В одном из таких уголков старого города, среди домов, которые словно прижимались друг к другу от многолетней привычки к соседству, проходила жизнь, ничем не отличавшаяся от жизни тысяч других горожан. Здесь были свои заботы, семейные радости, долги, надежды и маленькие неприятности. Здесь люди старели, дети взрослели, влюблённые давали обещания, а старики рассказывали истории, в которых действительность постепенно переплеталась с воспоминаниями.

Никто из них не знал, что этот город однажды подарит миру художника, чьи картины будут рассматривать далеко за пределами Грузии. Никто не мог предвидеть, что спустя десятилетия в одном из парижских выставочных залов незнакомая женщина заплачет перед его полотном, а другая женщина попытается уничтожить изображение, которое не сумеет уничтожить в своей памяти.

В ту пору всё это принадлежало будущему.

Будущее вообще редко предупреждает о себе. Оно не стучит в дверь и не просит освободить для него место. Чаще всего оно начинается с обыкновенного утра, с привычного разговора, с лица случайного прохожего или с едва заметного движения человеческой души, которому никто, кроме самого человека, не придаёт значения.

Так начинались и многие великие истории.

Но чтобы понять одну из них, следовало прежде всего научиться смотреть на мир глазами того, кто впоследствии пре-

вратит его в картины.

Удивительно, насколько по-разному люди видят одну и ту же улицу.

Для торговца она прежде всего дорога к покупателям. Для возницы — путь, который нужно преодолеть до наступления вечера. Для ребёнка — целая вселенная, полная приключений, опасностей и неожиданных открытий. Для влюблённого — место, где однажды появилась та, ради которой привычный мир утратил прежние очертания.

Художник видит всё это и одновременно что-то ещё.

Он замечает не только то, что находится перед глазами, но и то, что будто бы проступает за видимым. В усталом лице старика он может разглядеть прожитую жизнь. В наклоне головы женщины — невысказанную печаль. В случайной встрече двух людей — начало истории, о которой сами они пока ничего не знают.

Обычный прохожий проходит мимо закрытого окна и забывает о нём через минуту. Художник способен остановиться, потому что замечает на стекле отражение неба, а рядом — тёмный силуэт человека, который смотрит из комнаты на улицу. Для первого это всего лишь окно. Для второго — граница между двумя мирами, между теми, кто живёт внутри, и теми, кто продолжает свой путь снаружи.

Возможно, именно поэтому художники нередко кажутся

окружающим людьми немного странными. Они могут долго смотреть туда, где, на первый взгляд, нечего рассматривать, и совершенно не замечать того, что другие считают важным. Они способны забыть о времени, заслышав разговор незнакомцев, или вернуться домой с пустыми руками, потому что всё, что они искали, оказалось не предметом, который можно купить.

Однако никто не становится художником только потому, что обладает необычным зрением. Одного умения видеть недостаточно. Нужно ещё суметь удержать увиденное внутри себя, пережить его, преобразить и однажды найти способ передать другому человеку.

И здесь начинается самое трудное.

Мир не всегда благосклонен к тем, кто смотрит на него иначе. Он охотнее принимает привычное, чем непонятное, и нередко требует от человека доказать своё право заниматься тем, что не приносит немедленной пользы. Особенно трудно приходится тому, кто не получил признания заранее, не располагает средствами и не может сослаться на авторитетное имя, способное заставить окружающих отнестись к его работе серьёзно.

Но подлинное призвание не всегда спрашивает разрешения.

Иногда оно возникает в человеке так рано и так настойчиво, что тот ещё не умеет объяснить, чего именно хочет. Он только чувствует: есть что-то, без чего жизнь не будет пол-

ной. Это чувство может долго оставаться безымянным. Оно не обязательно приносит счастье, не гарантирует успеха и не обещает, что окружающие поймут человека. Но постепенно оно начинает определять его выборы, отдалять от одних дорог и приближать к другим.

В конце концов человек обнаруживает, что уже не вполне принадлежит самому себе. В нём поселилось нечто, требующее выхода, и сколько бы он ни пытался отложить этот внутренний разговор, тот возвращается снова.

Так рождается художник.

Не в тот день, когда он впервые берёт в руки кисть, и не тогда, когда появляется его первая картина. Гораздо раньше — в тот незаметный миг, когда мир впервые перестаёт быть для него просто местом, где он живёт, и становится тайной, которую он не может не разгадывать.

Старый Тифлис был полон таких тайн.

Они жили в людях, чьи лица редко привлекали внимание. В женщинах, которые выходили за покупками, неся на себе заботы целого дома. В мужчинах, чьи разговоры за столом скрывали тревоги, о которых они не желали говорить вслух. В музыкантах, игравших на улицах, в торговцах, в ремесленниках, в случайных путниках и в тех, кто годами оставался на одном месте, будто сама судьба забыла указать им дорогу дальше.

Каждый из них мог стать героем картины.

Каждый нёс в себе историю.

И однажды нашёлся человек, который сумел увидеть в этих обыкновенных людях нечто такое, чего многие не замечали даже после долгого знакомства. Он не стремился сделать их красивее, чем они были, и не пытался скрыть несовершенство человеческой жизни. В его мире простота могла оказаться величественной, одиночество — почти осязаемым, а обыкновенный человек — достойным того, чтобы остановить перед ним время.

Но прежде чем его полотна заговорят с нами, прежде чем мы увидим в них любовь, одиночество и тайну, нам предстоит пройти вместе с ним долгий путь.

Нужно будет узнать город, который окружал его с детства. Почувствовать его шум и тишину, его щедрость и жестокость, его способность согревать человека и оставлять его наедине с собой. Нужно будет понять, почему простые лица, животные, застолья и цветы могли стать для художника целой вселенной.

И лишь после этого мы приблизимся к той женщине, чьё имя однажды прозвучит в Париже среди слёз и обвинений.

Пока же она далеко.

Пока ещё не существует ни парижского выставочного зала, ни старухи, которая будет дрожащими руками сжимать сумку, ни внучки, которая попытается понять, какую страшную тайну десятилетиями скрывала её бабушка.

Пока есть только Тифлис, живущий своей повседневной жизнью, и человек, которому ещё предстоит пройти через

одиночество, лишения, надежды и любовь.

История только начинается.

Глава 2. Мальчик, который умел видеть

Задолго до того, как его картины оказались в выставочных залах далёких городов, задолго до того, как незнакомые люди стали останавливаться перед его полотнами, пытаясь понять, какая тайна заключена в простых лицах и неподвижных взглядах, был маленький мальчик, живший в мире, который ещё не знал о его существовании.

Он родился в 1862 году в грузинском селе Мирзаани, среди холмов Кахетии, где земля хранила тепло солнца, виноградники меняли свой облик вместе с временами года, а человеческая жизнь была тесно связана с трудом, природой и семейными традициями. Здесь утро начиналось не с городского шума, а с привычных звуков сельского быта. Где-то открывалась дверь, где-то отзывалось животное, скрипела телега, негромко переговаривались люди, которым предстоял очередной рабочий день.

В таком мире многое было понятно без объяснений. Земля требовала труда, дом — заботы, семья — участия каждого. Радость редко нуждалась в громких словах, а горе не всегда позволяло человеку рассказать о себе. Люди привыкали переносить трудности молча, надеясь, что следующий день окажется легче предыдущего.

Но даже в самом обыкновенном детстве существовали

минуты, когда мир неожиданно открывался с другой стороны.

Иногда достаточно было солнечного луча, упавшего на стену. Иногда — движения птицы над виноградником, тени от ветки или лица человека, который на мгновение забывал о своих заботах. Для одного всё это оставалось частью привычного окружения. Другой мог задержать взгляд и почувствовать, что в увиденном есть нечто, чему пока невозможно подобрать название.

Мальчик любил смотреть.

Он мог подолгу наблюдать за людьми, не вмешиваясь в их разговоры. Его внимание привлекали не только лица, но и движения, выражения глаз, то, как человек держал голову, как улыбался, как отворачивался после неприятного слова. Он ещё не умел объяснить, почему одни лица казались ему открытыми, а другие словно прятали за внешним спокойствием целую историю.

Он просто запоминал.

Запоминал старика, который приходил по утрам и долго сидел у стены, погружённый в собственные мысли. Женщину, которая разговаривала с соседями весело, но всякий раз замолкала, когда речь заходила о её сыне. Мужчину с тяжёлыми руками и удивительно мягким голосом. Детей, которые могли ссориться из-за пустяка, а через несколько минут снова играть вместе, словно обида никогда не существовала.

Мир людей был гораздо интереснее, чем могло показаться

на первый взгляд.

В нём не всегда совпадали слова и мысли, улыбки и чувства, внешняя сила и внутренняя слабость. Иногда человек казался счастливым, но в одиночестве становился совсем другим. Иногда суровый взгляд скрывал доброту, которую его обладатель не привык показывать окружающим. А порой самые нежные слова произносились без настоящего участия, и ребёнок, ещё не знавший сложных названий человеческих пороков, чувствовал лишь смутное несоответствие между голосом и глазами.

Возможно, именно тогда в нём начало формироваться то качество, которое впоследствии станет одной из основ его искусства: способность видеть в человеке не только внешность, но и след прожитой жизни.

Разумеется, маленький Нико не рассуждал об этом так, как рассуждают взрослые. Он не знал, что такое художественный образ, не думал о композиции и не представлял себе выставочных залов. Он жил в настоящем, как живут дети, для которых один день может вместить целую вселенную.

Но иногда настоящее оставляло в нём след, который не исчезал.

Проходили часы, менялось освещение, люди расходились по своим делам, а какой-нибудь взгляд продолжал стоять перед его внутренним зрением. Он мог забыть слова, которые слышал, но сохранял ощущение, возникшее в ту минуту. И чем больше он наблюдал, тем сильнее убеждался в том, что

мир не исчерпывается тем, что можно потрогать руками или объяснить простыми словами.

В нём существовала невидимая жизнь.

Она проявлялась в том, как мать смотрела на ребёнка, как человек задерживал руку на плече другого, как старый знакомый вдруг отворачивался при встрече. Она скрывалась в молчании, в неоконченной фразе, в улыбке, появлявшейся слишком поздно, чтобы скрыть боль.

Мальчик ещё не мог назвать всё это искусством. Но, возможно, искусство уже начиналось в нём — не как умение создавать изображения, а как потребность сохранить то, что иначе исчезло бы бесследно.

Детство редко бывает таким беззаботным, каким оно кажется человеку спустя много лет. В памяти остаются солнечные дни, запахи родного дома, голоса близких, игры и случайные открытия. Но за ними существовали и повседневные заботы, и труд, и события, смысл которых ребёнок понимал лишь частично.

В семье Нико жизнь не была похожа на сказку, где добрые люди непременно получают награду, а испытания заканчиваются в тот момент, когда герой становится достаточно смелым. Реальный мир не обещал справедливости. Он мог отнять у человека самое дорогое, не объясняя причин и не оставляя времени на прощание.

Когда Нико был ещё ребёнком, его семья пережила тяжёлую утрату. Смерть родителей стала событием, после которого прежний мир уже не мог остаться прежним. Для взрослого человека горе нередко связано не только с потерей близкого, но и с осознанием необратимости случившегося. Для ребёнка оно может оказаться ещё более непонятным: вчера рядом были люди, к которым можно было обратиться, а сегодня их нет, и никто не способен объяснить, почему привычная жизнь вдруг перестала подчиняться знакомым правилам.

Мальчик не мог осмыслить случившееся так, как осмыслил бы его спустя десятилетия. Он не располагал словами, которые помогли бы объяснить пустоту, возникающую там, где раньше было присутствие родного человека. Но он чувствовал перемену. Дом, улица, лица окружающих — всё оставалось на своих местах, однако само ощущение мира изменилось.

Иногда после утраты человеку кажется, будто окружающие продолжают жить слишком быстро. Они разговаривают, работают, смеются, обсуждают обычные дела. Мир не останавливается, не замолкает и не склоняет голову перед чужим горем. Он движется дальше, словно ничего не произошло.

А человек, переживший потерю, ещё долго остаётся там, где всё изменилось.

Для ребёнка особенно важно, чтобы рядом оказался кто-то, кто поможет ему пережить это время. Нико нашёл под-

держку у близких, в том числе у старшей сестры, которая сыграла важную роль в его жизни. Родственные связи, участие и забота помогали ему не остаться один на один с тем, что было слишком тяжело для детского понимания.

Но даже любовь близких не могла вернуть прежний мир.

Возможно, именно в такие годы человек впервые узнаёт, что любовь и утрата не всегда разделены непреодолимой границей. Иногда они оказываются связаны настолько тесно, что память о дорогом человеке становится одновременно источником тепла и боли. Тот, кого больше нет рядом, продолжает жить в жестах, привычках, случайных воспоминаниях и в самом способе смотреть на окружающий мир.

Мы не знаем, какие именно мысли посещали маленького Нико в самые трудные минуты. Но можем представить, как постепенно в нём формировалось понимание того, что человеческая жизнь хрупка, что внешнее благополучие не гарантирует счастья, а самые важные чувства далеко не всегда выражаются словами.

Позднее он будет изображать людей, чьи лица словно сохраняют молчание. В их неподвижности можно будет почувствовать не только особенности художественной манеры, но и странное достоинство простого человеческого существования. Они не станут объяснять зрителю, что пережили. Не будут просить жалости или доказывать собственную значимость. Они просто останутся перед ним — такими, какими художник сумел их увидеть.

И каждый зритель будет волен прочитать в этих лицах собственную историю.

Возможно, способность создавать такие образы начинается с очень раннего опыта: с понимания, что человек гораздо сложнее любых слов о нём.

Годы шли. Мир вокруг Нико расширялся, и вместе с ним расширялось его представление о человеческой жизни. Сельские дороги постепенно уступали место другим путям, знакомые лица сменялись новыми, а привычный уклад оставался позади.

В его судьбе появились люди, которым предстояло повлиять на его дальнейшую жизнь. Среди них были те, кто поддерживал его, и те, чьи решения определяли обстоятельства, в которых ему приходилось жить. Постепенно он оказался связан с Тифлисом — городом, где сталкивались разные миры, где рядом с достатком существовала бедность, а шумная общественная жизнь соседствовала с одиночеством тех, кто не находил себе места среди окружающих.

Тифлис должен был многое ему дать. Но прежде чем стать для Нико городом возможностей, он станет городом испытаний.

Здесь ему предстояло узнать цену самостоятельности, столкнуться с необходимостью зарабатывать на жизнь и убедиться, что внутреннее призвание не освобождает человека

от повседневных обязанностей. Напротив, иногда оно делает жизнь труднее, потому что заставляет выбирать между тем, что необходимо для существования, и тем, без чего невозможно представить собственное будущее.

Но пока эти испытания ещё не раскрылись перед ним во всей полноте.

Пока он был молодым человеком, которому предстояло найти своё место в огромном мире. У него не было причин считать себя будущим великим художником. Он не мог знать, что его имя когда-нибудь появится в каталогах выставок, что люди станут спорить о смысле его картин и искать в них отражение собственных переживаний.

Он просто продолжал смотреть.

Смотреть на лица, на улицы, на людей, которые жили рядом с ним и редко задумывались о том, какое впечатление производят на незнакомца. Смотреть на то, как человеческая радость соседствует с горем, как надежда возникает после разочарования и как человек, потерявший многое, всё же продолжает жить.

Постепенно его внимание всё чаще обращалось к тем, кого общество привыкло считать обыкновенными. К людям без громких имён и высоких титулов, к тем, чьи судьбы редко становились предметом разговоров. Возможно, именно в них он находил ту подлинность, которую не всегда удавалось обнаружить среди внешнего блеска.

И это многое говорит о будущем художнике.

Он ещё не знал, какие картины напишет, какие цвета станут для него особенно значимыми и каким образом он сумеет передать собственное восприятие мира. Но уже приближался к главному вопросу, на который ему предстояло отвечать всю жизнь: что делает человека достойным того, чтобы его увидели?

Не богатство. Не положение. Не известность.

Быть может, сама жизнь — со всеми её радостями, слабостями, потерями и надеждами.

Однажды Нико научится говорить об этом языком живописи. Его герои будут смотреть на зрителя с полотен, словно между ними не существует ни времени, ни расстояния. И люди, никогда не бывавшие в старом Тифлисе, почувствуют в этих изображениях нечто знакомое.

Но до этого дня ещё далеко.

Впереди — городские улицы, нелёгкий труд, первые попытки найти себя, ошибки, разочарования и открытия. Впереди — долгие годы, когда художник будет создавать свой мир почти вопреки обстоятельствам, не зная, насколько далеко однажды разойдутся по свету его картины.

А где-то в будущем, в Париже, женщина по имени Маргарита Морель ещё не подозревает, что однажды встретится с прошлым лицом к лицу.

Она ещё не знает, что в старом грузинском городе человек, которого она пока не знает или не помнит так, как ей предстоит помнить его впоследствии, создаёт образы, спо-

собные пережить не только самого художника, но и тех, кто когда-то вдохновлял его.

Между ними пока лежат годы.

Между ними — две судьбы, которым ещё предстоит соприкоснуться.

И между ними — искусство, которое однажды превратит человеческое чувство в тайну, не подвластную времени.

Так начинался путь.

Не с громкой славы и не с признания. Не с парижской выставки и не с букета цветов, которому суждено стать легендой.

Он начинался с мальчика, который смотрел на мир и постепенно учился видеть в нём больше, чем было заметно окружающим.

А всё остальное ещё только ждало своего часа.

Глава 3. Город чужих и своих

Тифлис не встречал человека с распростёртыми объятиями. Он сначала присматривался к нему, словно старый торговец, который не спешит доверять незнакомцу, а потом, если находил в нём что-то настоящее, незаметно впускал в свою жизнь. Одним город дарил достаток, другим — друзей, третьим — любовь, а некоторых годами испытывал нуждой и одиночеством, будто хотел убедиться, что они пришли сюда не за лёгкой добычей.

Нико оказался среди тех, кому предстояло пройти через испытания.

Когда он окончательно освоился в городе, ему стало казаться, что Тифлис живёт сразу в нескольких измерениях. На верхних улицах, где за высокими оградами скрывались просторные дворы и ухоженные сады, жизнь текла размеренно. Там мужчины обсуждали торговлю, политику и дальние поездки, женщины принимали гостей, а дети учились музыке и иностранным языкам. Внизу, ближе к Куре, город становился шумнее и беспокойнее. Здесь гремели телеги, перекликались извозчики, торговцы зазывали покупателей, пахло свежим хлебом, мокрой шерстью, лошадьми и дымом из очагов.

Нико любил ходить пешком. Ему нравилось наблюдать за людьми, не привлекая к себе внимания. Он мог долго стоять у лавки, делая вид, будто рассматривает товар, и следить за

тем, как хозяин разговаривает с покупателем. Он замечал, что один человек торгуется громко, потому что боится показаться бедным, другой молчит, скрывая раздражение, а третий улыбается даже тогда, когда ему нечем заплатить.

Однажды утром он остановился у маленькой пекарни. Хозяин, широкоплечий мужчина с густыми усами, вынес на деревянный прилавок горячие лепёшки. Возле него стояла девочка лет десяти, прижимая к груди потрёпанную корзинку.

— Дяденька, дайте одну. Мама вечером заплатит.

— Все у вас вечером платят, — проворчал пекарь. — А утром я должен муку покупать, печь топить и тесто месить. На что мне жить?

Девочка опустила голову. Она не плакала, но пальцы её крепче сжали ручку корзинки.

Нико уже хотел пройти дальше, однако задержался. В кошельке у него было немного денег, и каждая монета имела значение. Он мог бы купить себе хлеб на несколько дней, но вместо этого подошёл к прилавку.

— Дайте две, — сказал он.

Пекарь завернул лепёшки в бумагу.

— Себе берёшь?

— Одну себе, другую ей.

— А ты, значит, богатый? — усмехнулся тот.

— Нет. Просто сегодня у меня есть деньги.

Пекарь посмотрел на юношу внимательнее. В его взгляде мелькнуло что-то похожее на уважение, но он тут же спрятал

это чувство за привычной насмешкой.

— С такой щедростью скоро сам будешь просить в долг.

— Может быть, — ответил Нико. — Но сегодня девочка уйдёт с хлебом.

Он отдал ей лепёшку. Девочка долго смотрела на него, словно пыталась запомнить лицо человека, который не спросил ни её имени, ни имени её матери.

— Спасибо, — прошептала она.

— Иди скорее, пока хлеб горячий.

Она убежала, прижимая свёрток к груди.

Нико отошёл от пекарни и только тогда почувствовал, насколько сильно проголодался. Он отломил кусок своей лепёшки и продолжил путь. Денег осталось меньше, чем он рассчитывал, но сожаления не было. Ему казалось неправильным проходить мимо чужой беды только потому, что собственная жизнь тоже не была лёгкой.

Впоследствии ему не раз предстояло убеждаться, что сострадание редко приносит человеку выгоду. Однако именно оно удерживало в нём ту внутреннюю опору, без которой художник рискует превратиться в умелого ремесленника, способного воспроизводить лица, но не умеющего передавать человеческую душу.

В Тифлисе каждый день можно было встретить людей, чьи лица словно просились на холст. Но Нико пока не думал о них как о будущих картинах. Он просто смотрел и запоминал.

Он запоминал старого сапожника, который работал возле дверей своей мастерской и разговаривал с каждым башмаком так, словно тот был живым существом. Запоминал женщину, продававшую зелень на углу: она всегда пересчитывала выручку дважды и каждый раз удивлялась, как мало осталось. Запоминал мальчишку, который целыми днями бегал между извозчиками, предлагая свои услуги, а вечером садился на каменную ступень и смотрел на освещённые окна богатых домов.

Особенно его занимали люди, которых остальные почти не замечали.

Однажды вечером Нико увидел на перекрёстке старика с небольшим деревянным ящиком. В ящике лежали пуговицы, нитки, иголки и несколько дешёвых гребней. Старик стоял неподвижно, придерживая товар обеими руками. Мимо проходили люди, и никто не останавливался.

Наконец к нему подошёл молодой человек в добротном пальто.

— Дедушка, сколько стоит гребень?

— Какой возьмёшь, господин? Этот дешевле, этот крепче.

Молодой человек выбрал самый дешёвый, покрутил его в пальцах и неожиданно рассмеялся.

— Да за такую цену можно купить целую дюжину!

— Можно, господин, — спокойно согласился старик. — Только у меня нет дюжины. Есть один.

— А если я дам тебе половину?

Старик посмотрел на него без злобы.

— Тогда ты получишь половину гребня?

Молодой человек замолчал. Нико, стоявший неподалёку, невольно улыбнулся. В этой короткой реплике было больше достоинства, чем во многих громких речах, которые он слышал на улицах.

Покупатель бросил деньги и ушёл. Старик спрятал монету в карман, поправил ящик и продолжил ждать.

Нико подошёл к нему.

— Вы давно здесь стоите?

— С самого утра.

— И много продали?

— Сегодня мало.

— А вчера?

Старик пожал плечами.

— Вчера было вчера. Если каждый вечер считать только то, что не удалось продать, утром не захочется выходить из дома.

Эти слова остались с Нико надолго. Он понял, что перед ним человек, который не позволял неудачам отнимать у него следующий день. Возможно, старик никогда не размышлял о стойкости духа и не знал красивых слов для её обозначения. Он просто жил, потому что надо было жить.

Нико ещё не умел объяснять себе, почему подобные встречи так глубоко его трогали. Он только чувствовал, что за каждым лицом скрывается история, которой никто не обя-

зан делиться с прохожими. И если художник хочет увидеть человека по-настоящему, ему недостаточно разглядеть форму носа, линию губ или складку на лбу. Нужно понять, что заставило эти губы сжаться, почему взгляд стал осторожным и какую память несёт лицо, изборождённое морщинами.

Но город был не только школой человеческих характеров. Он был и школой выживания.

Нико приходилось экономить на всём. Иногда он обходился хлебом и водой, иногда находил временную работу, иногда соглашался на занятие, которое не приносило ни радости, ни уверенности в завтрашнем дне. Он не любил жаловаться. Ему казалось, что жалоба сама по себе ничего не меняет, а рассказывать о собственных трудностях людям, которые и без того заняты своими заботами, — значит перекладывать на них лишнюю тяжесть.

Однако однажды терпение его едва не иссякло.

В тот день он пришёл к человеку, который обещал заплатить за выполненную работу. Заказчик оказался в хорошем настроении, долго говорил о делах и лишь в конце разговора вспомнил о долге.

— Придётся подождать, — сказал он. — Сейчас у меня нет свободных денег.

— Вы обещали заплатить сегодня.

— А ты всегда веришь обещаниям?

Нико поднял глаза.

— Если человек сам называет день, я стараюсь ему верить.

— Тогда тебе ещё многому предстоит научиться.

Заказчик засмеялся, словно произнёс мудрость, достойную запоминания. Нико ничего не ответил. Он мог спорить, мог потребовать своё, мог наговорить резких слов, но понимал: даже если деньги удастся получить, унижение останется.

На улице уже смеркалось. Он шёл, не разбирая дороги, и впервые за долгое время чувствовал не просто усталость, а настоящую обиду. Ему казалось несправедливым, что честный труд не гарантирует человеку даже спокойного вечера. Он остановился возле стены, положил ладонь на холодный камень и закрыл глаза.

— Что же ты молчишь? — услышал он рядом.

Перед ним стоял знакомый старик с ящиком, которого он встретил несколько дней назад. Старик, по-видимому, возвращался домой и узнал Нико.

— А что говорить? — ответил тот. — Если человеку выгодно не платить, мои слова его не изменят.

— Может быть. Но ты-то изменишься, если будешь каждый раз уходить с этой обидой.

Нико посмотрел на него.

— А как вы поступаете?

— Я? — Старик усмехнулся. — Я считаю деньги, которые у меня есть, а не те, которых мне не дали. Иначе можно всю жизнь прожить в чужом долгу.

— Но ведь это несправедливо.

— Конечно, несправедливо. Я не говорю, что нужно считать несправедливость справедливостью. Я говорю, что нельзя отдавать ей всё своё время.

Они немного помолчали. По улице проехала телега, колёса глухо ударились о неровность мостовой.

— Ты рисуешь? — неожиданно спросил старик.

Нико удивился.

— Почему вы спрашиваете?

— У тебя глаза такие, будто ты всё время что-то рассматриваешь. Даже когда сердишься, смотришь не на человека, а куда-то глубже.

Нико не нашёлся с ответом.

— Значит, рисуешь, — заключил старик. — Тогда запомни: не всякий, кто смотрит, видит. Но и тот, кто видит, не всегда понимает, что ему открыто.

Он поправил ящик и пошёл дальше. Нико проводил его взглядом, а затем продолжил свой путь. Обиду он не забыл, однако она уже не занимала всё его сознание. Впервые он подумал, что трудности могут быть не только препятствием, но и материалом для внутренней работы. Человек, который никогда не голодал, способен изобразить хлеб. Но сумеет ли он передать то чувство, с которым голодный смотрит на последний кусок?

Вопрос не требовал немедленного ответа. Он просто поселился в памяти.

Вскоре Нико всё чаще стал замечать, что город обращает-

ся к нему через случайные встречи. Иногда он шёл по улице и вдруг видел сцену, которую хотелось сохранить навсегда: две женщины спорили у колодца, ребёнок тянулся к руке отца, пьяный мужчина пытался поднять упавшую корзину, а его товарищ, сам едва держась на ногах, помогал ему с такой серьёзностью, будто от этого зависела судьба целого мира.

Однажды он остановился возле двора, где несколько мужчин играли в нарды. Спор был жарким. Один игрок обвинял другого в нечестности, третий пытался примирить спорщиков, а четвёртый молча передвигал фишки, словно происходящее его не касалось.

— Ты чего стоишь? — спросил один из игроков, заметив Нико. — Ставку сделать хочешь?

— Нет, я смотрю.

— На что?

Нико немного подумал.

— На то, как вы проигрываете.

Мужчины рассмеялись.

— Вот это наблюдатель! — сказал тот, что сидел ближе к двери. — И кто же из нас проигрывает?

— Пока все, — ответил Нико. — Вы ведь уже забыли, что начали играть ради удовольствия.

Смех стал громче, но на этот раз в нём не было насмешки. Один из мужчин придвинул ему табурет.

— Садись, художник. Раз уж ты нас так хорошо понял, посмотри, кто сегодня останется без денег.

Нико сел. Он не знал правил игры во всех тонкостях, но вскоре понял, что за движением фишек следит не так внимательно, как за лицами игроков. Один сердился на себя, другой скрывал страх проиграть, третий наслаждался чужой досадой, а четвёртый, казалось, вообще забыл о ставке и просто радовался вечеру в компании знакомых.

В тот день он впервые почувствовал, что человеческая жизнь похожа на игру, правила которой никто не объясняет до конца. Одни вступают в неё с надеждой победить, другие — лишь бы не проиграть, третьи не понимают, что уже давно играют не ради выигрыша. Но за каждым решением стоит характер, а за характером — то, чего не видно с первого взгляда.

Нико ушёл, когда на дворе зажгли фонарь. Дома его ждала скромная еда и ещё один вечер, в котором нужно было решать, как прожить следующий день. Но внутри у него постепенно складывалось понимание: он не может изменить город, не может избавить его от нищеты, несправедливости и человеческой слабости. Зато он может научиться видеть всё это так, чтобы однажды другие люди тоже увидели.

И всё же в Тифлисе существовала одна опасность, о которой Нико пока не догадывался. Город умел не только поддерживать человека. Он умел и приучать его к одиночеству. Здесь можно было каждый день встречать сотни людей, слышать десятки языков, обмениваться приветствиями и всё равно оставаться одиноким. Толпа не всегда становилась об-

ществом, а знакомство не всегда превращалось в дружбу.

Нико был окружён людьми, но редко говорил о себе. Когда его спрашивали о прошлом, он отвечал коротко. Когда спрашивали о будущем, пожимал плечами. Он не хотел обещать того, в чём не был уверен, и не умел изображать уверенность ради чужого расположения.

— Ты всегда такой серьёзный? — спросил его однажды молодой торговец, с которым он несколько раз встречался на рынке.

— Не всегда.

— А когда смеёшься?

— Когда есть над чем.

— Да над тобой самим можно смеяться каждый день! — воскликнул торговец. — Ты ходишь так, словно несёшь на плечах весь Тифлис.

Нико посмотрел на него и неожиданно рассмеялся. Торговец оказался прав: иногда он действительно принимал слишком близко к сердцу то, что не мог изменить.

— Вот! — обрадовался тот. — Значит, умеешь. А то я уже решил, что ты родился стариком.

— Может быть, я просто слишком рано научился думать.

— Тогда учись иногда забывать.

Совет был добрым, но Нико не мог последовать ему по чужому приказу. Он не умел забывать увиденное. Чужая беда, несправедливое слово, случайная улыбка, лицо человека, который пытался скрыть слёзы, — всё это оставалось в нём

и постепенно соединялось в невидимую картину мира.

Вечерами он возвращался к своим занятиям. Иногда ему удавалось работать сосредоточенно, иногда усталость брала верх. Он мог долго смотреть на лист, прежде чем сделать первый штрих, словно боялся исказить то, что видел внутренним зрением. Ему хотелось не просто повторить внешний облик предмета. Он искал в изображении правду, хотя ещё не знал, как определить её словами.

Однажды он попробовал нарисовать старика с деревянным ящиком. В памяти сохранились его опущенные плечи, сухие руки и спокойный взгляд. Нико начал с лица, но остановился. На листе получался всего лишь усталый старик. Между тем в настоящем человеке было нечто большее — упрямое достоинство, с которым он выходил на улицу даже после неудачного дня.

Нико отложил рисунок. Он понял, что не сумел передать главное.

Это открытие огорчило его сильнее, чем отказ заказчика заплатить. Впервые он ощутил расстояние между тем, что видел, и тем, что мог выразить. Но вместе с огорчением пришло и новое чувство: ему захотелось преодолеть это расстояние.

Он снова взялся за работу.

Линия за линией перед ним возникало лицо. Он не пытался сделать старика красивее, моложе или значительнее. Не стремился скрыть морщины и усталость. Напротив, он ста-

рался сохранить то спокойствие, которое видел в его глазах. Когда рисунок был закончен, Нико долго рассматривал его, не испытывая ни гордости, ни полного удовлетворения.

Это ещё не было тем, чего он искал. Но теперь он знал, что должен искать дальше.

В Тифлисе наступала весна. На базарах становилось больше зелени, из открытых окон доносились голоса, на балконах сушили бельё, а по вечерам город наполнялся мягким светом. Казалось, сама жизнь приглашала человека забыть о трудностях и поверить, что впереди непременно будет что-то хорошее.

Нико тоже хотелось верить. Ему хотелось иметь дом, в котором его ждали бы, работу, не заставлявшую каждый день думать о хлебе, и людей, которым можно было бы доверить свои сомнения. Он не считал такие желания слабостью. Но пока они оставались мечтами, а мечты не могли заменить ни денег, ни крыши над головой, ни уверенности в завтрашнем дне.

Однажды, проходя по улице, он увидел молодую женщину, которая несла букет полевых цветов. Она торопилась, придерживая одной рукой платок, и несколько стеблей выскользнули из бумаги. Нико поднял упавший цветок и протянул ей.

— Вы потеряли.

Женщина остановилась.

— Спасибо. Я даже не заметила.

Она улыбнулась и пошла дальше. Встреча длилась несколько секунд, но Нико ещё долго смотрел ей вслед. Не потому, что был влюблён, — он едва успел рассмотреть её лицо. Его поразило другое: цветы были простыми, без дорогой упаковки, и всё же женщина несла их с такой осторожностью, словно в руках у неё находилось что-то бесценное.

Он подумал, что люди редко берегут то, что кажется им обычным. Иногда только потеряв что-то, они понимают, какую ценность оно имело. Но случается и обратное: человек способен годами проходить мимо собственного счастья, потому что ждёт от жизни чего-то более значительного.

Нико ещё не знал, что однажды эта мысль станет для него не отвлечённым размышлением, а личной болью.

Пока же его жизнь складывалась из маленьких событий, не обещавших ни славы, ни богатства. Он работал, учился, наблюдал, ошибался и начинал снова. Тифлис не сделал его счастливым, но дал ему то, чего нельзя было получить из книг: возможность каждый день смотреть на человека в самых разных обстоятельствах и видеть, как достоинство соседствует с унижением, щедрость — с жадностью, нежность — с жестокостью, а надежда порой сохраняется там, где, казалось бы, для неё не осталось места.

Город постепенно становился его школой, хотя уроки в этой школе не имели расписания. Учителем мог оказаться нищий старик, случайный прохожий, торговец, ребёнок или человек, который однажды обманул его. И не всегда Нико

понимал смысл урока сразу. Некоторые слова доходили до него спустя годы, когда он уже не мог спросить у того, кто их произнёс, что именно тот имел в виду.

Однажды вечером, возвращаясь домой, он остановился на высоком месте, откуда открывался вид на крыши и улицы Тифлиса. В сумерках город казался единым целым. Днём он был разделён на богатых и бедных, на хозяев и работников, на тех, кто приказывал, и тех, кто исполнял. Теперь же над всеми поднимался один и тот же вечерний дым, и в каждом окне загорался свой маленький огонь.

Нико долго смотрел на этот свет.

Он подумал о людях, которых встретил за последнее время, о старике с ящиком, о девочке у пекарни, о заказчике, отказавшемся платить, о мужчинах, споривших над нардами. Все они были разными. Кто-то вызывал сочувствие, кто-то раздражение, кто-то невольную улыбку. Но каждый существовал в собственном мире, и никто не мог полностью знать, что происходит в душе другого.

Возможно, именно поэтому Нико так стремился научиться видеть. Он хотел приблизиться к тому, что скрыто за привычным обликом вещей, и найти способ выразить это без объяснений и оправданий. Ему предстояло ещё многое пережить, прежде чем он поймёт, что простота изображения иногда требует большего труда, чем самая сложная работа, а правдивое лицо может рассказать о человеке больше, чем длинная история его жизни.

Нико повернулся и пошёл вниз, к освещённым улицам.

Тифлис продолжал жить своей беспокойной жизнью. Где-то спорили, где-то смеялись, где-то закрывали ставни, а где-то человек ждал возвращения того, кто задерживался до темноты. Город не знал, что среди его прохожих растёт художник, которому однажды удастся заставить незнакомых людей остановиться перед картиной и почувствовать чужую боль как собственную.

Сам Нико ещё не знал, что ждёт его впереди. Он возвращался домой по знакомым улицам, прислушиваясь к вечерним голосам, доносившимся из открытых окон, и думал о том, как прожить следующий день, где найти работу и когда удастся снова заняться живописью. Его жизнь пока не обещала ни признания, ни достатка, но в нём постепенно крепло убеждение, что даже самые скромные и незаметные события заслуживают внимания, если за ними стоит человеческая судьба. Он ещё не умел выразить это убеждение в законченных картинах, однако уже начинал понимать, что именно оно должно стать основой его искусства.

Глава 4. Цена призвания

Нико всё чаще замечал, что обычная работа, необходимая для пропитания, отнимает у него не только силы, но и самое дорогое — время, которое он мог бы посвятить рисованию. Утром он отправлялся по делам, днём решал вопросы, от которых зависело, будет ли у него вечером хлеб, а возвращаясь домой, нередко обнаруживал, что руки устали настолько, что держать карандаш становилось трудно. И всё-таки он садился за работу, потому что дни, прожитые без попытки что-нибудь нарисовать, оставляли в нём ощущение незавершённости.

Поначалу ему казалось, что главное препятствие заключается в отсутствии денег. Если бы у него было достаточно средств, он мог бы не думать о завтрашнем пропитании, приобрести хорошие материалы и спокойно учиться. Но постепенно он понял, что бедность — лишь одна сторона его положения. Денег действительно не хватало, однако ещё труднее было найти людей, которые отнеслись бы к его стремлению всерьёз. Для большинства знакомых живопись оставалась занятием, которым можно увлечься в молодости, но от которого разумный человек должен отказаться, если оно не приносит дохода.

Однажды за обедом, состоявшим из хлеба, сыра и горячего чая, один из его знакомых, человек практичный и не

лишённый доброжелательности, решил поговорить с ним откровенно.

— Скажи мне, Нико, ты действительно думаешь, что сможешь прожить рисованием?

— Не знаю, — ответил Нико.

— Вот именно. Ты не знаешь, а время идёт. Человек должен выбирать дело, которое даёт ему возможность стоять на ногах. Торговля, ремесло, служба — везде можно добиться своего, если работать честно. А что даст тебе живопись?

Нико задумался. Он не хотел отвечать красивыми словами, потому что сам ещё не мог объяснить, куда приведёт его дорога.

— Пока не знаю, что она мне даст, — сказал он наконец. — Но знаю, что будет со мной, если я совсем перестану рисовать.

— И что же?

— Я буду продолжать жить, конечно. Только не так, как должен.

Знакомый покачал головой.

— Ты говоришь так, словно живопись — это хлеб.

— Нет, — тихо ответил Нико. — Хлеб нужен, чтобы жить. А рисование нужно мне, чтобы понимать, ради чего я живу.

Собеседник не стал спорить. Он посмотрел на юношу с тем выражением, с каким смотрят на человека, которого любят и одновременно не понимают. Возможно, он искренне желал Нико добра. Он просто не мог представить, что суще-

ствует призвание, которое не исчезает от голода, усталости и насмешек, а иногда становится сильнее именно тогда, когда жизнь пытается его подавить.

После этого разговора Нико долго не мог уснуть. Ему хотелось найти убедительный ответ на вопрос, который ему задали, и доказать хотя бы самому себе, что он не тратит жизнь впустую. Но доказательства не приходили. Перед ним лежали лишь исписанные листы, несколько удачных набросков и множество рисунков, в которых он видел собственные ошибки.

Он поднялся, зажёг лампу и снова принялся за работу.

На этот раз он выбрал для рисунка простую глиняную посуду, стоявшую у стены. Предмет был обыкновенным, без украшений и особой ценности. На его поверхности остались следы времени, а у края виднелась небольшая трещина. Нико долго изучал её форму, пытаясь понять, как передать на бумаге тяжесть сосуда и неровность его поверхности. Он несколько раз стирал начатое, сердился на себя и снова проводил линии.

Постепенно изображение становилось убедительнее. Сосуд переставал быть плоской фигурой на листе, приобретая объём и собственную тяжесть. Но Нико не удовлетворился этим. Он смотрел на трещину и думал о том, сколько раз люди пытались сохранить вещи, которые уже начали разрушаться, и как часто выбрасывали их не потому, что они стали бесполезными, а потому, что перестали выглядеть безупреч-

но.

Он отложил карандаш и невольно улыбнулся собственной мысли. Обычная глиняная посуда заставила его задуматься о человеческой жизни. Возможно, именно так и должно было происходить: предмет давал глазам форму, а воображению — возможность заглянуть дальше неё.

На следующий день Нико отправился в город с несколькими рисунками. Он хотел показать их человеку, который, по словам знакомого, разбирался в искусстве и мог дать совет. Нико не рассчитывал на похвалу. Ему хотелось узнать, в каком направлении двигаться, что исправлять и чему учиться.

Встреча оказалась не такой, какой он её представлял. Хозяин комнаты, куда его направили, был занят посетителями и сперва едва взглянул на пришедшего юношу. Только после нескольких минут ожидания он протянул руку за рисунками.

— Это твоё?

— Моё.

Мужчина просмотрел листы быстро, почти не задерживаясь на отдельных работах. Затем положил их на стол.

— Ты наблюдательный. Это хорошо. Но наблюдательность ещё не делает человека художником.

Нико почувствовал, как внутри у него всё напряглось, однако постарался сохранить спокойствие.

— Что мне следует исправить?

— Многое. Ты пока не умеешь достаточно уверенно владеть рисунком. Тебе не хватает подготовки, практики, зна-

ния основ. Ты пытаешься передать то, что чувствуешь, но чувство не заменяет умения.

Нико опустил глаза на лежавшие перед ним листы. Он и сам знал, что многие из них несовершенны. Ему было больно не потому, что незнакомец указал на ошибки, а потому, что тот произнёс их так, словно видел перед собой только набор недостатков и не считал нужным искать в работе что-либо достойное внимания.

— Значит, мне нужно учиться, — сказал Нико.

Мужчина впервые посмотрел на него внимательнее.

— Разумеется. Но учёба требует времени и денег. А время, молодой человек, не возвращается. Подумай, прежде чем посвящать себя делу, которое может не прокормить тебя.

Нико собрал рисунки. Он поблагодарил хозяина за приём и вышел на улицу, чувствуя себя так, словно за короткое время постарел на несколько лет. Он не сердился на человека, который высказал ему правду, но его мучил вопрос: если для того, чтобы стать художником, ему необходимо учиться, а для учёбы нужны деньги, которые он должен зарабатывать работой, отнимающей всё его время, то как разорвать этот круг?

Он шёл медленно, не замечая прохожих. На одном перекрёстке ему пришлось остановиться, пропуская телегу. Возница раздражённо крикнул на него, и Нико отступил к стене. Только тогда он осознал, что всё ещё сжимает в руке один

из рисунков.

Он развернул лист. На нём была изображена женщина, сидевшая у окна. Нико увидел её случайно, когда проходил мимо открытой двери. Женщина не знала, что за ней наблюдают. Она держала в руках небольшую вещь, которую пыталась починить, и время от времени поглядывала в сторону улицы. На лице её читались усталость и тревога, но в движениях сохранялась аккуратность человека, который привык выполнять свою работу добросовестно, даже когда никто этого не замечает.

Рисунок был несовершенным. Линии местами получились слишком жёсткими, пропорции требовали исправления, а свет и тень ещё не создавали необходимой глубины. И всё же Нико почувствовал, что в этой работе есть что-то, чего не было в предыдущих. Он не просто скопировал положение фигуры. Он попытался передать состояние человека, который продолжал заниматься повседневным делом, несмотря на беспокойство.

Он спрятал лист и пошёл дальше. Впервые за этот день ему стало немного легче.

Вечером Нико встретил человека, который впоследствии сыграл в его жизни важную роль. Это был знакомый знакомых, занимавшийся оформлением вывесок и торговых помещений. Его звали Георгий, и он обладал редким для человека, постоянно имевшего дело с заказчиками, качеством: умел слушать, не перебивая собеседника. Они разговори-

лись случайно, возле мастерской, где Нико задержался, рассматривая выставленные образцы росписи.

— Тебе нравится эта работа? — спросил Георгий.

— Некоторые вещи сделаны хорошо, — ответил Нико. — Но мне кажется, что они слишком стараются понравиться покупателю.

Георгий рассмеялся.

— Это потому, что покупатель платит не за наши размышления, а за то, что ему нравится.

— А разве нельзя сделать так, чтобы человеку нравилось то, что действительно хорошо?

— Можно. Только тогда придётся убедить его, что он сам этого хочет.

Нико улыбнулся. Ответ ему понравился, хотя он не был уверен, что до конца понял его смысл.

Георгий заметил рисунки, которые юноша держал под мышкой, и попросил показать их. Нико сначала отказался, сославшись на то, что работы ещё не закончены, но собеседник настоял. Он рассматривал листы не так, как прежний знакомый: не спешил, возвращался к отдельным деталям, задавал вопросы о том, где и при каких обстоятельствах был сделан каждый набросок.

— Ты часто рисуешь с натуры?

— Когда удаётся.

— А почему выбираешь именно этих людей?

Нико задумался.

— Не знаю. Иногда я вижу лицо и понимаю, что не смогу пройти мимо. Иногда мне кажется, что человек сам не замечает, как много говорит его лицо.

Георгий кивнул.

— Это интереснее, чем просто копировать красивые вещи. Но тебе действительно нужно учиться. Одного взгляда недостаточно.

— Мне уже сказали об этом сегодня.

— И правильно сказали. Только не следует путать отсутствие мастерства с отсутствием таланта. Первое можно развить. Второе, если его нет, никакими уроками не заменишь. А вот что у тебя есть, я пока не берусь определять. Для этого нужно больше времени.

Впервые за долгое время Нико услышал критику, после которой не захотелось спрятать рисунки и больше никому их не показывать. Георгий не обещал ему успеха, не называл будущим великим художником и не пытался утешить красивыми словами. Он просто отнёсся к его работе серьёзно.

— Я знаю человека, который может помочь тебе найти занятия, — сказал Георгий. — Не обещаю, что это решит все твои проблемы. Но если ты действительно хочешь учиться, попробуем что-нибудь придумать.

Нико поблагодарил его, и они договорились встретиться через несколько дней. Расставшись с новым знакомым, юноша почувствовал осторожную надежду. Она была ещё слишком мала, чтобы изменить его жизнь, но теперь у него по-

явился конкретный шаг, который можно было сделать.

В последующие дни Нико работал с необычной настойчивостью. Он старался не просто рисовать больше, но и понимать собственные ошибки. Если изображение получалось неубедительным, он выяснял, что именно мешало ему передать увиденное. Иногда проблема заключалась в пропорциях, иногда — в неверно выбранной линии, иногда — в том, что он пытался изобразить слишком многое сразу и терял главное.

Он начал внимательнее изучать предметы вокруг себя. Чашка на столе, деревянная дверь, складки ткани, лицо человека, стоявшего против света, — всё становилось для него поводом задуматься о форме. Он обнаруживал, что мир не раскрывает своих тайн человеку, который смотрит на него невнимательно. Даже самая простая вещь требовала терпения, а человеческое лицо было сложнее любого предмета, потому что менялось вместе с настроением и памятью.

Однако труд не избавил его от сомнений. Иногда ему казалось, что он движется вперёд, но затем очередная неудачная работа возвращала его к прежней неуверенности. Он сравнивал свои рисунки с теми произведениями, которые видел у других мастеров, и чувствовал, насколько велико расстояние между его попытками и настоящим искусством.

В такие дни он вспоминал старика с деревянным ящиком. Тот не говорил о таланте, не рассуждал о предназначении и не обещал, что упорство непременно приведёт к победе.

Он просто выходил на улицу после каждого неудачного дня, потому что утром снова нужно было жить.

Нико понимал, что не может ждать, пока исчезнут все трудности. Если он будет заниматься живописью только тогда, когда у него появятся деньги, силы и свободное время, то может не начать по-настоящему никогда. Ему придётся учиться работать в тех условиях, которые есть, не превращая бедность в оправдание, но и не забывая, насколько тяжело она ограничивает человека.

Через несколько дней он встретился с Георгием. Тот действительно нашёл возможность познакомить его с человеком, который давал уроки рисунка и был готов принять молодого ученика за небольшую плату. Сумма всё равно казалась Нико значительной, но теперь у него появилась возможность договориться о занятиях и постепенно оплачивать их.

В тот вечер он вернулся домой с ощущением, что впервые за долгое время перед ним открылась дорога, пусть узкая и трудная. Он не знал, сколько лет потребуется, чтобы научиться выражать всё, что он видел и чувствовал. Не знал, удастся ли ему когда-нибудь зарабатывать живописью и найдутся ли люди, способные понять его работы. Но впервые эти вопросы перестали казаться непреодолимой стеной.

Он разложил на столе рисунки, отобрал несколько, которые хотел показать будущему учителю, и убрал остальные в папку. Затем долго сидел над чистым листом, не решаясь начать новую работу. Ему хотелось изобразить человека, кото-

рого он встретил накануне, но теперь он понимал, что одного впечатления недостаточно. Нужно было вернуться к воспоминанию, отделить случайные детали от главного и найти такую линию, которая не просто повторит внешность, а поможет почувствовать характер.

Наконец он взял карандаш и начал рисовать.

За окном шумел Тифлис, в соседних домах зажигались лампы, кто-то разговаривал на балконе, кто-то закрывал ставни перед ночью. Нико работал, пока не устали глаза. Рисунок ещё требовал исправлений, и он знал, что завтра придётся снова взяться за него. Но теперь его не пугало несовершенство начатого: он постепенно понимал, что призвание не избавляет человека от ошибок, а лишь заставляет возвращаться к работе, когда легче было бы отступить.

Так начинался новый этап его жизни. Впереди оставались нужда, разочарования, чужое равнодушие и долгие годы поисков. Но вместе с ними появлялись знания, первые знакомства и редкие мгновения, когда Нико чувствовал, что его усилия не напрасны. Он ещё не мог назвать себя настоящим художником, однако уже переставал быть человеком, который только мечтает им стать.

Глава 5. Уроки, которых не было в книгах

Первое занятие Нико ожидал с таким волнением, словно от предстоящей встречи зависело всё его будущее. Он несколько раз проверил, взял ли с собой рисунки, завернул их в чистую бумагу и вышел из дома раньше обычного. Дорога была ему знакома, однако в тот день привычные улицы казались другими. Он смотрел на прохожих, на вывески лавок, на старые стены, покрытые следами дождей, и думал о том, что совсем скоро ему, возможно, откроется нечто, чего он прежде не понимал.

Учитель жил и работал в небольшом помещении, где пахло бумагой, красками и древесной пылью. У окна стоял стол, возле стены находились несколько стульев, а на полках лежали папки с рисунками и свёрнутые листы. Комната не производила впечатления богатой мастерской, но Нико сразу почувствовал, что здесь работают люди, для которых искусство не является случайным занятием.

Хозяина звали Александр Петрович. Он был человеком среднего роста, с внимательными глазами и привычкой говорить спокойно, даже когда собеседник начинал волноваться. Внешне он казался строгим, но в его манере держаться не было желания подавить другого человека. Он попросил Нико показать работы, внимательно просмотрел их и пред-

ложил сесть.

— Кто тебя учил рисовать?

— Никто по-настоящему. Я пробовал сам.

— Это заметно.

Нико почувствовал, как у него вспыхнули щёки.

— Вы считаете, что мои рисунки плохие?

— Я считаю, что они несовершенны. Это не одно и то же. Плохая работа часто рождается из равнодушия, а несовершенная может быть началом серьёзного труда. Но мне нужно понять, способен ли ты учиться.

Александр Петрович достал из шкафа небольшой кувшин, поставил его на стол и придвинул к нему лист бумаги.

— Нарисуй.

Нико посмотрел на кувшин. Он был простым, слегка потемневшим от времени, с широким основанием и узким горлышком. Юноша уже не раз изображал подобные предметы, поэтому сначала почувствовал облегчение. Он взял карандаш и начал работу.

Однако через несколько минут учитель остановил его.

— Почему ты начал с контура?

— Так мне легче.

— А если контур неверен?

Нико не ответил.

— Ты стараешься сразу обвести предмет, словно уже знаешь, каким он должен получиться. Но сначала посмотри на него. Где он шире? Как соотносятся основание и горлышко?

Куда падает свет? Что делает его объёмным? Ты видишь кувшин целиком, а рисовать пытаешься по частям, не понимая, как эти части связаны.

Учитель повернул лист к себе и несколькими движениями наметил основные пропорции. Затем вернул рисунок Нико.

— Попробуй ещё раз. Не торопись.

Второй набросок оказался не лучше первого. Нико сердился на себя, потому что ему казалось, будто он видит предмет совершенно ясно, но рука не слушается глаза. Александр Петрович не торопил его. Он показывал, где линия уходит в сторону, где форма становится плоской, где тень не соответствует положению источника света. Иногда его замечания были короткими, иногда он подробно объяснял, почему одна ошибка тянет за собой другую.

К концу занятия Нико почувствовал себя так, словно весь день таскал тяжёлые камни. Он привык работать самостоятельно и считал, что внимательность поможет ему справиться с большинством трудностей. Теперь выяснялось, что внимательность без знания законов рисунка часто заводит в тупик.

— Выходит, я почти ничего не умею, — сказал он, собирая листы.

— Нет, — ответил учитель. — Ты умеешь замечать. Это уже немало. Но теперь тебе придётся научиться проверять собственное впечатление. Глаз может обманывать, особенно когда человек очень хочет увидеть то, что ему нравится.

Нико поднял голову.

— А разве художник не должен доверять своему глазу?

— Должен. Но доверять — не значит отказываться от проверки. Если ты хочешь передать правду, тебе придётся научиться сомневаться в первом впечатлении.

Эти слова Нико запомнил. До сих пор он считал сомнение признаком неуверенности, чем-то, что мешает человеку двигаться вперёд. Теперь он впервые задумался о другом: возможно, сомнение бывает полезным, если не заставляет отказываться от работы, а помогает увидеть собственную ошибку.

После занятия он вышел на улицу и остановился у витрины. В стекле отражались дома, прохожие и его собственное лицо. Раньше он смотрел на подобные отражения мимоходом, но теперь стал рассматривать, как меняются очертания предметов в зависимости от расстояния, как свет выделяет одни поверхности и скрывает другие. Мир словно открыл перед ним дополнительную страницу, которую прежде он не замечал.

На следующий день Нико снова пришёл к Александру Петровичу. Они занимались несколько раз в неделю, когда удавалось согласовать время и найти деньги на уроки. Учитель не обещал быстрых результатов и не позволял ученику довольствоваться случайной удачей. Если рисунок получался удачным, он спрашивал, почему тот получился. Если неудачным — требовал разобраться, в чём заключалась

ошибка. Постепенно Нико начал понимать, что настоящее мастерство складывается не из вдохновения, которое приходит неизвестно откуда, а из сотен решений, каждое из которых требует внимания.

Но искусство не отменяло повседневных забот.

Однажды утром Нико получил предложение выполнить несколько работ для торговой лавки. Нужно было подготовить изображения товаров и надписи для вывесок. Заказчик обещал заплатить сразу после завершения, а сумма позволяла покрыть расходы на занятия и купить необходимые материалы. Работа была далека от того, что Нико считал своим призванием, однако отказаться от неё означало лишить себя возможности продолжать учёбу.

Он согласился.

Первые дни прошли спокойно. Нико старался выполнять заказ аккуратно, соблюдал размеры, исправлял неточности и прислушивался к пожеланиям хозяина. Но вскоре выяснилось, что тот хочет получить не просто качественную работу, а изображение, которое привлечёт покупателей любой ценой. Цвета должны были быть ярче, товары — привлекательнее, а надписи — заметнее, чем у соседних торговцев.

— Сделай так, чтобы человек увидел вывеску и сразу захотел купить, — потребовал хозяин лавки. — Неважно, зачем ему эта вещь. Главное, чтобы захотел.

— Но изображение должно соответствовать самому товару, — возразил Нико.

— Молодой человек, товар соответствует товару, а вывеска должна продавать. Ты мне не философию рисуешь, а работаешь за деньги.

Нико промолчал. Он понимал, что заказчик вправе требовать исполнения договорённости, но ему было неприятно превращать изображение в обещание, которому сам не верил. Он попытался найти компромисс: сделал работу яркой и заметной, сохранив при этом правдивые пропорции и не приписывая товару несуществующих качеств.

Хозяин остался недоволен.

— Ты всё усложняешь. У тебя даже вывеска получается задумчивой.

— Я не знаю, как сделать её умнее, — ответил Нико. — Но могу сделать понятнее.

— Мне не нужна понятная вывеска. Мне нужна такая, чтобы люди покупали.

Они спорили недолго, однако после разговора Нико долго испытывал неприятное чувство. Он впервые столкнулся с противоречием, которое позднее не раз возникало в его жизни: работа могла приносить деньги, но одновременно требовала от человека поступиться чем-то, что он считал важным.

Он не стал уходить посреди заказа. Довёл его до конца, исправил всё, о чём они договорились заранее, и получил оплату. Часть денег он отложил на материалы, часть — на занятия. Остаток позволил ему несколько дней не думать о том, где взять деньги на еду.

Вечером он пришёл к Александру Петровичу и рассказал о случившемся.

Учитель выслушал его, не перебивая.

— Ты считаешь, что должен отказаться от любой работы, которая тебе не нравится?

— Нет. Если я буду выбирать только то, что мне нравится, я останусь без средств.

— Тогда в чём проблема?

Нико не сразу нашёл слова.

— Я боюсь привыкнуть. Сегодня я делаю то, что мне не по душе, потому что нужны деньги. Завтра скажу себе, что это всего лишь работа. А потом, возможно, перестану замечать, когда уже изменился сам.

Александр Петрович некоторое время молчал, затем придвинул к себе один из ученических рисунков.

— Это серьёзный страх. Но он не решается простым отказом от заработка. Человеку нужно есть, платить за жильё, заботиться о близких. Не всякая работа обязана быть произведением искусства. Важно другое: понимаешь ли ты, ради чего её выполняешь, и остаётся ли у тебя возможность делать то, что считаешь главным.

— А если однажды такой возможности не останется?

— Тогда придётся искать её снова. Иногда обстоятельства действительно загоняют человека в угол. Но не нужно заранее считать себя побеждённым.

Нико ушёл с занятия, обдумывая эти слова. Ему не стало

легче в том смысле, что трудности исчезли. Напротив, он яснее увидел, насколько сложной будет его дорога. Но теперь он хотя бы понимал, что выбор не всегда сводится к простому противопоставлению честности и выгоды. Человек мог выполнять необходимую работу, не превращая её в смысл своей жизни, и сохранять верность призванию, даже если пока не способен зарабатывать им на пропитание.

В те месяцы Нико начал внимательнее относиться к людям, которые ежедневно занимались делом, далёким от их мечтаний. Он встречал мастеров, которые любили свою работу, но не могли позволить себе выбирать заказы. Видел торговцев, вынужденных улыбаться покупателям, которых они не уважали. Знал работников, которые годами откладывали деньги ради обучения детей, и женщин, которые отказывали себе в самом необходимом, чтобы в доме не чувствовалась нужда.

Раньше он замечал в таких людях прежде всего внешние признаки их положения. Теперь ему всё чаще хотелось понять, что они чувствовали, когда оставались одни. Какие мысли приходили к ним вечером? О чём они жалели? Что помогало им продолжать? Сохраняли ли они надежду или просто привыкли не задавать себе лишних вопросов?

Эти наблюдения постепенно меняли его рисунки. В них становилось меньше случайных деталей и больше внимания к характеру человека. Нико ещё не умел выражать всё, что хотел, но уже чувствовал разницу между изображением, ко-

торое лишь напоминало модель, и работой, в которой угадывалось что-то от её внутренней жизни.

Однажды Александр Петрович предложил ему нарисовать человека, которого тот не знал заранее. Они вышли на улицу и остановились возле небольшой площади. Там сидел пожилой мужчина в потёртом пальто. Перед ним стояла корзина с несколькими изделиями ручной работы. Мужчина смотрел на прохожих, однако не окликал их и не пытался привлечь внимание. Казалось, он давно понял, что настойчивость не всегда помогает торговле.

— Выбери его, — сказал учитель. — Но прежде чем начнёшь рисовать, расскажи, что ты видишь.

Нико внимательно посмотрел на незнакомца.

— Он устал. Наверное, долго сидит здесь. Пальто старое, обувь тоже. Он не хочет просить людей купить товар, потому что не любит навязываться.

— Откуда ты знаешь, что он не любит навязываться?

— Он не обращается к прохожим.

— А может быть, он просто боится, что ему откажут?

Нико замолчал. Он понял, что слишком быстро превратил собственное впечатление в уверенность.

— Может быть, — сказал он. — Я этого не знаю.

— Хорошо. Теперь нарисуй то, что действительно видишь, а не то, что успел придумать.

Нико начал работу. Он старался передать положение головы, тяжесть плеч, складки пальто и то, как руки лежа-

ли на коленях. Когда он закончил первый набросок, Александр Петрович попросил его сравнить рисунок с натурой. Нико увидел, что изображение получилось слишком суровым: незнакомец на бумаге выглядел почти сердитым, хотя в действительности его лицо было спокойным.

— Ты решил за него, что он несчастен, — сказал учитель. — Но усталость не всегда означает отчаяние. И бедность не лишает человека других чувств.

Нико внимательно посмотрел на мужчину ещё раз. Тот как раз поднял голову и улыбнулся ребёнку, который остановился возле корзины. Улыбка была короткой, но совершенно естественной. В ней не было ни горечи, ни унижения, которые Нико уже успел вложить в своё изображение.

Он начал рисунок заново.

Теперь ему хотелось сохранить не только следы усталости, но и спокойствие, с которым человек принимал свой день. Он не знал, был ли незнакомец счастлив, и не пытался угадать его судьбу. Ему было достаточно увидеть, что за старым пальто и корзиной скрывается человек, которого нельзя свести к одному состоянию.

Когда работа была закончена, учитель долго рассматривал её.

— Стало лучше, — сказал он. — Не потому, что ты нарисовал красивее. Ты стал осторожнее в своих суждениях.

Нико понял, что это была похвала, хотя она не имела ничего общего с привычными словами о таланте.

По дороге домой он вспоминал лицо старика и думал о том, как легко человеку приписать другому собственные чувства. Мы видим бедность и решаем, что перед нами несчастный. Видим богатство и предполагаем, что человеку повезло. Замечаем молчание и принимаем его за высокомерие, слышим громкий голос и называем его грубостью. Но жизнь редко укладывается в столь простые определения.

Нико начинал понимать, что художник обязан не только видеть, но и воздерживаться от поспешного приговора. Если он хочет показать человека, ему необходимо оставить на холсте место для того, чего он не знает, и не заполнять это пространство выдуманными объяснениями.

Это понимание далось ему не сразу. В последующие недели он ещё много раз ошибался, преувеличивал выражение лица, придавал жестам слишком определённый смысл и пытался сделать изображение понятным ценой его правдивости. Но теперь он знал, что ошибка может стать началом нового понимания, если человек готов вернуться к работе и посмотреть на неё честно.

Тем временем его отношения с Георгием постепенно становились дружескими. Они иногда встречались после работы, разговаривали о городе, о людях и о том, как меняется жизнь. Георгий не был художником в том смысле, в каком Нико мечтал им стать, но хорошо знал цену труду и понимал, что не всякий человек способен прожить жизнь, выбирая исключительно практические решения.

— Ты всё время ищешь в людях что-то скрытое, — заметил он однажды. — А не боишься, что однажды увидишь то, чего тебе не хотелось бы видеть?

— Боюсь, — ответил Нико. — Но если я стану смотреть только на то, что мне нравится, то зачем вообще смотреть?

Георгий усмехнулся.

— С тобой трудно разговаривать. Ты любую простую вещь превращаешь в вопрос.

— Наверное, потому, что простых ответов я пока не нашёл.

— А если не найдёшь?

Нико пожал плечами.

— Значит, придётся продолжать искать.

Они рассмеялись, и разговор перешёл на другие темы. Но вопрос Георгия остался в памяти Нико. Он действительно не знал, к чему приведут его поиски, и не мог гарантировать себе, что однажды не разочаруется в людях или в собственном искусстве. Однако теперь он всё меньше верил в то, что путь можно выбрать один раз и затем пройти его без сомнений.

Сомнения сопровождали его, как и прежде, но переставали быть причиной для остановки.

Вскоре Нико получил ещё один заказ, небольшой и не слишком выгодный. Он согласился, потому что деньги были нужны, однако на этот раз сумел заранее договориться об условиях и выделил время для занятий. Ему приходилось тщательно распределять каждый день, отказываясь от встреч

и развлечений, которые другие люди считали естественной частью молодости. Иногда он завидовал тем, кто мог позволить себе не думать о завтрашнем дне. Но зависть быстро проходила, когда он садился за рисунок и чувствовал, что работа, пусть медленно, но всё-таки движется вперёд.

В один из вечеров Александр Петрович показал ему несколько произведений других художников и предложил рассказать, что именно привлекает его в каждой работе. Нико внимательно изучал изображения, отмечая, как мастера обращались с цветом, пространством и человеческими фигурами. Одни работы поражали точностью, другие — свободой исполнения, третьи — умением передать характер человека несколькими выразительными деталями.

— А какая из них лучшая? — спросил учитель.

Нико задумался.

— Я не могу выбрать одну. Они разные.

— Хорошо. А какая тебе ближе?

Нико указал на изображение простых людей за повседневным занятием. В нём не было внешнего великолепия, но художник сумел показать, что обычная жизнь заслуживает внимания.

Александр Петрович посмотрел на выбранную работу.

— Значит, тебе нужно понять, почему она тебе близка. Не пытайся сразу подражать. Изучай, как сделано изображение, но ищи собственный ответ на вопрос, зачем ты берёшься за карандаш.

Нико запомнил этот совет. Он всё чаще думал о том, что его интерес к людям не случаен. Ему были близки те, кого обычно не замечали, — не потому, что он считал их непременно лучше других, а потому, что в их жизни особенно ясно проявлялось то, что он хотел понять: как человек сохраняет достоинство, когда обстоятельства не обещают ему ничего хорошего.

Но одной близости к теме было недостаточно. Он должен был научиться передавать её убедительно, не заменяя мастерство добрыми намерениями. И в этом заключалась новая трудность: чем глубже становилось его понимание людей, тем яснее он видел собственные художественные ограничения.

Иногда он возвращался домой разочарованным, иногда чувствовал, что сделал маленький шаг вперёд. Он продолжал работать, учиться и зарабатывать, постепенно привыкая к тому, что его жизнь не будет разделена на удобные отрезки, в которых сначала решаются все материальные проблемы, а затем начинается настоящее дело. Всё происходило одновременно: нужда соседствовала с надеждой, усталость — с любопытством, неудачи — с редкими открытиями.

Так проходили месяцы, и Нико всё яснее понимал, что цена призвания измеряется не только временем и деньгами. Она заключалась ещё и в готовности постоянно пересматривать собственные представления, признавать ошибки и продолжать работу без гарантии успеха. Он не знал, приведёт ли

его путь к признанию, но уже не мог относиться к живописи как к случайной мечте, от которой можно отказаться без последствий.

Впереди у него оставались новые встречи, новые трудности и решения, которые нельзя было принять заранее. Но теперь, когда он смотрел на людей и предметы вокруг себя, он всё реже спрашивал, насколько они красивы или значительны. Гораздо чаще его занимало другое: что делает их такими, какие они есть, и сумеет ли он однажды передать это так, чтобы зритель увидел в изображении не только чужую жизнь, но и что-то важное в собственной.

Глава 6. Человек за пределами холста

К тому времени Нико уже научился отличать случайную удачу от результата настоящей работы. Раньше ему казалось, что достаточно внимательно посмотреть на человека, запомнить выражение его лица и перенести увиденное на бумагу, чтобы рисунок приобрёл жизнь. Теперь он понимал, насколько сложнее устроен этот процесс. Память сохраняла одни подробности и незаметно изменяла другие, воображение стремилось дополнить недостающее, а желание передать характер человека порой мешало увидеть его таким, каким он был на самом деле.

Особенно ясно это обнаружилось, когда Нико решил написать портрет одного знакомого торговца. Тот был человеком состоятельным, умел вести дела и привык производить впечатление на окружающих. Он носил аккуратную одежду, следил за внешностью и охотно рассказывал о собственных успехах. Познакомившись с Нико через общего приятеля, торговец однажды попросил его сделать портрет, который можно было бы повесить в доме.

— Я хочу, чтобы работа получилась достойной, — сказал он. — Не нужно изображать меня старше, чем я есть, и не стоит подчёркивать недостатки. У каждого человека есть достоинства, вот их и следует показать.

Нико согласился. Ему нужны были деньги, а заказ казал-

ся вполне обычным. Он не видел ничего дурного в том, что человек желает получить хороший портрет, и решил приложить все усилия, чтобы работа понравилась заказчику.

Сначала всё складывалось удачно. Торговец приходил в назначенное время, терпеливо сидел перед художником и рассказывал о своей жизни. Он говорил о сделках, удачных приобретениях и людях, которые помогли ему добиться положения. Иногда он вспоминал о трудных годах, но даже эти воспоминания неизменно завершались рассказом о том, как ему удалось выйти победителем.

Нико слушал и рисовал. Постепенно перед ним возникало лицо уверенного в себе человека, который привык принимать решения и не сомневался в своём праве распоряжаться собственной судьбой. Но чем дольше продолжалась работа, тем чаще Нико замечал, что выражение лица заказчика меняется, когда разговор случайно касается прошлого.

Однажды торговец рассказал о своём прежнем товарище, с которым они начинали дело вместе. В молодости оба были бедны, оба мечтали о достатке и оба обещали друг другу, что никогда не забудут, с чего начинали. Однако со временем их пути разошлись. Один получил возможность расширить торговлю, другой оказался в долгах. Вскоре между ними возник спор, который закончился разрывом отношений.

— Он сам виноват, — сказал торговец, заметив, что Нико слушает особенно внимательно. — Я предлагал ему выход, но он не захотел принять мои условия. Человек должен уметь

пользоваться возможностями, которые даёт жизнь.

Он произнёс это уверенно, однако после последних слов отвёл глаза. Нико заметил движение, почти незаметное для постороннего: пальцы торговца сжали подлокотник стула, а губы на мгновение потеряли привычную улыбку.

— Вы давно не виделись? — спросил Нико.

— Зачем? Прошлое прошло. Каждый отвечает за себя.

Торговец сразу вернулся к прежнему тону, и разговор продолжился. Но художник уже задумался о том, что за внешней уверенностью может скрываться воспоминание, которое человек не желает признавать даже самому себе. Он не знал, кто был прав в давнем споре, и не собирался выносить решение на основании одного рассказа. Его интересовало другое: почему лицо заказчика изменилось именно в тот момент, когда речь зашла о человеке, которого тот, по собственным словам, давно забыл?

Работая над портретом, Нико старался сохранить спокойное выражение лица торговца, но не мог избавиться от ощущения, что изображение получается неполным. Он видел перед собой человека, привыкшего к успеху, однако иногда ему казалось, что в глубине взгляда присутствует нечто, не согласующееся с этой уверенностью. Нико не хотел превращать портрет в обвинение или раскрывать то, чего сам не понимал. Он просто пытался найти точное выражение лица, которое не уничтожало бы противоречия, а позволяло им существовать.

Когда работа была закончена, он пригласил заказчика посмотреть результат.

Торговец долго рассматривал портрет. Сначала он улыбался, затем приблизился к изображению, наклонил голову и отошёл на несколько шагов. Нико ждал его решения, стараясь не показывать волнения.

— В целом неплохо, — наконец сказал заказчик. — Но мне не нравится выражение глаз.

— Что именно вас не устраивает?

— Я выгляжу так, словно о чём-то беспокоюсь. Разве я похож на человека, который постоянно тревожится?

Нико посмотрел на портрет, затем на стоявшего перед ним мужчину.

— Я старался передать ваше лицо таким, каким видел его во время работы.

— Значит, ты плохо смотрел.

Слова были произнесены без крика, но Нико почувствовал их остроту.

— Я могу исправить некоторые детали, — ответил он. — Но если изменить выражение глаз слишком сильно, лицо станет другим.

— Мне не нужно другое лицо. Мне нужно моё лицо, только без этой ненужной задумчивости.

Нико понял, что заказчик не отступит. Он мог настаивать на своём, объяснять особенности портрета и доказывать, что художник не обязан льстить модели. Но тогда он рисковал

остаться без оплаты, а деньги были нужны ему не только для жизни, но и для продолжения занятий. Он согласился немного изменить работу, хотя внутри у него росло неприятное чувство.

На следующий день он сделал исправления. Лицо стало более открытым, взгляд — увереннее, а выражение утратило ту едва уловимую тревогу, которую Нико прежде пытался сохранить. Торговец остался доволен и заплатил за портрет полностью.

С практической точки зрения всё закончилось благополучно. Нико получил деньги, заказчик приобрёл изображение, которое хотел видеть у себя дома, и никто не остался в долгу. Однако художник долго не мог забыть эту работу. Ему казалось, что он отказался не от собственной прихоти, а от чего-то более существенного: от возможности сохранить в изображении правду, которую заметил, но не сумел защитить.

Он пришёл к Александру Петровичу и рассказал ему о случившемся. Учитель внимательно выслушал его, затем попросил показать рисунок, сделанный до исправлений, если он сохранился.

Нико достал первоначальный набросок. Он был грубее законченного портрета, но в нём действительно присутствовало то выражение, которое заказчик счёл нежелательным.

— Ты уверен, что именно это выражение было правдивым? — спросил Александр Петрович.

— Я видел его несколько раз.

— Но ты не знаешь, что происходило в душе этого человека. Возможно, он действительно беспокоился. Возможно, ты устал и принял тень на лице за тревогу. А возможно, ты увидел то, чего он сам не хотел замечать. У тебя нет достаточных оснований утверждать наверняка.

Нико опустил глаза. Он надеялся услышать, что поступил правильно, и теперь понял, что вопрос сложнее.

— Но если я буду рисовать только то, что человек готов показать, — сказал он, — разве портрет не превратится в маску?

— Может превратиться. Но и художник способен создать маску, если решит, что лучше модели знает её душу. Ты должен научиться отличать наблюдение от догадки. Это труднее, чем кажется.

— А если заказчик требует изменить то, что я считаю правдой?

— Тогда ты решаешь, на какие условия согласен. Иногда работа требует уступок. Иногда отказ обходится слишком дорого. Не всякий компромисс предательство, но не всякую уступку можно оправдать необходимостью. Здесь никто не даст тебе готового ответа.

Эти слова не утешили Нико, однако помогли ему понять собственную ошибку. Он слишком хотел защитить правду, которую почувствовал, и едва не превратил своё впечатление в окончательный приговор другому человеку. Он должен

был быть честным не только с заказчиком, но и с самим собой, признавая границы собственного знания.

В последующие недели он стал внимательнее относиться к тому, как люди ведут себя во время работы. Одни стремились выглядеть лучше, чем были, другие, напротив, старались подчеркнуть собственную усталость, словно она доказывала их право на уважение. Кто-то пытался управлять каждым движением художника, а кто-то постепенно забывал о присутствии постороннего и становился естественным. Нико наблюдал за ними, но теперь старался не спешить с выводами.

Однажды он увидел на рынке мужчину, который громко ругал продавца из-за цены. Мужчина был хорошо одет, говорил резко и требовал, чтобы ему уступили. Нико сначала решил, что перед ним обычный скряга, привыкший добиваться своего чужим унижением. Но вскоре заметил, что мужчина всё время поглядывает на маленького мальчика, стоявшего неподалёку. Когда спор закончился, покупатель забрал товар и отдал его ребёнку, а затем, убедившись, что тот доволен, быстро ушёл.

Этот поступок не оправдывал грубости, с которой мужчина разговаривал с продавцом, однако заставил Нико отказаться от простого определения. Возможно, перед ним был человек, способный на заботу и одновременно не умеющий уважительно обращаться с незнакомыми людьми. Одно качество не уничтожало другого, и именно это противоречие

делало его интересным для художника.

Нико начал понимать, что человеческий характер нельзя вместить в одну выразительную черту. Добрый человек мог поступить жестоко, скупой — неожиданно оказаться щедрым, гордый — испытать унижение, а тот, кого считали слабым, однажды проявить необыкновенную стойкость. Если художник хотел говорить о людях правдиво, ему следовало видеть не только их достоинства и недостатки, но и постоянную борьбу между ними.

Эта мысль особенно ясно раскрылась ему после встречи с женщиной, которую он прежде несколько раз замечал возле небольшой торговой лавки. Она приходила почти каждый день, выбирала продукты, долго пересчитывала деньги и нередко уходила, отказавшись от покупки. Нико предполагал, что она ведёт очень трудную жизнь, но не знал ничего определённого.

Однажды он увидел, как женщина остановилась возле мальчика, который уронил корзину с яблоками. Фрукты раскатились по мостовой, и несколько прохожих едва не наступили на них. Мальчик растерялся, пытаясь собрать покупки и одновременно отогнать любопытных детей. Женщина поставила свою сумку на землю и принялась помогать ему.

— Осторожнее, — сказала она, поднимая яблоко из-под колеса телеги. — Не нужно торопиться, всё равно сразу не соберёшь.

— Я опоздаю, — ответил мальчик. — Меня дома будут

ругать.

— А если оставишь яблоки здесь, дома тебя тоже будут ругать. Давай сначала соберём, потом решим, как быть.

Она говорила спокойно, хотя сама явно спешила. Когда последние яблоки оказались в корзине, мальчик посмотрел на неё с благодарностью и спросил, сколько должен за помощь.

Женщина улыбнулась.

— Ничего ты мне не должен. Только в следующий раз держи корзину крепче.

Она подняла свою сумку и продолжила путь. Нико проводил её взглядом. Ему захотелось нарисовать эту сцену, но он не стал сразу браться за карандаш. Он понимал, что запомнил лишь несколько минут чужой жизни, и не хотел превращать случайный поступок в исчерпывающий рассказ о характере женщины. И всё же в её движениях было нечто, что привлекало его: она помогла ребёнку не ради похвалы и не потому, что кто-то наблюдал, а потому, что не могла спокойно пройти мимо.

Вечером Нико попробовал сделать набросок по памяти. На листе возникли женщина, мальчик и рассыпавшиеся яблоки. Он несколько раз менял положение фигур, стараясь передать движение и расстояние между ними. Но рисунок не получался таким, каким он видел сцену в действительности. В нём было слишком много суеты и слишком мало того спокойного участия, которое поразило его.

Он работал до позднего вечера, а затем отложил лист. На этот раз он не стал сердиться на себя. Он понял, что некоторые впечатления невозможно сразу превратить в убедительное изображение. Им нужно время, чтобы отделить главное от случайного, а художнику — время, чтобы найти подходящий язык.

Постепенно Нико всё чаще возвращался к мысли, что искусство начинается задолго до того, как рука касается бумаги. Оно начинается с внимания, с готовности задержаться возле чужой беды, с желания понять то, что не объясняется первым взглядом. Но внимание само по себе ещё не гарантировало правды. Человек мог смотреть долго и всё равно видеть только подтверждение собственных убеждений. Поэтому ему приходилось учиться не только наблюдать, но и пересматривать свои выводы.

Александр Петрович заметил перемену в его работах. Рисунки становились спокойнее, в них исчезала часть случайных деталей, а лица переставали выглядеть одинаково серьёзными. Нико всё чаще оставлял некоторые особенности незавершёнными, если не был уверен в них, и возвращался к работе после новых наблюдений.

— Ты стал меньше стараться удивить зрителя, — сказал учитель однажды.

— Разве это плохо?

— Нет. Но не впадай в другую крайность. Ты должен не просто быть осторожным, а научиться говорить уверенно

там, где у тебя есть основания для уверенности.

— Мне кажется, я пока слишком мало знаю о людях.

— Это хорошее понимание. Только не превращай его в оправдание. Если ждать, пока узнаешь всё, никогда ничего не закончишь.

Нико улыбнулся. В словах учителя была простая истина, которую ему предстояло усваивать ещё долго: художник должен быть достаточно скромным, чтобы сомневаться, и достаточно смелым, чтобы завершать работу.

Между тем жизнь продолжала предъявлять свои требования. Заказы появлялись нерегулярно, деньги уходили быстро, и Нико по-прежнему приходилось искать заработок. Бывали недели, когда он почти не занимался живописью, потому что соглашался на несколько работ подряд. Тогда ему казалось, что он теряет время и отдаляется от собственной цели. Но постепенно он научился использовать даже вынужденные занятия как возможность наблюдать за людьми, их жестами и привычками.

Он видел, как заказчики разговаривают с мастерами, как меняется выражение лица человека, когда ему приходится платить больше, чем он рассчитывал, как одни благодарят за добросовестную работу, а другие считают её само собой разумеющейся. Он замечал, что уважение к чужому труду не всегда зависит от достатка: иногда бедный человек платил за услугу с такой благодарностью, что мастер запоминал его надолго, а иногда состоятельный покупатель обращался

с работником так, словно тот не имел собственных забот и чувств.

Эти наблюдения не делали Нико безусловно доверчивым или, напротив, подозрительным. Он всё меньше верил в простые разделения людей на хороших и плохих. Но это не означало, что он перестал различать справедливость и несправедливость. Напротив, он начинал понимать, что поступки нужно оценивать внимательно, не позволяя ни бедности, ни богатству, ни прошлым обидам автоматически оправдывать человека.

Однажды вечером Георгий пригласил его к себе. Они сидели за небольшим столом, пили чай и разговаривали о работе. Георгий заметил, что Нико стал чаще задумываться и иногда надолго замолкает посреди разговора.

— Ты теперь даже молчишь как художник, — пошутил он. — Смотришь на человека и решаешь, что у него внутри.

— Нет, — ответил Нико. — Я стараюсь не решать слишком быстро.

— И что это тебе даёт?

— Иногда помогает увидеть больше. А иногда только напоминает, как мало я знаю.

Георгий рассмеялся.

— Значит, чем больше учишься, тем меньше понимаешь?

— Может быть, сначала ты думаешь, что всё просто. Потом начинаешь замечать трудности. А после учишься с ними работать.

— Хорошо сказано. Но только смотри, чтобы за размышлениями ты не забыл жить.

Нико не ответил сразу. Он знал, что Георгий говорит не без основания. Его жизнь всё чаще превращалась в бесконечную попытку понять, запомнить и выразить. Он мог идти по улице и пропустить знакомого, потому что задумался над увиденной сценой. Иногда он отказывался от приглашений, предпочитая остаться дома с рисунками. Ему нужно было найти равновесие между вниманием к миру и участием в собственной жизни.

— Я постараюсь, — сказал он наконец.

После встречи Нико возвращался домой по улицам, которые давно перестали быть для него чужими. Он знал, где по утрам открывается пекарня, где старый мастер выставляет свой товар, где на балконе сушат ковры и где по вечерам собираются мужчины, чтобы поговорить о делах. Но теперь город открывался ему не только как совокупность знакомых мест. Он всё чаще видел в нём множество пересекающихся судеб, каждая из которых имела собственную логику, собственные потери и надежды.

Он понимал, что не сможет рассказать обо всех этих людях. Ни одной жизни не хватило бы, чтобы запечатлеть всё, что происходило вокруг. Но, возможно, и не нужно было стремиться к этому. Иногда достаточно было одного лица, одного жеста или короткой встречи, если художник сумел увидеть в них нечто подлинное.

Вернувшись домой, Нико достал лист бумаги и попробовал нарисовать старую женщину, которую однажды встретил возле пекарни. Он помнил её руки, осторожно державшие небольшой свёрток, и взгляд, в котором смешивались усталость и внимательность. Он не знал её имени, не знал, кого она ждала и о чём думала, но помнил, как она остановилась, чтобы пропустить маленькую девочку с корзинкой.

Рисунок получился сдержанным. Нико не стал добавлять женщине ни печали, ни особого достоинства, которых не мог уверенно подтвердить. Он постарался сохранить её облик и то спокойствие, которое заметил в её движениях. Когда работа была закончена, он долго рассматривал лист и чувствовал, что впервые не пытается объяснить изображённого человека зрителю. Он просто даёт ему возможность присутствовать.

Это было небольшое открытие, но для Нико оно имело значение. Он начинал понимать, что художественная правда не всегда требует громкого жеста или очевидной драматической сцены. Иногда она проявляется в простой точности, в отказе преувеличивать, в способности оставить человеку его тайну.

В ту ночь он долго не мог уснуть. За окном слышались редкие шаги, а в комнате постепенно остывала лампа. Нико думал о людях, которых встретил за последние месяцы, и о том, сколько всего осталось ему неизвестным. Он понимал, что не сумеет избавить их от бедности, вернуть утрачен-

ное или исправить несправедливость, с которой они столкнулись. Но он мог продолжать учиться видеть их такими, какие они есть, и искать способ сохранить на бумаге хотя бы часть того, что обычно исчезает вместе с минутой.

Ему ещё предстояло пройти долгий путь, прежде чем его собственный художественный язык станет узнаваемым. Он не знал, какие произведения создаст в будущем и как отнесутся к ним люди. Но постепенно в нём укреплялось убеждение, что живопись должна быть не способом возвыситься над окружающими, а возможностью приблизиться к ним, не требуя от них объяснений и не отнимая у них права оставаться непонятыми до конца.

Глава 7. Человек, которому он поверил

Осень пришла в Тифлис незаметно. Ещё недавно над городом стояло тёплое, почти летнее небо, а теперь по утрам с Куры тянуло сыростью, на крышах старых домов лежал холодный туман и торговцы, открывая лавки, торопливо растирали озябшие руки. В узких переулках пахло мокрым камнем, углём и свежим хлебом. Город продолжал жить своей шумной жизнью, не обращая внимания на перемены в судьбах тех, кто ежедневно проходил по его улицам.

Нико в то время всё чаще задерживался в мастерской Александра Петровича. Иногда он приходил ещё до рассвета, когда окна соседних домов оставались тёмными, и уходил лишь тогда, когда учитель начинал сердиться на собственную усталость и велел ему отправляться домой. Однако даже эти часы не приносили ему того, чего он желал больше всего: возможности свободно писать то, что видел и чувствовал. Заказы были редкими, деньги уходили на самое необходимое, а работа, способная прокормить человека, далеко не всегда оставляла место для искусства.

Именно в те дни в мастерской появился Георгий.

Он был немного старше Нико, носил потёртое пальто с тщательно зашитым локтем и умел разговаривать так, словно давно знал собеседника. В отличие от многих людей, ко-

торые при первом знакомстве старались выяснить, чем человек полезен, Георгий спрашивал о другом. Он интересовался, почему Нико выбирает именно эти цвета, отчего на его рисунках бедняк иногда выглядит значительнее богача и почему в лицах, которые другие назвали бы обыкновенными, художник находил что-то достойное изображения.

— Ты всё время смотришь так, будто люди что-то от тебя скрывают, — заметил однажды Георгий, наблюдая, как Нико набрасывает на бумаге лицо старого сапожника.

— Может быть, скрывают, — ответил Нико, не поднимая головы.

— А ты пытаешься угадать?

— Нет. Я пытаюсь увидеть.

Георгий рассмеялся, но смех его был добрым, без насмешки.

— Вот поэтому ты, наверное, и останешься бедным. Другие видят, сколько стоит сапог, а ты разглядываешь человека, который его шьёт.

— А разве одно мешает другому?

— Нет, конечно. Только за сапог платят сразу, а за человека иногда не платят никогда.

Нико поднял глаза. В этих словах была неприятная правда, и он не сразу нашёл, что ответить. Георгий тем временем подошёл к столу, рассмотрел рисунок и неожиданно сказал, что знает одного владельца небольшой торговой лавки, которому требуется вывеска. Работа несложная, деньги обещали

хорошие, а главное, заказчик якобы был готов дать художнику полную свободу.

— Я могу познакомить вас, — предложил Георгий. — Если договоритесь, получишь не только плату. Хозяин знаком со многими торговцами. Возможно, появятся и другие заказы.

Нико насторожился. За последние месяцы ему не раз обещали работу, известность и поддержку, но чаще всего обещания растворялись быстрее, чем утренний туман над рекой. И всё же Георгий не походил на тех, кто говорил красивые слова ради собственной выгоды. Он не просил денег за знакомство, не расхваливал себя и не изображал человека, которому открыты все двери. Более того, он предложил пойти вместе и представил дело таким обыденным, что Нико впервые за долгое время позволил себе поверить в благоприятный исход.

Они встретились с торговцем на следующий день.

Хозяин лавки, господин Арамян, оказался человеком плотным, с тяжёлым подбородком и внимательными глазами. Он долго рассматривал рисунки Нико, задавал вопросы о красках, сроках и цене, а затем попросил показать, как могла бы выглядеть вывеска над входом. Нико нарисовал несколько вариантов. На одном были изображены товары, выставленные на прилавке, на другом — сам хозяин за работой, а на третьем — простая композиция, в которой предметы казались частью живой, повседневной жизни.

Арамян задержал взгляд на последнем рисунке.

— Вы умеете замечать то, мимо чего другие проходят, — сказал он. — Это хорошо для художника, но не всегда хорошо для торговца. Мне нужно, чтобы прохожий увидел лавку и захотел войти. Он не должен задумываться о смысле жизни.

— Тогда лучше сделать вывеску ярче, — ответил Нико. — Но если вы хотите, чтобы люди запомнили её, она должна отличаться от соседних.

Торговец улыбнулся, и на какое-то мгновение Нико показалось, что разговор сложится удачно. Они согласовали цену и срок. Работа была незначительной, но для Нико она означала больше, чем деньги. Это был заказ, полученный не из жалости и не благодаря случайной милости учителя, а потому, что кто-то увидел в его рисунках определённое умение.

Когда они вышли на улицу, Георгий хлопнул его по плечу.

— Ну вот! А ты говорил, что людям не до искусства. Иногда достаточно встретить человека, который способен оценить твою работу.

— Посмотрим, — осторожно ответил Нико.

— Ты всегда сомневаешься. Даже когда всё складывается хорошо.

— Я не сомневаюсь в том, что работа должна быть сделана. Я сомневаюсь в том, что всё будет так, как обещали.

— Если будешь ждать от каждого подвоха, однажды перестанешь отличать осторожность от страха.

Эти слова задели Нико. Он не любил, когда его считали трусом, хотя сам никогда не думал о себе как о смелом человеке. Он просто привык продолжать работу, даже когда не видел перед собой ясной дороги. Возможно, Георгий был прав: нельзя прожить всю жизнь, заранее подозревая каждого встречного. И Нико решил, что в этот раз не станет искать дурного там, где пока не было причин его ожидать.

Следующие несколько дней он работал почти без отдыха. Он подготовил основу, подобрал краски и несколько раз переписывал отдельные детали, пока не добился нужного сочетания цветов. Ему хотелось, чтобы вывеска привлекала внимание, но не превращалась в кричащую картинку. Он представлял себе, как она будет выглядеть на фоне старого фасада, как на неё посмотрит прохожий, как остановится на мгновение, прежде чем войти в лавку. В этом небольшом заказе Нико видел возможность доказать самому себе, что искусство может не только выражать внутреннюю правду, но и находить место в повседневной жизни.

Когда работа была закончена, Георгий пришёл в мастерскую и долго рассматривал готовую вывеску.

— Прекрасно, — произнёс он. — Арамян будет доволен.

— Ты ещё не показывал ему.

— Зато я знаю его вкус. Поверь, он оценит.

Нико почувствовал приятное облегчение. Он нечасто слышал похвалу от людей, не связанных с мастерской, и ему хотелось хотя бы на короткое время принять её без оговорок.

Он аккуратно завернул работу, и они отправились к торговцу.

Однако встреча оказалась совсем не такой, какой её представлял Нико.

Арамян встретил их за прилавком, выслушал объяснения, развернул вывеску и долго молчал. Затем его лицо стало недовольным. Он указал на одну из деталей, которая, по его мнению, была слишком тёмной, на другую, которая казалась ему излишне сложной, и наконец заявил, что работа не соответствует договорённости.

— Мы говорили о вывеске для торговли, — сказал он. — А вы принесли мне картину для художественной выставки.

— Но вы сами одобрили эскиз, — напомнил Нико. — Мы договорились, что я выполню работу именно так.

— Эскиз был маленьким. На нём нельзя было рассмотреть всех подробностей.

— Я могу изменить отдельные детали, если они мешают вам. Но переделывать всё заново только потому, что вы теперь иначе представляете результат, я не могу.

Торговец посмотрел на него с холодным раздражением.

— Значит, не можете. Тогда и денег не будет.

Нико почувствовал, как внутри поднимается горячая волна гнева. Он хотел сказать, что его труд нельзя отнять одним недовольным движением головы, что он выполнил обещанное и имеет право получить плату. Но слова застряли в горле. Перед ним стоял человек, которому принадлежала лавка,

товар и, по всей видимости, возможность решать, кому сегодня достанутся деньги, а кому придётся вернуться домой ни с чем.

Георгий попытался вмешаться. Он говорил о договорённости, о том, что художник потратил материалы и несколько дней работы, однако Арамян только отмахнулся.

— Не вмешивайтесь. Вы привели его ко мне, и я был готов заплатить. Но если результат мне не подходит, я не обязан покупать то, чего не хочу.

— Вы обязаны соблюдать своё слово, — тихо сказал Нико.

Торговец резко повернулся к нему.

— Молодой человек, в жизни есть вещи поважнее красивых слов. Если вы хотите работать с людьми, научитесь принимать отказ.

Нико не стал спорить дальше. Он забрал вывеску, завернул её в ткань и вышел на улицу. Георгий последовал за ним. Некоторое время они шли молча, и только на углу Нико остановился.

— Ты знал, что так может случиться?

— Я не знал, — ответил Георгий. — Но должен признать, что Арамян бывает упрямым. Иногда он меняет решение в последний момент.

— Почему ты не сказал мне об этом раньше?

Георгий отвёл глаза.

— Я думал, что всё будет иначе. Мне казалось, что твоя работа ему понравится.

Нико хотел продолжить разговор, но в выражении лица Георгия было что-то, что заставило его замолчать. Тот не выглядел ни удивлённым, ни возмущённым. Скорее он испытывал неловкость человека, который надеялся на один исход, а получил другой и теперь хотел поскорее забыть случившееся.

Вечером Нико пришёл к Александру Петровичу с завёрнутой вывеской. Учитель внимательно выслушал его, осмотрел работу и долго не произносил ни слова.

— Ты сделал то, о чём договорились? — наконец спросил он.

— Да.

— Тогда ты имеешь право сердиться. Но теперь ответь на другой вопрос: почему ты не попросил письменного подтверждения заказа?

Нико растерялся.

— Я не думал, что это необходимо. Георгий познакомил меня с ним, мы всё обсудили, и мне показалось, что этого достаточно.

— Для дружеской беседы достаточно. Для работы — не всегда. Человек может быть честным и всё же передумать. Может оказаться жадным, испугаться чужого мнения или просто решить, что ему выгоднее нарушить слово. Ты не обязан считать каждого обманщиком, Нико, но не должен делать вид, будто человеческая доброта освобождает тебя от осторожности.

— Значит, я сам виноват?

— Нет. Ответственность за отказ платить лежит на том, кто отказался платить. Но ты можешь извлечь урок из того, как всё произошло. Не путай доверие с беспечностью.

Нико посмотрел на вывеску. При другом освещении краски казались темнее, а очертания предметов — резче. Он подумал, что, возможно, следовало сделать работу проще, уступить торговцу и получить деньги. Однако сразу же вспомнил, как Арамян изменил решение, и понял, что дело было не только в красках. Даже если бы он выполнил все пожелания, никто не мог гарантировать, что заказчик не нашёл бы другого повода отказаться.

— А что теперь делать с этой работой? — спросил он.

Александр Петрович пожал плечами.

— Сначала оставь её у себя. Не всякая неудача требует немедленного исправления. Иногда нужно дать ей время, чтобы понять, чему она тебя научила.

На следующий день Георгий пришёл в мастерскую раньше обычного. Он выглядел встревоженным и сразу попросил Нико выйти с ним на улицу.

— Я должен тебе кое-что сказать, — произнёс он, когда они остановились возле закрытой лавки.

Нико ждал.

— Арамян заплатил бы тебе, если бы вывеска была другой. Но он хотел, чтобы я убедил тебя снизить цену ещё до начала работы. Я не согласился. Потом он предложил мне

небольшую сумму, если я помогу ему получить работу почти бесплатно. Я отказался и об этом тоже не сказал тебе, потому что надеялся уладить всё без скандала.

Нико смотрел на него, пытаясь понять, зачем Георгий рассказывает об этом теперь.

— Ты отказался от денег, чтобы защитить меня?

— Не совсем. Я отказался потому, что счёл это нечестным. Но когда Арамян стал сердиться, я не сумел настоять на своём. Я боялся потерять его расположение. Он знаком со многими людьми, и я не хотел портить отношения.

— Значит, ты знал, что он может поступить так, и всё равно позволил мне взяться за работу.

— Я надеялся, что он сдержит слово.

— А если бы я потратил последние деньги на материалы? Если бы мне пришлось выбирать между красками и хлебом? Ты ведь не знал, сколько у меня осталось.

Георгий опустил голову. Впервые с момента их знакомства он не нашёл ответа, который мог бы оправдать его поступок.

— Я думал, что помогаю тебе, — сказал он наконец. — И, наверное, мне хотелось, чтобы ты считал меня человеком, который умеет устраивать чужие дела. Я не хотел, чтобы всё закончилось так.

Нико ощутил не столько гнев, сколько усталость. Георгий не был злодеем, который заранее задумал причинить ему зло. Он хотел казаться полезным, боялся потерять связи и

слишком поздно понял, что его молчание обошлось другому человеку дороже, чем ему самому. Но от этого случившееся не становилось менее болезненным.

— Я не требую, чтобы ты отвечал за каждый поступок Арамяна, — сказал Нико. — Но если ты знаешь то, чего не знаю я, и предлагаешь мне довериться тебе, ты должен говорить правду. Даже если она неприятна. Особенно если она неприятна.

Георгий кивнул.

— Ты прав.

Они разошлись без ссоры, и именно это оказалось для Нико тяжелее всего. Если бы Георгий кричал, оправдывался или пытался переложить вину на другого, всё было бы проще. Но перед ним стоял человек, который признал свою ошибку, а значит, оставлял возможность для прощения. Нико не знал, способен ли он теперь доверять ему так же, как прежде, и не хотел принимать решение только потому, что ему было жалко товарища.

Несколько дней они почти не виделись. Нико продолжал работать, но возвращался мыслями к случившемуся чаще, чем ему хотелось. Он понял, что доверие редко разрушается одним большим предательством. Иногда оно истончается от небольших умолчаний, от желания избежать неприятного разговора, от страха показаться плохим в чужих глазах. Человек может не желать зла и всё же причинить его, если слишком дорожит собственным удобством.

В конце недели Георгий снова появился в мастерской. Он принёс небольшую сумму денег и положил её на стол.

— Это не возмещение за вывеску, — сказал он, заметив, что Нико нахмурился. — Я не могу вернуть тебе то, что ты заработал бы, если бы Арамян поступил честно. Но я хочу хотя бы покрыть часть расходов на материалы. Я откладывал эти деньги на пальто. Не прошу тебя забыть случившееся и не хочу покупать твоё прощение.

Нико долго смотрел на деньги, затем перевёл взгляд на Георгия.

— Если я возьму их, это не значит, что всё осталось по-прежнему.

— Я понимаю.

— И если мы снова будем работать вместе, я хочу знать правду с самого начала. Не тогда, когда уже ничего нельзя изменить.

— Хорошо, — ответил Георгий. — Так и будет.

Нико принял деньги, но не пожал Георгию руку и не произнёс слов, которые могли бы превратить этот разговор в примирение. Для этого требовалось время. Однако он больше не считал товарища чужим человеком, хотя прежняя лёгкость между ними исчезла. Теперь Нико видел в нём не только доброго и общительного знакомого, но и человека со своими слабостями, страхами и тщеславием. Возможно, именно это знание делало их отношения менее беззаботными, зато более настоящими.

В тот вечер Нико достал отвергнутую вывеску и поставил её у стены мастерской. Он мог бы перекрасить её, изменить композицию и попытаться продать кому-нибудь другому, но пока решил оставить всё как есть. В ней была память о нескольких днях труда, о собственной неопытности, о чужой жадности и о доверии, которое не исчезло окончательно, но уже не могло оставаться прежним. Он смотрел на краски и думал, что художник не всегда выбирает, что именно увидят в его работе другие люди. Зато он может выбирать, станет ли подстраивать каждую линию под чужой страх и каждую краску — под чужую выгоду.

За окном темнел Тифлис. В соседнем доме зажглись первые огни, по улице прошёл торговец с корзиной, и где-то в глубине двора раздался детский смех. Город не изменился после одной несправедливости, как не изменился бы он и после сотни других. Но для Нико тот день стал границей между прежней доверчивостью и новым, более трудным пониманием людей. Он ещё не научился защищать себя от всех разочарований и не собирался превращать осторожность в недоверие ко всему миру. Он лишь понял, что доброе сердце не обязано быть беззащитным, а способность видеть в человеке лучшее не должна мешать замечать его слабости.

На следующий день он вернулся к своим рисункам. Ему предстояло найти работу, купить краски и продолжать учиться, как будто ничего особенного не произошло. И всё же, когда он взял в руки кисть, ему показалось, что лица лю-

дей на бумаге стали немного другими. В них прибавилось того, чего нельзя было разглядеть при первом знакомстве: скрытой тревоги, непризнанной вины, страха потерять уважение и надежды однажды исправить то, что уже причинило боль. Нико не стал изображать эти чувства нарочито и не попытался объяснить их зрителю. Он просто продолжил смотреть внимательнее, понимая, что настоящее искусство начинается не там, где художник уверен в своём понимании человека, а там, где он готов признать, как мало ему ещё известно.

Глава 8. Женщина у окна

В тот год зима задержалась в Тифлисе дольше обычного. По утрам над рекой стоял густой туман, мостовые блестели после ночного дождя, а в старых кварталах люди жались к стенам домов, стараясь укрыться от холодного ветра. Нико всё чаще работал в мастерской до позднего вечера, но теперь в его занятиях появилась новая настойчивость. Он перестал ждать, что кто-нибудь однажды признает его талант и тем самым разрешит ему стать художником. Он решил, что будет писать независимо от того, заметят его или нет.

Отвергнутая вывеска по-прежнему стояла у стены. Иногда Нико поглядывал на неё с раздражением, вспоминая торговца Арамяна, иногда замечал в собственной работе ошибки, которых прежде не видел. Но однажды он понял, что больше не сердится на эту картину. Она стала частью его опыта, и он уже не хотел ни прятать её, ни оправдываться за неё. В конце концов, не всякая работа обязана нравиться тому, кто за неё платит, и не всякий отказ свидетельствует о поражении художника.

Однажды вечером Александр Петрович попросил его отнести несколько рисунков знакомому переплётчику, жившему неподалёку от площади. День выдался пасмурным, и Нико, завернув бумаги в плотную ткань, отправился в путь. На обратной дороге он свернул в незнакомый переулок, привле-

чённый светом, падавшим из высокого окна. За стеклом виднелась небольшая комната с тёмными стенами, старым зеркалом и столом, на котором стояли вазы с цветами. У окна сидела женщина.

Она была молода, хотя выражение её лица придавало ей зрелость, не соответствовавшую возрасту. Тёмные волосы были собраны на затылке, на плечах лежала светлая шаль. Она смотрела на улицу, словно ожидала кого-то, но, когда Нико проходил мимо, её взгляд неожиданно остановился на нём. Он почувствовал это почти физически и невольно обернулся.

Женщина не отвела глаз. В её лице не было ни любопытства случайной прохожей, ни улыбки, которой иногда обмениваются незнакомые люди. Она смотрела так, будто пыталась вспомнить человека, которого никогда прежде не встречала.

Нико продолжил путь, однако через несколько шагов остановился. Он не мог объяснить, почему ему захотелось снова взглянуть на окно. Возможно, его привлекла необычная выразительность её лица. Возможно, он просто почувствовал, что в этой встрече было нечто, чему он пока не умел дать название.

На следующий день он снова прошёл тем же переулком. Женщина сидела у окна, но теперь читала книгу. На мгновение Нико подумал, что она не заметит его, однако она подняла голову именно тогда, когда он оказался напротив дома.

Их взгляды встретились, и на этот раз женщина едва заметно улыбнулась.

Нико не улыбнулся в ответ. Он смутился, почувствовав себя мальчишкой, которого застали за любопытством, и поспешил дальше. Но весь день он вспоминал эту улыбку, удивляясь собственной рассеянности. Он мог часами наблюдать за людьми, замечать их привычки, жесты и движения, однако теперь один короткий взгляд мешал ему сосредоточиться на работе.

Через несколько дней случай предоставил ему возможность познакомиться с незнакомкой.

Нико нёс по улице небольшую доску, которую собирался использовать для новой работы. У входа в тот самый дом он увидел пожилую женщину, пытавшуюся поднять тяжёлую корзину. Она несколько раз переставляла ноги, но корзина выскальзывала из рук. Нико поставил доску к стене и помог ей донести корзину до двери.

— Благодарю вас, молодой человек, — сказала женщина. — Одной мне уже трудно справляться с такими вещами. Раньше я всё делала сама, а теперь приходится просить помощи даже у незнакомых людей.

— В этом нет ничего плохого, — ответил Нико. — Сегодня помог я, а завтра кто-нибудь поможет мне.

Старушка внимательно посмотрела на него.

— Вы, должно быть, художник?

Он удивился.

— Почему вы так решили?

— Руки у вас в краске. А ещё вы смотрите на дом так, словно собираетесь унести его с собой.

Нико рассмеялся. Он не ожидал, что его привычку замечать окружающее можно так легко прочесть со стороны.

— Я не собираюсь уносить дом. Мне просто нравится смотреть на старые здания.

— Тогда вам понравится наша Маргарита. Она тоже всё время смотрит в окно, а потом говорит, что улица изменилась, хотя на ней не переставили ни одного камня.

При имени Маргариты Нико невольно поднял голову. Пожилая женщина заметила его реакцию, но ничего не сказала. Она открыла дверь и предложила ему зайти, чтобы выпить чаю в благодарность за помощь.

Нико сначала отказался, сославшись на работу, однако старушка настояла. В её голосе не было ни навязчивости, ни желания воспользоваться его добротой. Она просто хотела отблагодарить человека, который не прошёл мимо. Нико согласился, решив, что несколько минут не повредят делу.

Внутри дом оказался просторнее, чем можно было предположить с улицы. В прихожей пахло сушёными травами и старой древесиной. На стенах висели семейные фотографии, потемневшие от времени, а в глубине коридора стоял комод с медными ручками. Всё здесь казалось давно устоявшимся, словно вещи и люди привыкли друг к другу настолько, что уже не замечали присутствия друг друга.

В комнате у окна сидела та самая женщина.

— Маргарита, к нам заглянул гость, — сказала старушка. — Он помог мне донести корзину.

Женщина отложила книгу и встала.

— Значит, это вы спасли мои запасы на зиму?

— Думаю, корзина справилась бы и без меня, — ответил Нико. — Но, вероятно, ей понадобилось бы немного больше времени.

Маргарита рассмеялась. Смех у неё оказался неожиданно звонким, почти девичьим. Нико впервые увидел её лицо без неподвижной задумчивости, которую замечал через стекло, и ему показалось, что перед ним другой человек.

— Садитесь, пожалуйста. Бабушка считает своим долгом накормить каждого, кто переступил наш порог. Если вы не согласитесь на чай, она будет переживать весь вечер.

— Это неправда, — возразила старушка, ставя на стол чашки. — Я переживаю только тогда, когда человек уходит голодным.

— Вот видите, — сказала Маргарита. — Вы уже не можете отказаться.

Они пили чай с вареньем, и разговор постепенно перешёл от погоды к городу, от города — к старым домам, а от них — к живописи. Маргарита спросила Нико, чем он занимается. Он рассказал, что учится у Александра Петровича, выполняет небольшие заказы и пытается найти собственный путь в искусстве. Он говорил спокойно, не преувеличивая своих

достижений и не скрывая трудностей.

— А что вы любите изображать? — спросила она.

— Людей.

— Только людей?

— Прежде всего людей. Иногда мне кажется, что в человеческом лице можно увидеть целую жизнь. Но потом я понимаю, что ошибся и увидел лишь то, что сам хотел увидеть.

Маргарита внимательно слушала.

— Значит, вы не уверены в том, что видите?

— Я уверен, что вижу. Но не всегда уверен, что понимаю.

Она задумалась, медленно вращая чашку в пальцах.

— Наверное, это честнее, чем считать себя человеком, который всё понимает.

Нико посмотрел на неё с неожиданным интересом. В её словах не было желания произвести впечатление. Она не пыталась показать свою образованность или заставить его продолжать разговор. Ей действительно хотелось разобраться в том, что он сказал.

— А вы любите живопись? — спросил он.

— Люблю, когда картина не объясняет мне, что я должна чувствовать.

— А если она ничего не объясняет?

— Тогда, возможно, она оставляет мне право самой что-то почувствовать.

Нико улыбнулся. Впервые за долгое время он встретил человека, с которым разговор об искусстве не превращался в

спор о том, что красиво, что дорого и что может понравиться публике. Маргарита не требовала от него доказательств, что он художник, и не спрашивала, сколько стоят его работы. Ей было интересно, зачем он вообще берётся за кисть.

— Вы когда-нибудь писали портреты? — спросила она.

— Писал. Но не всегда получалось то, что я хотел.

— А что вы хотели?

— Чтобы человек узнавал себя, даже если ему не нравилось то, что он увидел.

Маргарита отвела взгляд к окну.

— Это опасное желание.

— Почему?

— Потому что люди редко хотят видеть себя такими, какие они есть. Чаще им хочется увидеть того человека, которым они надеются стать.

Нико не сразу ответил. Он вспомнил торговца Арамяна, отвергшего вывеску, и понял, что слова Маргариты касаются не только портретов. Возможно, она говорила о чём-то своём, о давней истории, которую не собиралась открывать незнакомому человеку. В её голосе мелькнула печаль, но она быстро сменила тему и спросила, давно ли он живёт в Тифлисе.

Разговор продолжался до тех пор, пока за окном не стемнело. Когда Нико поднялся, чтобы уйти, Маргарита проводила его до двери.

— Вы ещё зайдёте? — спросила она.

Он не знал, что ответить. Вопрос прозвучал просто, без кокетства и без скрытого обещания, однако Нико почувствовал, что от его ответа зависит нечто большее, чем продолжение случайного знакомства.

— Если не помешаю.

— Вы не похожи на человека, который умеет мешать, — сказала Маргарита. — Вы скорее из тех, кто старается стать незаметным, даже когда его присутствию рады.

Эти слова удивили его. Нико привык, что окружающие замечают его бедность, неустроенность, иногда талант, но редко — то, как он сам ощущает своё место среди людей. Он хотел спросить, откуда она знает, что он старается оставаться незаметным, однако не решился.

— Тогда, пожалуй, зайду, — ответил он.

Маргарита улыбнулась, и на этот раз её улыбка не показалась ему случайной.

По дороге домой Нико несколько раз останавливался, будто забывал, куда направляется. Он пытался убедить себя, что ничего особенного не произошло: он познакомился с женщиной, выпил чаю, поговорил о живописи и вернулся к своим делам. Но внутри него уже возникло новое беспокойство, непривычное и потому особенно сильное. Он хотел снова увидеть Маргариту, услышать её голос, узнать, почему она так внимательно смотрит на мир и почему в её словах иногда появляется грусть, словно за каждым обычным событием она различает тень чего-то давно потерянного.

На следующее утро он проснулся раньше обычного и сразу вспомнил о ней. Это раздражало его. У него были дела, долги, незаконченные рисунки и необходимость искать заработок. В жизни хватало забот, которые не позволяли позволить себе бесцельные мечтания. И всё же, собираясь в мастерскую, он поймал себя на том, что выбирает другую дорогу — ту, которая проходила мимо дома с высоким окном.

Окно было открыто. Маргарита стояла у стола и расставляла цветы в небольшой вазе. Услышав шаги, она повернула голову и заметила Нико. На этот раз она не ограничилась улыбкой, а подняла руку, приглашая его войти.

Он остановился у калитки. Впервые за долгое время ему захотелось не просто наблюдать за человеком со стороны, а приблизиться к нему, узнать его историю и позволить ему увидеть собственную. Это желание пугало его не меньше, чем радовало. Художник мог отойти от холста, если работа не получалась, мог начать заново, изменить цвет или уничтожить неудачный рисунок. Но в отношениях между людьми нельзя было так же легко отменить сказанное слово или вернуть прежнее состояние души.

Нико всё-таки открыл калитку.

Он ещё не знал, что эта женщина однажды станет для него не просто знакомой, не просто собеседницей и даже не просто любовью. Он не мог представить, сколько радости и страдания принесёт ему это знакомство, сколько лет спустя оно отзовётся в чужой памяти и почему однажды чья-то ру-

ка поднимется на картину, изображающую женщину у окна. Пока же Маргарита ждала его в дверях, в доме пахло свежими цветами, и весь мир казался удивительно простым: достаточно было войти, сесть за стол и продолжить разговор, который накануне оборвался слишком рано.

Глава 9. То, о чём молчат глаза

Когда Нико вошёл в дом, Маргарита уже поставила на стол две чашки. За открытым окном шелестели листья старого дерева, а на подоконнике лежала раскрытая книга, которую она, по-видимому, читала до его прихода. Утренний свет проникал в комнату мягкими полосами, освещая край стола, белую скатерть и несколько цветочных лепестков, упавших на пол.

— Я думала, вы сегодня не придёте, — сказала Маргарита.

— Я тоже так думал, — ответил Нико и сам удивился своей откровенности.

Она улыбнулась, словно поняла больше, чем он собирался сказать, но не стала задавать вопросов. Нико сел у окна и положил на колени небольшую папку с рисунками, которую взял с собой в мастерскую. Он собирался зайти ненадолго, однако теперь не знал, как начать разговор, чтобы не показаться человеком, который пришёл только ради того, чтобы ещё раз увидеть хозяйку дома.

Маргарита избавила его от необходимости придумывать повод.

— Вы обещали рассказать, как учились рисовать. Мне интересно, когда вы впервые поняли, что хотите стать художником.

Нико задумался. Ему было трудно назвать определённый день или событие. В детстве он не давал своим желаниям громких имён. Он просто смотрел на окружающий мир и чувствовал, что увиденное должно каким-то образом оставаться с ним. Позже он начал понимать, что память не всегда сохраняет лица и события такими, какими они были. Одни подробности исчезают, другие неожиданно становятся важными, а иногда человек помнит выражение чужих глаз гораздо дольше, чем целый разговор.

— Наверное, я не сразу понял, — ответил он. — Сначала мне просто хотелось рисовать. Потом я заметил, что, когда изображаю человека, мне становится легче его понять. А ещё позже выяснилось, что это совсем не одно и то же.

— Что именно?

— Изобразить человека и понять его. Можно очень точно нарисовать лицо и совершенно не знать, что происходит у него внутри.

Маргарита медленно повернула чашку на блюдце.

— А если человек сам не знает, что у него внутри?

— Тогда художнику тем более нельзя торопиться с выводами.

Она посмотрела на него с таким вниманием, что Нико почувствовал себя неловко. Ему казалось, что он говорит о живописи, но в её взгляде было нечто, заставлявшее предположить, что разговор касается и другой стороны жизни.

— Вы всегда были таким серьёзным? — спросила она.

— Нет. Когда я был маленьким, я, наверное, больше смеялся. Потом жизнь научила меня думать о том, что будет завтра.

— А сейчас?

Нико посмотрел в окно. По улице прошла женщина с корзиной, за ней бежал мальчик, пытаясь догнать рассыпавшиеся яблоки. Прохожие обходили их, кто-то остановился помочь, а кто-то продолжал идти, погружённый в собственные заботы.

— Сейчас я стараюсь не забывать о завтрашнем дне, — сказал он. — Но не хочу, чтобы из-за этого сегодняшний день проходил мимо меня.

Маргарита ничего не ответила. В её лице появилось выражение, которое Нико уже замечал прежде: будто она услышала не только сказанное, но и то, что осталось за словами. Он хотел спросить, о чём она задумалась, однако в этот момент в комнату вошла пожилая хозяйка дома, принесла блюдо с пирогами и сообщила, что собирается на рынок.

— Маргарита, не забудь попросить Нико починить раму в маленькой комнате, если он разбирается в таких вещах. Она опять расшаталась.

— Бабушка, он художник, а не плотник, — засмеялась Маргарита.

— Разве художнику запрещено забивать гвозди?

Нико улыбнулся.

— Если у вас есть молоток, я могу посмотреть.

Старушка осталась довольна таким ответом и ушла, а Маргарита повела гостя в соседнюю комнату. Там стоял небольшой стол, несколько стульев и высокий шкаф с книгами. На стене висела старая картина в потемневшей раме. На ней был изображён мужчина в тёмном костюме, с густыми усами и строгим лицом. Краска местами потрескалась, но взгляд изображённого человека сохранил удивительную ясность.

Нико остановился перед картиной.

— Кто это?

Маргарита обернулась. Весёлое выражение исчезло с её лица.

— Мой отец.

— Вы на него похожи.

— Мне часто так говорят.

Она подошла к картине и осторожно коснулась пальцами края рамы.

— Он был человеком, которого трудно было понять. Для чужих он казался суровым, иногда даже жестоким. Дома мог быть заботливым, но его любовь всегда сопровождалась требованиями. Он считал, что знает, как должны жить его близкие, и редко спрашивал, чего хотят они сами.

— Наверное, он желал вам добра.

— Да. В этом и заключалась трудность. Он не был плохим человеком. Он искренне верил, что защищает нас от ошибок. Но иногда защита становится клеткой, даже если её

строят из любви.

Нико посмотрел на портрет ещё раз. Он заметил, что художник, написавший его, тщательно передал одежду и черты лица, однако в выражении глаз оставалась какая-то неопределённость. Мужчина словно собирался что-то сказать, но не решался или не считал нужным.

— Вам не нравится этот портрет? — спросил Нико.

— Не знаю. Иногда мне кажется, что он слишком похож на моего отца. А иногда — что совершенно на него не похож.

— Это возможно?

— Вы же сами сказали, что лицо ещё не означает, что человек понят.

Нико улыбнулся. Она запомнила его слова, и ему было приятно, что разговор не растворился в обычных любезностях.

Он осмотрел раму, нашёл место, где крепление отошло от стены, и осторожно поправил его. Работа заняла несколько минут. Когда они вернулись в комнату, Маргарита предложила показать ему альбом, в котором хранились семейные фотографии.

На снимках были люди, которых Нико никогда не встречал: мужчины в строгих костюмах, женщины с высокими причёсками, дети возле деревянной ограды, пожилые родственники, сидевшие за длинным столом. На одной фотографии Маргарита была совсем маленькой. Она стояла рядом с отцом, держась за его руку, и смотрела прямо в объектив с

серьёзностью, совершенно не свойственной её возрасту.

— Вы даже ребёнком не любили улыбаться? — спросил Нико.

— Я улыбалась, когда мне было весело. Но фотограф заставлял нас стоять неподвижно, и мне казалось, что он требует от меня чего-то невозможного.

— А ваш отец?

— Он сказал, что хорошая девочка должна уметь вести себя прилично даже перед камерой.

— И вы старались ему угодить?

Маргарита долго рассматривала фотографию.

— Конечно. В детстве мы почти все стараемся угодить тем, от кого зависим. Нам кажется, что любовь нужно заслужить послушанием, хорошими отметками, правильными словами. Потом мы вырастаем и обнаруживаем, что привычка угождать никуда не исчезла. Просто вместо родителей появляются другие люди, которым мы боимся не понравиться.

Нико не ответил. Он подумал о Георгии, о собственной неловкости перед людьми, которые могли помочь ему с работой, и о том, как легко он иногда соглашался молчать, чтобы не показаться неблагодарным. Маргарита словно открывала перед ним дверь, за которой находились вопросы, о которых он раньше предпочитал не думать.

— Вы говорите так, будто многое пережили, — произнёс он.

— Я пережила достаточно, чтобы понять: человек может

быть окружён близкими и всё равно чувствовать себя одиноким.

Она закрыла альбом.

— Простите. Я не хотела превращать нашу встречу в исповедь.

— Вы ничего плохого не сказали.

— Но вы пришли пить чай, а не слушать мои печальные истории.

— Иногда человек приходит куда-то именно затем, чтобы услышать то, чего не ожидал.

Маргарита посмотрела на него, и между ними возникло молчание, уже не похожее на неловкость первых минут знакомства. Нико чувствовал, что рядом с ней ему не нужно изображать уверенность, которой у него не было, или придумывать красивый ответ, если он не знал, что сказать. Это ощущение было новым. Он привык добиваться своего трудом, терпеть неудачи и скрывать тревогу, потому что считал её проявлением слабости. С Маргаритой он постепенно начинал понимать, что откровенность не всегда делает человека беззащитным.

Они провели вместе почти весь день. Маргарита показала ему книги, которые любила перечитывать, рассказала о своей учёбе и о поездке, которую когда-то собиралась совершить, но так и не совершила. Нико рассказал о Кахетии, о детстве, о первых впечатлениях от Тифлиса, о том, как трудно было привыкнуть к большому городу после сельской жиз-

ни. Он не пытался сделать свою историю более трогательной, чем она была. Он говорил о потере близких, о необходимости рано взрослеть и о том, как постепенно рисунок стал для него способом удерживать то, что время отнимало слишком быстро.

Маргарита слушала, не перебивая. Иногда она задавала короткие вопросы, и Нико замечал, что благодаря им сам начинает вспоминать то, о чём прежде почти не думал. Ему казалось, что он впервые рассказывает о своём прошлом не для того, чтобы объяснить, почему ему трудно, и не для того, чтобы вызвать сочувствие. Он просто делился воспоминаниями с человеком, которому они были интересны сами по себе.

Когда за окном начали сгущаться сумерки, Нико понял, что давно должен был уйти. Он поднялся, поблагодарил Маргариту за чай и направился к двери. Она проводила его до прихожей, где на стене висело небольшое зеркало в потемневшей оправе.

— Нико, можно попросить вас об одной вещи?

Он остановился.

— Конечно.

— Вы когда-нибудь написали бы мой портрет?

Он не ожидал такого вопроса. В его папке лежали несколько незаконченных рисунков, но ни один из них не был портретом человека, с которым он познакомился всего несколько дней назад.

— Если вы действительно этого хотите, — ответил он. — Только я не могу обещать, что портрет вам понравится.

— А почему он может мне не понравиться?

— Потому что я не умею изображать людей такими, какими они хотят казаться.

Маргарита улыбнулась, но в этой улыбке появилась лёгкая тревога.

— Тогда, возможно, мне и нужен именно такой портрет.

Нико хотел согласиться сразу, однако вспомнил слова Александра Петровича о том, что художник должен отличать наблюдение от догадки. Он ещё слишком мало знал Маргариту, чтобы изображать её с той уверенностью, которую требовала настоящая работа. И всё же мысль о её портрете не казалась ему обычным заказом. Ему хотелось понять, что скрывается за её спокойствием, отчего она иногда смотрит в окно так, словно ждёт не человека, а возвращения целой жизни.

— Дайте мне немного времени, — сказал он. — Я хотел бы сначала узнать вас лучше.

Маргарита не выглядела разочарованной.

— Хорошо. Только не слишком долго. Я не люблю, когда люди бесконечно готовятся к тому, что уже давно хотят сделать.

— А если они боятся ошибиться?

— Тогда им стоит помнить, что отказ от решения тоже может оказаться ошибкой.

Эти слова сопровождали Нико на протяжении всей дороги домой. Он думал о том, как часто человек принимает осторожность за мудрость, а страх — за здравый смысл. Он сам не раз откладывал важные решения, убеждая себя, что сначала нужно найти работу, закончить рисунок, накопить деньги или дождаться более подходящего времени. Но подходящее время редко приходило само. Чаще оно обнаруживалось лишь задним числом, когда возможность уже оставалась позади.

В мастерской ещё горела лампа. Александр Петрович, разбирая инструменты, заметил его необычное настроение.

— Хороший день? — спросил он.

— Да, — ответил Нико. — Кажется, я познакомился с интересным человеком.

Учитель посмотрел на него поверх очков.

— Интересный человек — это не тот, кто умеет занимательно говорить. Это тот, рядом с кем ты начинаешь лучше понимать самого себя. Только не торопись считать первое впечатление окончательным.

— Я и не собираюсь.

— Вот и хорошо. Люди раскрываются не сразу. Иногда им мешает страх, иногда привычка, иногда собственное представление о том, какими они обязаны быть.

Нико улыбнулся. Он подумал, что Александр Петрович, вероятно, даже не подозревает, насколько точно повторяет слова Маргариты.

В тот вечер Нико долго не мог уснуть. Он вспоминал её голос, жесты, выражение лица, когда она рассказывала об отце, и ту особую внимательность, с которой она рассматривала старые фотографии. Он не знал, что именно привлекло его в этой женщине. Её красота была несомненна, но дело заключалось не только в ней. Его тянуло к человеку, который не боялся признавать собственные сомнения и при этом не превращал их в оправдание бездействия.

Он достал лист бумаги и попытался набросать её лицо по памяти. Сначала появились линия лба, изгиб бровей, очертания губ. Но, едва он переходил к глазам, рука начинала двигаться неуверенно. Он мог восстановить форму, цвет и расположение деталей, однако выражение ускользало. В памяти сохранялся не один взгляд Маргариты, а несколько разных: задумчивый, насмешливый, печальный и тот, которым она посмотрела на него перед расставанием.

Нико отложил карандаш. Он понял, что пока не способен написать её портрет, потому что ещё не знает, какой из этих взглядов принадлежит ей самой, а какой появляется лишь в определённые минуты. Возможно, все они были настоящими. Возможно, ни один не рассказывал о ней всей правды.

Он убрал рисунок в папку и погасил лампу. За окном город постепенно затихал, но Нико уже не чувствовал прежнего одиночества. Впервые за долгое время ему хотелось, чтобы наступило утро, не ради работы и не ради заработка, а ради возможности снова встретиться с человеком, чьё при-

сутствие меняло привычный ход его мыслей. Он ещё не называл это любовью и не знал, какое место Маргарита займёт в его судьбе. Пока она была женщиной, с которой ему хотелось говорить, которую он хотел понять и чей портрет однажды надеялся написать так, чтобы на холсте сохранилось не только её лицо, но и то неуловимое чувство, которое возникало в нём всякий раз, когда она смотрела на мир.

Глава 10. Первый портрет

Весна пришла в Тифлис раньше, чем ожидали горожане. На южных склонах уже зеленела трава, возле старых домов распускались первые цветы, а солнечные дни становились такими тёплыми, что люди задерживались на улицах до позднего вечера. Город словно стряхивал с себя зимнюю усталость: торговцы выставляли товары за порог лавок, в открытых окнах появлялись цветочные горшки, и даже в самых тесных переулках чувствовалось приближение времени, когда жизнь обещает человеку больше, чем он привык от неё ждать.

Для Нико весна началась с простого решения. Он больше не хотел откладывать портрет Маргариты на неопределённое будущее. Он понимал, что не может ждать, пока узнает о ней всё: такого дня, вероятно, никогда не наступит. Но он мог попытаться увидеть её внимательнее, чем видел до сих пор, и позволить самой работе показать, насколько хорошо ему удалось это сделать.

Однажды утром он пришёл к ней с небольшим деревянным ящиком, в котором лежали краски, кисти и несколько подготовленных листов.

Маргарита открыла дверь сама. Увидев ящик, она сначала удивилась, а затем рассмеялась.

— Значит, вы всё-таки решились.

— Я решил попробовать.

— Вы всегда так осторожно говорите о том, что собираетесь сделать?

— Если обещать слишком много, потом приходится объяснять, почему не всё получилось.

— А если ничего не обещать, можно ли считать, что человек действительно чего-то хочет?

Нико поставил ящик на стол.

— Вы умеете задавать вопросы, на которые трудно ответить.

— Зато вы умеете отвечать так, будто оставляете себе возможность передумать.

Они улыбнулись друг другу, и напряжение первых минут исчезло. Маргарита выбрала место возле окна, где свет падал на лицо сбоку, не делая черты слишком резкими. Нико передвинул стул, попросил её немного повернуться и внимательно осмотрел положение головы.

— Мне нужно, чтобы вы сидели естественно, — сказал он. — Не старайтесь выглядеть лучше, чем обычно.

— А если обычно я выгляжу не слишком хорошо?

— Тогда это не моя вина.

Маргарита рассмеялась, и Нико впервые увидел, как легко меняется её лицо, когда она перестаёт следить за собой. Именно в эту минуту он понял, что портрет не должен изображать неподвижную красавицу, приготовившуюся к похвалам. Ему хотелось сохранить живого человека, который мо-

жет шутить, сердиться, задумываться и неожиданно становиться серьёзным посреди весёлого разговора.

Он начал с общего очертания фигуры. Карандаш двигался по бумаге медленно, но уверенно. Сначала появились плечи, линия шеи, положение рук. Затем он обозначил лицо и стал осторожно уточнять пропорции. Маргарита сидела спокойно, хотя временами ей хотелось повернуться и посмотреть, что получается. Она несколько раз пыталась заговорить, но Нико просил её пока не двигаться, и в конце концов она решила, что художнику следует предоставить возможность работать так, как он считает нужным.

Первый сеанс продолжался почти два часа. Когда Нико отложил карандаш, Маргарита наконец поднялась и подошла к нему.

На бумаге была изображена женщина, похожая на неё, но не совсем такая, какой она привыкла видеть себя в зеркале. Лицо выглядело спокойным, губы были сомкнуты, а глаза смотрели куда-то в сторону окна. В рисунке не было нарочитой печали, однако в выражении лица чувствовалось ожидание, которое трудно было объяснить.

Маргарита долго рассматривала набросок.

— Вы думаете, я всегда такая?

— Нет. Я думаю, что сегодня вы несколько раз были такой.

— И вам показалось, что именно это стоит запомнить?

Нико не ответил сразу. Он мог бы сказать, что выбрал наи-

более удачное выражение лица, но это было бы неправдой. Он просто заметил, что в те минуты, когда Маргарита забывала о его присутствии, её взгляд становился особенно выразительным.

— Мне показалось, что вы о чём-то думаете, даже когда разговариваете о другом.

Она отошла от рисунка и снова села у окна.

— Возможно, вы правы. Но я не уверена, что хотела бы видеть это на портрете.

— Почему?

— Потому что люди любят разглядывать чужие лица и придумывать истории. Если на картине человек выглядит счастливым, все считают, что ему повезло. Если он выглядит печальным, начинают искать причину. Но иногда мы просто устаём, иногда вспоминаем что-то случайное, а иногда смотрим на улицу, потому что за окном идёт дождь.

— Значит, художник не должен объяснять зрителю, что изображено?

— По-моему, он должен оставить зрителю возможность ошибиться самостоятельно.

Нико рассмеялся, и Маргарита присоединилась к нему. Затем она попросила показать рисунок ещё раз и неожиданно сказала, что ей нравится не сходство, а то, что она не до конца узнаёт себя.

— Это странно, — призналась она. — Я всю жизнь привыкла к тому, что люди видят во мне определённые вещи.

Одни считают меня упрямой, другие — слишком мягкой. Отец был уверен, что я не умею принимать разумных решений. А некоторые знакомые думают, будто мне всё даётся легко, потому что я никогда не жалуюсь. Но я сама не знаю, какая из этих версий ближе к правде.

— Может быть, ни одна из них не объясняет вас целиком.

— А вы сумеете это показать?

— Не знаю. Но попробую.

Маргарита посмотрела на него с благодарностью, которую не стала выражать словами. Нико почувствовал, что между ними возникло доверие, отличавшееся от прежней симпатии. Она позволяла ему не только смотреть на себя, но и задавать вопросы, на которые сама не всегда знала ответы. А он постепенно понимал, что портрет требует от художника не одного мастерства. Нужно ещё суметь принять то, что человек не обязан открывать тебе всю свою душу лишь потому, что ты держишь в руках кисть.

На следующий день Нико вернулся, чтобы продолжить работу. На этот раз Маргарита встретила его в саду. Она стояла возле старой яблони, собирая упавшие ветки, и, заметив гостя, предложила начать сеанс на улице.

— Здесь свет лучше, — сказала она. — И мне не придётся сидеть неподвижно возле окна.

Нико согласился. Он устроил небольшой мольберт в тени дерева и попросил её сесть на скамью. Солнечные пятна двигались по её платью, ветер время от времени трогал

волосы, и работать оказалось труднее, чем в комнате. Однако именно эта переменчивость заинтересовала художника. Маргарита больше не казалась человеком, застывшим в ожидании чего-то неизвестного. Она оживлённо рассказывала о книгах, спорила с Нико о характере одного литературного героя, смеялась над собственными воспоминаниями и порой так увлекалась разговором, что забывала о портрете.

В один из таких моментов она рассказала о своей подруге, которая несколько лет назад вышла замуж против воли семьи. Сначала все осуждали её, затем привыкли к случившемуся, а спустя время выяснилось, что брак оказался счастливым. Маргарита говорила об этом без зависти, но Нико заметил, что она невольно сжала пальцы, когда произнесла слова о смелости.

— Вы считаете, она поступила правильно? — спросил он.

— Не знаю. Но она хотя бы приняла решение сама.

— А если бы всё закончилось плохо?

— Тогда ей пришлось бы отвечать за собственный выбор. Разве это хуже, чем всю жизнь отвечать за чужой?

Нико посмотрел на неё поверх кисти.

— Вы сами когда-нибудь хотели поступить так же?

Маргарита замолчала. В саду было слышно, как за оградой переговариваются соседи, а где-то вдали стучат колёса телеги по каменной мостовой. Она посмотрела на яблоню, на которой только начинали появляться молодые листья, и затем перевела взгляд на Нико.

— Да, — сказала она. — Но желание и решение — не одно и то же.

— Что вас остановило?

Она долго не отвечала, и Нико уже решил, что вопрос оказался слишком личным. Он хотел сменить тему, но Маргарита заговорила сама.

— Страх причинить боль тем, кого любишь. Иногда кажется, что ради собственного счастья придётся разрушить чужую жизнь. И тогда человек начинает убеждать себя, что отказ от желаемого — это благородство. Возможно, иногда так и бывает. Но иногда мы просто боимся признать, что не готовы бороться за то, что нам дорого.

Нико опустил кисть. Он чувствовал, что перед ним открывается история, о которой Маргарита не собиралась рассказывать прямо. Ему хотелось узнать больше, но он помнил слова Александра Петровича: не всякая закрытая дверь приглашает к тому, чтобы её открыть.

— Вы не обязаны объяснять мне всё, — произнёс он.

Маргарита посмотрела на него с удивлением.

— Вы первый человек за долгое время, который говорит это без обиды.

— Наверное, потому, что сам не люблю, когда меня заставляют рассказывать то, к чему я ещё не готов.

Она улыбнулась, и разговор вернулся к прежнему руслу. Однако Нико уже не мог забыть её признание. Он понял, что за спокойной жизнью Маргариты скрывается решение, кото-

рое когда-то оказалось для неё слишком трудным. Возможно, оно продолжало влиять на неё и теперь, хотя она научилась говорить о прошлом так, будто оно принадлежало кому-то другому.

Работа над портретом заняла несколько дней. Нико приходил по утрам, иногда задерживался до обеда, а однажды остался почти до вечера, потому что Маргарита попросила его не уходить, пока не закончится дождь. Они пили чай, читали вслух отрывки из книг, спорили о том, может ли человек изменить свой характер, и постепенно перестали воспринимать встречи как особенное событие. Они просто привыкли к присутствию друг друга, и эта привычка оказалась удивительно приятной.

Нико начал замечать мелочи, которые прежде ускользали от него. Маргарита всегда поправляла край скатерти, прежде чем сесть за стол. Когда она читала, то иногда водила пальцем по строке, словно боялась потерять мысль. Она не любила, когда кто-нибудь переставлял книги на полке, но спокойно относилась к беспорядку в саду. В минуты радости она говорила быстрее, а когда её что-то тревожило, становилась необыкновенно вежливой.

Эти наблюдения не превращали её в загадку, которую нужно было разгадать. Напротив, чем больше Нико узнавал о Маргарите, тем яснее понимал, что ни одна подробность не объясняет человека полностью. Он мог запомнить привычки, увидеть настроение, уловить противоречие между слова-

ми и жестами, но всё это оставалось лишь частью большой и меняющейся жизни.

Однажды Маргарита попросила его показать портрет, каким он стал к этому времени.

Нико снял с мольберта холст и поставил его возле окна. Работа была ещё не закончена, но основные черты уже обрели форму. На картине Маргарита сидела вполоборота, слегка повернув голову к свету. Лицо было написано без излишней мягкости, губы не улыбались, а глаза сохраняли ту задумчивость, которую Нико заметил при первой встрече. Однако теперь в них появилось больше живого тепла. Это была не женщина, потерявшаяся в своих воспоминаниях, а человек, который продолжал жить, несмотря на то, что прошлое не всегда оставляло его в покое.

Маргарита смотрела на картину молча. Нико стоял рядом, ожидая её реакции, и впервые за долгое время чувствовал настоящее волнение перед чужой оценкой. Он боялся не того, что она назовёт работу неудачной, а того, что не сумел передать нечто важное, доверенное ему без слов.

Наконец Маргарита повернулась к нему.

— Вы сделали меня старше.

Нико растерялся.

— Я не хотел…

— Нет, послушайте. Я не говорю, что вы неправы. Наоборот, вы показали не только моё лицо. Вы показали то, что я обычно стараюсь скрыть. И, наверное, именно поэтому мне

трудно смотреть на эту картину.

Она снова взглянула на портрет.

— Знаете, чего я боялась больше всего? Что однажды люди будут помнить меня только такой, какой я сама привыкла себя показывать. Спокойной, воспитанной, рассудительной. Женщиной, которая всегда знает, что делать. Но я вовсе не всегда знала. Иногда я ошибалась, иногда молчала, когда нужно было говорить, и иногда говорила то, о чём потом жалела. Я не хочу, чтобы всё это исчезло, но мне трудно признаться, что оно было частью моей жизни.

Нико не знал, что ответить. Ему хотелось утешить её, сказать, что ошибки не отменяют достоинства человека, но он понимал, что такие слова прозвучали бы слишком легко. Маргарита не просила утешения. Она просто впервые позволила ему увидеть свою уязвимость.

— Я не хотел делать вас старше, — сказал он наконец. — Я хотел, чтобы вы были похожи на себя.

— Возможно, это одно и то же, — ответила она. — Мы ведь становимся старше не только от времени. Иногда нас меняют решения, которые мы так и не приняли.

В этот момент Нико почувствовал, что между ними произошло нечто, чему нельзя было дать простого названия. До сих пор он стремился понять Маргариту, наблюдая за ней, задавая вопросы и запоминая подробности. Теперь она сама показала ему часть своей внутренней жизни, и от этого портрет стал для него чем-то большим, чем художественная

работа. Он не знал, заслужил ли такое доверие, но понимал, что не имеет права обращаться с ним небрежно.

— Я могу изменить некоторые детали, — предложил он.

Маргарита покачала головой.

— Нет. Не меняйте ничего только потому, что мне стало трудно смотреть. Я хочу, чтобы вы закончили картину такой, какой считаете её правильной.

Нико принял её решение, хотя внутри него ещё оставались сомнения. Он понимал, что портрет может стать для Маргариты напоминанием о том, чего она предпочла бы не вспоминать. Но теперь он знал и другое: иногда человек нуждается не в том, чтобы его избавили от боли, а в том, чтобы кто-то признал её существование, не пытаясь немедленно объяснить или исправить.

В тот вечер, когда он собирал краски, Маргарита вышла проводить его к калитке. Над городом уже сгущались сумерки, и в окнах соседних домов зажигался свет. Она остановилась возле старой яблони и некоторое время смотрела на ветви, за которыми проступало бледное вечернее небо.

— Нико, — сказала она, — если однажды вы напишете картину, которую никто не захочет покупать, вы всё равно будете считать себя художником?

Он посмотрел на неё и вспомнил отвергнутую вывеску, которую всё ещё хранил в мастерской.

— Если перестану считать себя художником из-за того, что кому-то не понравилась моя работа, значит, я никогда

им не был.

— А если не понравится человеку, которого вы любите?

Этот вопрос прозвучал тихо, но Нико почувствовал, что он отличается от всех предыдущих. Он хотел ответить сразу, однако впервые за весь день не нашёл подходящих слов.

— Тогда, наверное, будет больнее, — сказал он после долгого молчания. — Но я не уверен, что должен ради любви перестать быть самим собой.

Маргарита опустила глаза.

— Берегите это убеждение, Нико. Жизнь иногда предлагает человеку такую цену за счастье, что он не сразу понимает, чем именно ему придётся расплатиться.

Она не объяснила, что имела в виду. Нико тоже не стал спрашивать. Он попрощался и вышел на улицу, а Маргарита ещё долго стояла у калитки, глядя ему вслед.

В мастерской Нико поставил портрет возле стены и отошёл на несколько шагов. Он видел, что работа ещё требовала внимания: кое-где не хватало глубины, некоторые переходы цвета были слишком резкими, а руки оставались менее выразительными, чем лицо. Но впервые за долгое время он не думал о том, сколько сможет заработать на картине и кому она может понравиться. Ему хотелось закончить её достойно, потому что за этим холстом стоял человек, доверивший ему не только своё лицо, но и часть собственной памяти.

Он взял кисть и снова приступил к работе. За окном Тифлис жил своей обычной жизнью, и никто из прохожих не

знал, что в небольшой мастерской молодой художник пытается сохранить на холсте нечто гораздо более сложное, чем сходство. Он ещё не понимал, что однажды ему придётся столкнуться с последствиями этого стремления и что любовь, которая постепенно входила в его жизнь, не обязательно принесёт ему покой. Пока же он работал, стараясь не торопить ни краски, ни собственные чувства, и впервые позволил себе подумать о том, что некоторые встречи меняют человеческую судьбу задолго до того, как человек решается признать их значение.

Глава 11. Чужая воля

Нико закончил портрет Маргариты в один из тех ясных дней, когда весенний свет проникает даже в самые тесные комнаты старого Тифлиса и заставляет краски казаться ярче, чем они были на самом деле. Последние мазки он наносил медленно, несколько раз отходил от холста, возвращался к нему и снова отступал, проверяя, не разрушил ли случайным движением то равновесие, которое искал на протяжении многих дней. Ему хотелось сохранить в портрете не только лицо женщины, но и ту внутреннюю противоречивость, которую он постепенно открывал в ней: способность смеяться над пустяками и вдруг замолкать посреди разговора, независимость суждений и странную покорность перед некоторыми воспоминаниями.

Когда он наконец отложил кисть, Александр Петрович, заглянувший в мастерскую по своим делам, долго рассматривал картину.

— Хорошая работа, — произнёс он. — Ты перестал бояться того, что зритель может увидеть в твоём произведении не совсем то, что ты намеревался показать.

— А разве это хорошо?

— Для художника — необходимо. Если ты заранее решишь за каждого зрителя, что он должен чувствовать, тебе останется только раскрашивать заранее придуманные отве-

ты.

Учитель отошёл от картины и внимательно посмотрел на Нико.

— Но скажи мне другое. Ты написал её как художник или как человек, которому она нравится?

Нико почувствовал, что вопрос застал его врасплох.

— Разве одно исключает другое?

— Нет. Но иногда одно начинает мешать другому. Художник хочет увидеть правду, а влюблённый хочет увидеть то, что делает его счастливым. Если в тебе живут оба, научись хотя бы различать их голоса.

Нико ничего не ответил. Он не был уверен, что уже влюблён в Маргариту, хотя мысли о ней занимали всё больше места в его жизни. Ему нравилось находиться рядом с ней, слушать её рассуждения, замечать перемены в её настроении. Он ловил себя на том, что рассказывает ей о вещах, которыми прежде ни с кем не делился, и всё чаще думал о том, что она скажет, увидев новую работу. Но назвать это чувство любовью он пока не решался. Ему казалось, что подобное признание требует большей уверенности, чем та, которой он обладал.

В тот же день он отнёс портрет Маргарите.

Она встретила его в гостиной. Увидев холст, сначала улыбнулась, но, когда Нико поставил картину возле окна и снял защитную ткань, её лицо стало серьёзным. Она подошла ближе, долго изучала собственное изображение, затем

отступила на шаг и посмотрела на художника.

— Вы действительно закончили?

— Да. Если только вы не найдёте в картине чего-нибудь, что потребует исправления.

— Я не хочу ничего исправлять.

Она снова повернулась к холсту. Нико стоял в стороне и пытался понять, что происходит в её душе. Он ожидал благодарности, возможно, нескольких слов о сходстве, но Маргарита словно забыла о его присутствии. Наконец она коснулась пальцами края рамы и произнесла:

— Мне кажется, я никогда не видела себя такой.

— Вы недовольны?

— Нет. Просто я привыкла видеть лицо, которое показываю другим. А здесь мне показалось, что вы заметили то, о чём я сама стараюсь не думать.

Она обернулась к нему.

— Вы не боитесь, что однажды пожалеете о том, что написали эту картину?

— Почему я должен пожалеть?

— Потому что иногда искусство сохраняет не только красоту. Оно сохраняет и то, от чего человек хотел бы освободиться.

Нико посмотрел на портрет.

— Тогда, возможно, картина нужна именно для этого. Чтобы мы не могли притвориться, будто ничего не было.

Маргарита медленно кивнула. В её глазах появилась бла-

годарность, но вместе с ней Нико заметил тревогу, которую прежде видел лишь мельком. Он хотел спросить, что её беспокоит, однако в этот момент в прихожей раздались шаги, и в комнату вошёл мужчина.

Он был высоким, широкоплечим, одетым в хорошо сшитый тёмный костюм. Его движения отличались той уверенностью, которая появляется у людей, привыкших, что окружающие уступают им дорогу. Седина у висков не старила его, а придавала лицу особую солидность. Он снял перчатки, положил их на стол и лишь после этого посмотрел на Нико.

— Я не знал, что у нас гости, — сказал он.

Маргарита сразу изменилась. Её плечи напряглись, а лицо приобрело выражение спокойной учтивости, которое Нико уже замечал в те минуты, когда она старалась скрыть собственные чувства.

— Это Нико, художник. Он написал мой портрет.

Мужчина подошёл к картине. Он рассматривал её не торопясь, с вниманием человека, привыкшего оценивать вещи перед тем, как решить, заслуживают ли они его одобрения.

— Недурно, — произнёс он наконец. — Хотя, на мой взгляд, портрет получился слишком печальным.

— Возможно, вы недостаточно хорошо знаете Маргариту, — ответил Нико.

Слова вырвались прежде, чем он успел обдумать их. Маргарита резко повернулась к нему, а мужчина медленно перевёл взгляд с картины на художника.

— Вы полагаете, что знаете её лучше меня?

— Я этого не говорил.

— Но именно это подразумевали.

— Я только хотел сказать, что каждый человек видит другого по-своему.

Мужчина слегка улыбнулся, однако улыбка не изменила выражения его глаз.

— Разумеется. Особенно художники. Они часто принимают собственные впечатления за истину и потом убеждают окружающих, что обладают особым пониманием человеческой души.

Нико почувствовал, что разговор перестаёт быть обычной беседой. Он мог бы промолчать, но слова незнакомца задели его не только потому, что тот пренебрежительно отзывался об искусстве. Ему показалось, что мужчина намеренно ставит Маргариту в положение, при котором она должна согласиться с ним или оправдываться перед ним.

— Я не считаю, что понимаю человеческую душу, — ответил Нико. — Я лишь пытаюсь внимательнее смотреть на людей.

— Похвальное занятие. Надеюсь, оно не мешает вам зарабатывать на жизнь.

Маргарита вмешалась прежде, чем Нико успел ответить.

— Достаточно, отец. Нико пришёл показать мне свою работу, а не обсуждать с тобой собственные доходы.

Отец. Одно это слово многое объяснило Нико, хотя он не

мог понять, почему до сих пор не встречал мужчину, о котором Маргарита рассказывала с такой осторожностью. Теперь перед ним стоял человек, чьё присутствие заставляло её словно отступать внутрь себя, прятать живую непосредственность и возвращаться к привычной роли послушной дочери.

Отец Маргариты не стал спорить. Он посмотрел на дочь, затем снова на портрет.

— Я рад, что ты нашла себе занятие, — сказал он. — Но не думаю, что эта картина должна оставаться в гостиной. Она слишком бросается в глаза.

— Почему?

— Потому что это наш дом, а не выставочный зал.

— Но ты даже не спросил, нравится ли мне портрет.

— Маргарита, не превращай простой разговор в спор. Я высказал своё мнение.

— А я высказала своё.

Нико никогда прежде не видел, чтобы Маргарита так открыто возражала кому-либо. В её голосе не было привычной мягкости, и он почувствовал, что присутствует при столкновении, которое началось задолго до его появления. Отец смотрел на дочь с холодным терпением человека, уверенного, что её сопротивление скоро иссякнет.

— Мы поговорим об этом позже, — сказал он. — Сейчас у меня назначена встреча.

Он попрощался с Нико едва заметным кивком и вышел из

комнаты. Когда дверь закрылась, Маргарита некоторое время стояла неподвижно, затем подошла к окну и посмотрела на улицу.

— Простите, — сказала она, не оборачиваясь.

— За что?

— За то, что вам пришлось выслушивать этот разговор.

— Вы не отвечаете за чужие слова.

— В моей семье это не всегда считалось правдой.

Нико подошёл ближе, но остановился на некотором расстоянии. Ему хотелось поддержать её, однако он боялся сказать что-нибудь неуместное.

— Он всегда так с вами разговаривает?

Маргарита вздохнула.

— Не всегда. Иногда он бывает заботливым, иногда даже нежным. Он умеет помогать людям и никогда не отказывает в поддержке тем, кого считает достойными её. Но он привык решать, что для других лучше. Если человек принимает его решение, всё складывается прекрасно. Если пытается поступить по-своему, отец воспринимает это как неблагодарность.

— А вы?

— Я много лет старалась быть благодарной.

Она наконец повернулась к Нико.

— Понимаете, что самое трудное? Он действительно любит меня. Я никогда не сомневалась в этом. Но его любовь всегда предполагает, что он имеет право определять границы моей жизни. И я долго не могла понять, как можно лю-

бить человека и одновременно хотеть освободиться от его влияния.

Нико вспомнил её прежние слова о клетке, построенной из любви, и понял, что тогда она говорила о собственном отце, хотя не назвала его прямо.

— Возможно, любовь не всегда даёт человеку право решать за другого, — произнёс он.

— Вы говорите так, словно это очевидно.

— Для меня — да. Хотя я понимаю, что сказать проще, чем поступить.

Маргарита внимательно посмотрела на него.

— А если человек, которого вы любите, будет уверен, что знает, как вам следует жить? Если он предложит вам благополучие, спокойствие, уважение окружающих, но попросит отказаться от чего-то, без чего вы не сможете быть собой?

Нико задумался. Перед ним возникли годы тяжёлой работы, мастерская Александра Петровича, рисунки, которые он делал ночами, и надежда однажды создать картины, в которых он сможет выразить собственное понимание мира. Он знал, что ради искусства ему придётся отказаться от многих удобств, но никогда прежде не думал, что кто-то может потребовать от него отказаться от самого права выбирать свою дорогу.

— Я не знаю, как поступил бы во всех обстоятельствах, — ответил он честно. — Но если человек требует, чтобы я перестал быть собой ради его спокойствия, мне трудно пред-

ставить, что такая цена сделает нас счастливыми.

Маргарита опустила глаза.

— Не говорите этого слишком уверенно. Иногда жизнь ставит нас перед выбором, которого мы сами никогда не придумали бы.

Нико хотел спросить, какой выбор стоял перед ней, но в её лице увидел такую усталость, что отказался от вопроса. Он понял, что она не готова рассказывать ему всё, и не хотел превращать возникшее между ними доверие в требование откровенности.

Они ещё немного поговорили о картине. Маргарита попросила Нико оставить портрет в гостиной, хотя знала, что отец будет недоволен. Он предложил забрать его и вернуть, когда ситуация станет спокойнее, но она отказалась.

— Если я уберу всё, что может ему не понравиться, однажды в этом доме не останется ничего, что принадлежит мне, — сказала она.

Нико не стал возражать. Он понимал, что портрет для неё теперь означает нечто большее, чем удачную работу художника. Это было небольшое, но важное напоминание о праве видеть себя иначе, чем её привыкли видеть другие.

Когда Нико собрался уходить, Маргарита проводила его до калитки. На улице было тепло, и над крышами старого квартала медленно опускался вечер. Она остановилась возле ограды, словно хотела сказать что-то ещё, но долго не решалась.

— Нико, я хочу, чтобы вы знали одну вещь, — произнесла она наконец. — То, что вы увидели сегодня, не должно изменить вашего отношения ко мне.

— Почему оно должно измениться?

— Потому что теперь вы знаете, что моя жизнь устроена не так просто, как вам, возможно, казалось.

— Я никогда не думал, что жизнь человека бывает простой.

Она улыбнулась, но улыбка быстро исчезла.

— Вы не знаете, что я сделала в прошлом и чего не сумела сделать. Вы не знаете, какие обещания давала и почему некоторые из них оказались сильнее моих желаний. Возможно, однажды вы узнаете. Но я не хочу, чтобы вы сейчас строили обо мне представления, которые потом окажутся неверными.

Нико смотрел на неё и чувствовал, что она пытается предупредить его о чём-то важном. Он не понимал, о чём именно, но в её голосе было столько тревоги, что ему захотелось заверить её: он не станет судить о ней по чужим словам и не потребует немедленных объяснений.

— Я не обещаю, что всегда буду всё понимать, Маргарита, — сказал он. — Но постараюсь не делать выводов раньше времени.

Она долго смотрела на него, словно проверяя, действительно ли он верит собственным словам.

— Тогда, пожалуйста, помните об этом, если однажды

услышите обо мне что-нибудь неприятное.

Нико хотел ответить, что не станет верить сплетням, однако остановился. Он не мог заранее обещать, что никакие обстоятельства не заставят его сомневаться. Честнее было признать, что доверие не означает слепоты, а верность человеку не освобождает от необходимости самому разбираться в происходящем.

— Я постараюсь сначала услышать вас, — сказал он.

Маргарита кивнула. На этот раз она не улыбнулась, но в её взгляде появилось облегчение, будто именно такого ответа она и ждала.

Возвращаясь домой, Нико думал об отце Маргариты. Ему не нравился этот человек, однако он не мог назвать его жестоким или бессердечным. В его поведении чувствовалась опасная уверенность, что собственное представление о добре даёт ему право распоряжаться чужими решениями. Возможно, именно так начинались многие семейные трагедии: не с ненависти, а с убеждения, что один человек лучше другого знает, что тому необходимо для счастья.

Нико вспомнил Александра Петровича, который никогда не запрещал ему искать собственный путь, хотя мог не соглашаться с его решениями. Учитель требовал дисциплины, указывал на ошибки и иногда говорил резко, но оставлял ученику право отвечать за собственную жизнь. Теперь Нико впервые понял, что это право не было чем-то само собой разумеющимся. Некоторые люди получали свободу вместе с

взрослением, другим приходилось отвоёвывать её у тех, кто искренне считал себя их защитником.

На следующий день Нико работал над новым рисунком, но мысли постоянно возвращались к Маргарите. Он вспоминал её лицо в тот момент, когда в комнату вошёл отец, и замечал, что на портрете сумел передать именно ту черту, которую прежде не мог объяснить. За спокойствием её взгляда скрывалась готовность к сопротивлению, а за мягкостью — усталость человека, который слишком долго старался не причинять боль близким, даже когда сам нуждался в защите.

Он понял, что теперь должен быть особенно осторожен. Ему не хотелось становиться причиной нового конфликта в её семье, но он также не хотел отступать лишь потому, что их отношения могли кому-то не понравиться. Он ещё не знал, какое место занимает в жизни Маргариты, и не имел права требовать от неё решений, к которым она не была готова. Однако он уже знал, что не сможет относиться к ней как к случайной знакомой.

Вечером к мастерской пришёл Георгий. Он принёс известие о том, что один из знакомых торговцев ищет человека, способного украсить небольшое помещение к семейному торжеству. Работа обещала быть недолгой, но оплата могла помочь Нико купить новые материалы и освободить несколько дней для собственных картин.

— Ты возьмёшься? — спросил Георгий.

— Конечно. Мне нужны деньги.

— Тогда завтра я познакомлю тебя с заказчиком.

Нико поблагодарил его и продолжил работу. Он уже научился не принимать обещания за гарантированный успех, но теперь не видел причин отказываться от возможности. Георгий, со своей стороны, больше не пытался изображать человека, способного решить любую проблему. Он сообщил условия заранее, объяснил, что именно требуется, и признался, что сам не знает, понравится ли заказчику результат. Между ними постепенно возвращалось доверие, хотя оно стало осторожнее и требовало подтверждения поступками.

Перед сном Нико достал из папки небольшой рисунок Маргариты, сделанный в первый день работы над портретом. Он долго рассматривал её лицо, затем перевернул лист и написал на обороте дату. Ему захотелось сохранить не только изображение, но и память о времени, когда он ещё ничего не знал о её прошлом и мог просто радоваться каждой новой встрече.

Он не понимал, что в тот вечер, оставшись одна в своей комнате, Маргарита тоже думала о нём. Она стояла перед портретом, прислушиваясь к тишине дома, и знала, что разговор с отцом не закончится одним недовольным замечанием. Мужчина, привыкший считать её будущее частью собственных решений, уже заметил перемену в дочери. Он видел, что она стала чаще выходить из дома, что в её голосе появилась непривычная уверенность и что впервые за многие годы она позволила себе не согласиться с ним без немед-

ленного раскаяния.

Маргарита понимала: отец не оставит эти перемены без внимания. Но теперь на стене висел портрет, в котором она впервые увидела не только дочь своего отца и не только женщину, соответствующую ожиданиям окружающих. Она увидела себя — со страхами, ошибками, несбывшимися желаниями и надеждой, что ещё не всё в её жизни решено за неё. И хотя она не знала, куда приведёт знакомство с Нико, ей было ясно, что прежнее спокойствие уже не вернётся, потому что в её жизнь вошёл человек, рядом с которым она начала задавать себе вопросы, на которые больше не хотела отвечать привычным молчанием.

Глава 12. Работа, которая привела его к ней

Предложение, принесённое Георгием, на первый взгляд ничем не отличалось от десятков других заказов, которые появлялись в жизни Нико и исчезали, оставляя после себя несколько монет, усталость и ощущение, что завтра снова придётся начинать всё сначала. Один из состоятельных торговцев Тифлиса готовился отметить юбилей своего дела и хотел украсить зал, в котором должны были собраться родственники, деловые партнёры и городские знакомые. Ему требовались декоративные панно, несколько вывесок и большое изображение виноградной лозы, которое предполагалось разместить над входом.

— Заказчик человек требовательный, — предупредил Георгий, раскладывая на столе листы с предварительными размерами. — Но платит вовремя. Я специально выяснил условия прежде, чем идти к тебе. Не хочу, чтобы история с Арамяном повторилась.

Нико поднял глаза от рисунка, над которым работал.

— Ты теперь собираешь сведения о заказчиках лучше, чем о собственных друзьях.

— С друзьями сложнее, — усмехнулся Георгий. — Они иногда верят тебе даже тогда, когда не следовало бы.

В его словах не было прежней самоуверенности, и Ни-

ко невольно улыбнулся. Между ними ещё сохранялась осторожность, но она уже не мешала разговаривать открыто. Георгий научился признавать собственные ошибки, а Нико постепенно понимал, что доверие не обязательно возвращается в прежнем виде: иногда оно становится менее беззаботным, зато приобретает прочность, которой прежде не имело.

Они отправились к заказчику на следующий день. Дом стоял на улице, где широкие балконы старых зданий нависали над мостовой, а из открытых окон доносились запахи приготовленной еды, голоса женщин и стук посуды. Хозяин, Григорий Меликян, встретил их в просторной комнате, стены которой украшали фотографии родственников и несколько дорогих картин, приобретённых, по всей видимости, не столько из любви к искусству, сколько ради подтверждения собственного положения.

Он внимательно осмотрел Нико, задержав взгляд на его потёртом пиджаке и запачканных краской пальцах.

— Значит, вы художник, — произнёс он. — Мне говорили, что у вас необычный взгляд на вещи. Только здесь мне не нужны загадки. Праздник должен быть красивым, гости должны остаться довольны, а работа — соответствовать моим пожеланиям.

— Тогда мне нужно понять, что именно вы хотите увидеть, — спокойно ответил Нико.

Меликян объяснил, что виноградная лоза должна символизировать достаток и продолжение рода, что цветам полага-

ется быть яркими, а фигурам — торжественными. Он говорил долго, перечисляя детали, которые считал необходимыми, и лишь в конце спросил, имеет ли художник собственные соображения.

— Имею, — сказал Нико. — Но сначала я должен увидеть место, для которого предназначена работа. Картина не существует отдельно от стены, света и людей, которые будут на неё смотреть.

Хозяин, кажется, не ожидал такого ответа, однако спорить не стал. Он провёл гостей в зал, где готовились к празднику. Здесь уже расставили столы, накрыли часть мебели тканью и принесли несколько больших сосудов с вином. На стене над входом оставалось свободное пространство, а дневной свет проникал через высокие окна, ложился на пол и постепенно смещался к противоположной стене.

Нико долго осматривал помещение, после чего предложил сделать виноградную лозу не тяжёлой гирляндой из листьев и гроздей, а живой ветвью, которая будто бы продолжала расти за пределами картины. Он хотел оставить между гроздьями небольшие просветы, чтобы изображение не казалось неподвижным украшением, и добавить в глубине тёплый свет, напоминающий солнечный вечер в Кахетии.

— А где же богатство? — недовольно спросил Меликян. — Вы хотите изобразить одну ветку и несколько ягод?

— Богатство не всегда измеряется количеством, — ответил Нико. — Иногда достаточно показать, откуда оно растёт.

Георгий, стоявший у окна, с интересом наблюдал за хозяином. Он уже знал, что Нико способен отказаться от выгодного заказа, если тот требует от него полного отказа от собственного понимания искусства, но на этот раз торговец неожиданно задумался. Возможно, его задела простота предложения; возможно, он увидел в нём то, что сам не сумел бы выразить словами.

— Хорошо, — решил он наконец. — Попробуйте. Но если мне не понравится, переделаете.

— Если потребуется исправить ошибку, переделаю, — сказал Нико. — Если же вы захотите другую картину, это будет уже другая работа.

Меликян посмотрел на него с недоумением, однако согласился и на эти условия. Договорились о сроке, цене и предварительной оплате. Когда художник получил деньги, он впервые за долгое время почувствовал, что ближайшие недели не придётся целиком посвящать поиску следующего заработка.

Работа началась в тот же вечер. Нико выбрал доски, проверил их поверхность, приготовил краски и сделал несколько набросков, прежде чем приступить к окончательному изображению. Он не торопился. Виноградная лоза постепенно приобретала форму, и вместе с ней на полотне возникало нечто большее, чем декоративный знак достатка: в изгибах ветвей угадывалось упрямое движение жизни, которая продолжает тянуться к свету даже тогда, когда её обрезают и пересаживают.

Через несколько дней, когда он пришёл в дом Меликяна проверить размеры готовившейся рамы, в зале находились женщины, обсуждавшие предстоящий праздник. Одна из них, молодая девушка в светлом платье, стояла возле окна и рассматривала набросок, который Нико принёс с собой. Он узнал её не сразу, поскольку она была обращена к свету и казалась гораздо серьёзнее, чем при их первой встрече.

Это была Маргарита.

Она тоже заметила его, но не подошла сразу. Дождалась, пока хозяин дома закончит разговор с мастером, и только тогда приблизилась к рисунку.

— Вы всё-таки согласились работать здесь, — сказала она.

— Работа нужна каждому, кто не умеет жить без неё, — ответил Нико. — А иногда и тому, кто умеет.

Маргарита улыбнулась, однако в её улыбке чувствовалась усталость.

— Отец считает, что человеку следует выбирать занятие, которое приносит уважение и надёжность. Он не понимает, почему вы готовы тратить столько времени на одну ветку.

— Может быть, потому, что он видит ветку, а я пытаюсь увидеть то, что делает её живой.

Она снова посмотрела на набросок. Некоторое время оба молчали, прислушиваясь к голосам за соседней дверью. Там обсуждали приглашённых гостей, подарки и список блюд, а кто-то настойчиво доказывал, что на празднике непременно должен присутствовать один влиятельный чиновник. В этом

доме всё было заранее распределено: места за столом, обязанности родственников, порядок поздравлений и даже те слова, которые полагалось произнести в определённый момент.

— Иногда мне кажется, — тихо сказала Маргарита, — что люди так боятся непредвиденного, что готовы заранее прожить всю жизнь по чужому расписанию.

Нико не ответил сразу. Он вспомнил её предупреждение о том, что ему может стать известно нечто неприятное, и понял, что за этими словами скрывается больше, чем обычное недовольство семейными порядками.

— А вы сами знаете, чего хотите? — спросил он.

Маргарита посмотрела на него внимательно, словно вопрос оказался неожиданно трудным.

— Знаю. Но это не всегда означает, что я могу поступить так, как хочу.

— Значит, между желанием и поступком стоит кто-то другой.

— Иногда человек сам ставит между ними стену, — сказала она. — А потом убеждает себя, что её построили ради его же блага.

В её голосе не было обвинения, и оттого слова звучали особенно печально. Нико хотел спросить, о ком она говорит, но сдержался. Он уже понимал, что чужую боль нельзя открывать одним только желанием узнать правду. Иногда человеку требуется время, чтобы самому решиться назвать ве-

щи своими именами.

В этот момент в зал вошёл её отец. Он поприветствовал Нико с подчёркнутой любезностью, поинтересовался ходом работы и, заметив дочь возле художника, предложил ей помочь матери проверить приготовления к празднику.

Маргарита подчинилась без возражений, но перед тем, как уйти, ещё раз взглянула на набросок.

— Надеюсь, вы оставите на ветвях несколько незрелых гроздей, — сказала она. — Не всё ведь должно быть готово к назначенному сроку.

— Я подумаю об этом, — ответил Нико.

Отец проводил её взглядом и затем обратился к художнику уже без прежней приветливости.

— Маргарита любит рассуждать о жизни, — произнёс он. — В её возрасте это естественно. Но у каждого человека есть обязанности, и не все желания заслуживают того, чтобы им следовать.

Нико посмотрел на него. Ему вспомнился собственный отец, которого он потерял слишком рано, и сестра, сумевшая поддержать его в годы, когда будущее казалось непроглядным. Он знал цену заботе и понимал, что любовь может заставлять человека тревожиться за близких. Но он также видел, как легко тревога превращается в привычку распоряжаться чужой судьбой.

— Наверное, обязанности многое объясняют, — сказал он. — Но они не всегда объясняют, почему человек несчаст-

лив.

Меликян нахмурился, однако разговор продолжать не стал. Он ещё раз напомнил о сроках и ушёл распоряжаться приготовлениями, оставив художника одного среди почти пустого зала.

Нико вернулся к работе с новым чувством. Теперь он думал не только о картине, но и о Маргарите, которая умела говорить о несвободе так, будто давно привыкла прятать её за внешним спокойствием. Ему хотелось понять, что удерживает её в этом доме и почему она всякий раз словно проверяет собственные слова, прежде чем позволить им прозвучать вслух.

Он не считал себя человеком, способным решить чужую жизнь. Собственная жизнь слишком часто ставила его перед обстоятельствами, которые нельзя было победить одним мужественным решением. Однако он чувствовал, что встреча с Маргаритой постепенно меняет его отношение к людям. Раньше ему казалось, что главное в человеке — то, что можно увидеть и запомнить: выражение лица, жест, походку, привычку отводить глаза. Теперь он начинал понимать, что за каждым видимым движением может скрываться выбор, который никто не замечает, и что иногда самое важное происходит именно там, где человек внешне остаётся совершенно спокойным.

Вечером Георгий пришёл в мастерскую, чтобы узнать, как продвигается заказ. Нико рассказал ему о встрече с Марга-

ритой, не вдаваясь в подробности разговора.

— Ты опять думаешь о ней, — заметил Георгий, разглядывая набросок.

— Я думаю о том, что не всё в жизни человека зависит от него самого.

— Это ты говоришь как художник или как человек, который начинает влюбляться?

Нико хотел возразить, но слова не пришли. Он ещё не был готов назвать своё чувство, потому что не знал, чем оно станет и имеет ли право на будущее. Ему было достаточно признать, что среди множества лиц, которые он ежедневно встречал на улицах Тифлиса, появилось одно, о котором он вспоминал даже тогда, когда занимался совсем другим делом.

Георгий не стал настаивать. Он помог убрать со стола лишние инструменты, затем сообщил, что договорился о доставке досок и что заказчик обещал выплатить оставшуюся часть суммы сразу после завершения работы. Впервые за долгое время они провели вечер без споров о прошлом, обсуждая только предстоящие дела и планы на ближайшие дни.

Когда Георгий ушёл, Нико вернулся к рисунку. Он добавил несколько небольших гроздей, ещё не достигших зрелости, и оставил между листьями тонкие полоски света. Они не нарушали общей композиции, но придавали ей ощущение продолжения, словно ветвь не заканчивалась рамой, а уходила дальше, туда, где художник уже не мог видеть её.

Нико долго смотрел на работу, прежде чем отложить кисть. Ему казалось, что он нашёл правильное решение, хотя объяснить его словами он бы не сумел. Возможно, Маргарита была права: не всё должно быть готово к назначенному сроку. Некоторые вещи созревают медленно, и попытка ускорить их способна погубить то, что могло бы стать прекрасным.

За окном Тифлис постепенно погружался в вечернюю прохладу. В соседнем доме кто-то играл на таре, и мелодия, то приближаясь, то растворяясь в уличном шуме, напоминала о том, что даже в городе, где каждый занят своими заботами, люди продолжают искать слова для чувств, которые не всегда решаются произнести. Нико погасил лампу, закрыл мастерскую и вышел на улицу, унося с собой не готовый ответ, а новое, ещё неясное ожидание встречи, которая могла многое изменить.

Глава 13. Между обещанием и выбором

В последующие дни Нико старался не позволять мыслям о Маргарите отвлекать его от работы, однако всякий раз, когда он подходил к виноградной лозе, чтобы добавить новый оттенок или исправить изгиб ветви, ему вспоминались её слова о незрелых гроздьях. Он не знал, почему эта фраза так глубоко запала ему в память. Возможно, дело было в самой Маргарите, в её способности говорить о простых вещах так, словно за ними скрывалась целая жизнь, а возможно, в том, что он впервые встретил человека, чья внутренняя несвобода отзывалась в нём сильнее, чем собственные невзгоды.

Он привык считать свободу необходимым условием творчества. Художник мог испытывать нужду, терпеть насмешки, соглашаться на заказы, которые не приносили ему особенной радости, но, пока он сохранял право видеть мир собственными глазами, оставался самим собой. Однако теперь Нико начинал понимать, что для другого человека свобода могла иметь совсем иную цену. Иногда её приходилось оплачивать не деньгами и не лишениями, а разрывом с теми, кого любишь, с домом, привычным укладом и представлением о том, каким должно быть будущее.

На четвёртый день он закончил основную часть работы и отнёс панно в дом Меликяна. Доска оказалась тяжелее,

чем он рассчитывал, и по дороге ему пришлось несколько раз останавливаться, чтобы перевести дыхание. У входа его встретил слуга, который помог донести картину до зала, где уже собирались мастера, занимавшиеся последними приготовлениями к празднику.

Меликян пришёл спустя несколько минут. Он осмотрел работу издали, затем приблизился, провёл пальцем по краю рамы и долго рассматривал изображённые листья. Сначала его лицо оставалось недовольным, но постепенно выражение изменилось. Виноградная лоза действительно казалась живой: тяжёлые гроздья тянули ветви вниз, молодые побеги стремились к свету, а между листьями проступало золотистое сияние, напоминавшее о долгих летних днях.

— Вы всё-таки добавили незрелые ягоды, — заметил хозяин.

— Они принадлежат той же лозе, что и спелые, — ответил Нико. — Без них она выглядела бы так, словно её жизнь уже закончилась.

Меликян не сразу нашёлся с ответом. Затем кивнул и велел поставить панно на приготовленное место. Когда рабочие подняли его на стену, зал словно изменился: изображение не просто заполняло свободное пространство, а связывало отдельные детали интерьера, придавая им единство.

— Хорошо, — произнёс хозяин после долгого осмотра. — В этом есть достоинство. Я опасался, что вы принесёте что-нибудь слишком печальное или непонятное для моих гостей.

— Картина не обязана объяснять человеку всё, — сказал Нико. — Иногда достаточно, чтобы он захотел посмотреть ещё раз.

Меликян рассмеялся, уже без прежнего раздражения, и распорядился выплатить остаток суммы. Затем предложил художнику остаться на предстоящий праздник: по его словам, гостям было бы любопытно познакомиться с человеком, которому удалось создать такое украшение. Нико собирался отказаться, поскольку не любил долгих застолий, где разговоры о делах и положении в обществе заслоняли всё остальное, но хозяин добавил, что среди приглашённых будут люди, способные обеспечить ему новые заказы.

Эти слова заставили Нико задуматься. Он не хотел становиться придворным мастером богатых домов, однако понимал, что нельзя вечно выбирать только ту работу, которая приносит душевное удовлетворение. Деньги требовались ему не ради роскоши. Он должен был оплачивать жильё, покупать материалы и откладывать хотя бы небольшую сумму на время, когда заказов не будет. Отказаться от возможности заработать лишь потому, что праздник казался ему скучным, было бы не свободой, а беспечностью.

— Я приду, — сказал он наконец. — Но не обещаю, что окажусь хорошим собеседником для ваших деловых партнёров.

— Этого от вас никто и не требует, — ответил Меликян. — Вы художник. Вам достаточно смотреть и иногда говорить

что-нибудь неожиданное.

Эта шутка показалась Нико не лишённой смысла. Он попрощался с хозяином и вышел на улицу, чувствуя приятную усталость человека, который завершил работу и получил за неё честно заработанные деньги. Теперь можно было позволить себе купить новые кисти, заказать качественные краски и на несколько дней забыть о необходимости искать следующий заработок. Но вместе с облегчением пришло беспокойство: приглашение на праздник означало, что ему снова придётся встретиться с Маргаритой, а он пока не знал, как вести себя рядом с ней.

Вечером он рассказал Георгию о завершённом заказе. Тот обрадовался полученным деньгам и, выслушав приглашение на праздник, немедленно предложил сопровождать друга.

— Ты ведь не собираешься провести весь вечер, стоя у стены и изучая выражения лиц гостей? — спросил он.

— А что, по-твоему, мне там делать?

— Для начала поесть. Потом познакомиться с людьми, которые могут дать тебе работу. А если встретишь Маргариту, постарайся не смотреть на неё так, будто собираешься написать ещё один портрет.

Нико бросил на него укоризненный взгляд, но Георгий только рассмеялся. Он не хотел задеть друга; напротив, ему нравилось видеть, что тот постепенно выходит из привычного одиночества. За последние годы Нико научился обходиться малым, не жаловаться на судьбу и не ждать от окру-

жающих особенного понимания. Но эта независимость иногда превращалась в привычку отказываться от человеческой близости прежде, чем она успевала возникнуть.

— Ты слишком много говоришь о том, чего сам не понимаешь, — заметил Нико.

— Возможно. Зато я умею замечать то, чего ты не хочешь замечать в себе.

На этот раз Нико не стал спорить. Он знал, что Георгий не всегда прав, но иногда именно его прямота помогала увидеть собственные чувства без привычных оправданий.

Праздник назначили на субботний вечер. К этому времени дом Меликяна преобразился. В комнатах расставили цветы, на столах появились блюда с зеленью, фруктами и свежим хлебом, а в больших сосудах охлаждалось вино. Из кухни доносились голоса поваров, во дворе играли музыканты, и слуги непрерывно переносили посуду из одной комнаты в другую. Гости прибывали постепенно, приветствуя хозяина и обмениваясь новостями. Среди них были купцы, владельцы мастерских, чиновники, врачи и несколько людей, чьи имена Нико прежде слышал только в разговорах других.

Он пришёл вместе с Георгием и поначалу держался в стороне. Его представили нескольким гостям, которые похвалили панно и расспросили о стоимости работы. Один из них, пожилой владелец винного склада, заинтересовался возможностью заказать похожее изображение для своего предприятия. Другой попросил написать вывеску для новой лавки.

Нико отвечал спокойно и по существу, стараясь не обещать того, чего не мог выполнить, и постепенно почувствовал, что вечер не будет напрасным.

Маргарита появилась позднее. Она вошла в зал вместе с матерью, одетая в платье глубокого синего цвета, которое подчёркивало бледность её лица. На первый взгляд она казалась такой же спокойной, как и прежде, однако Нико заметил, что её улыбка появлялась только тогда, когда к ней обращались, и исчезала сразу после окончания разговора. Она приветствовала гостей, помогала матери принимать подарки, отвечала на вопросы о домашних приготовлениях и внимательно слушала отца, когда тот представлял очередного знакомого.

Нико не подошёл к ней сразу. Он понимал, что любое неосторожное внимание может привлечь взгляды людей, для которых чужие отношения были прежде всего поводом для обсуждений. Вместо этого он присоединился к разговору о живописи, который возник возле панно. Несколько гостей спорили о том, должна ли картина украшать дом или прежде всего выражать характер художника. Один из присутствующих уверял, что искусство обязано доставлять удовольствие, а всё остальное является прихотью тех, кто не умеет зарабатывать настоящим трудом.

— Но разве удовольствие всегда означает отсутствие тревоги? — спросила Маргарита, неожиданно оказавшись рядом. — Иногда человеку приятно смотреть на то, что напо-

минает ему о чём-то потерянном.

Мужчина, произнёсший последнее замечание, пожал плечами.

— Тогда это уже не удовольствие, а печаль.

— Возможно, они не всегда отделимы друг от друга, — ответила она.

Нико посмотрел на Маргариту, и она встретила его взгляд. В этом коротком обмене было больше узнавания, чем в долгом разговоре при посторонних. Однако прежде, чем он успел заговорить, к ней подошёл отец.

— Дорогая, господин Чавчавадзе хотел бы познакомиться с тобой, — сказал Меликян. — Он давно спрашивал о нашей семье.

Маргарита извинилась перед собеседниками и отошла вместе с отцом. Нико проводил её взглядом, стараясь не показывать разочарования. Он вдруг ясно ощутил, что в этом доме даже случайная беседа могла быть прервана чужим решением, а любое личное желание должно было уступать место требованиям семейного положения.

Позднее, когда гости перешли в соседнюю комнату, Нико вышел во двор. Вечер был тёплым, но воздух уже наполнялся прохладой, и над крышами медленно поднималась луна. За открытыми окнами звучала музыка, смешиваясь с разговорами и звонким смехом. Он остановился возле виноградной лозы, которая обвивала деревянную опору у стены, и машинально коснулся одного из листьев.

— Вы и здесь нашли, на что посмотреть, — услышал он за спиной.

Маргарита стояла в дверях, держа в руках небольшой бокал, к которому, судя по всему, почти не притронулась. Она оглянулась на зал и только после этого подошла ближе.

— Внутри слишком много людей, — сказала она. — И все они хотят услышать друг от друга что-нибудь приятное.

— А здесь можно услышать то, что человек действительно думает?

— Не всегда. Но здесь хотя бы не нужно улыбаться каждому встречному.

Нико улыбнулся, и на этот раз она ответила ему открыто. Некоторое время они говорили о празднике, о панно и о людях, с которыми он познакомился. Маргарита искренне обрадовалась, что работа принесла ему новые возможности, и спросила, что он собирается делать дальше.

— Продолжать работать, — ответил Нико. — И надеяться, что однажды мне удастся написать картину, ради которой не придётся объяснять заказчику, почему я выбрал именно такие цвета.

— Вы всё ещё думаете, что однажды найдёте человека, который поймёт вас без объяснений?

Он задумался.

— Нет. Я думаю, что однажды встречу человека, которому захочется слушать мои объяснения, даже если он не согласится со мной.

Маргарита опустила глаза. В её лице появилось выражение, которого Нико прежде не видел: одновременно радостное и испуганное, словно он случайно произнёс вслух мысль, которую она давно боялась сформулировать сама.

— Это, наверное, труднее, чем кажется, — сказала она.

— Наверное.

— Особенно если человек уже дал обещание.

Нико не спросил, кому и какое. Он почувствовал, что за этой фразой стоит нечто важное, и не хотел превращать доверительный разговор в допрос. Но Маргарита, словно решившись продолжить, посмотрела на него и тихо произнесла:

— Вы когда-нибудь обещали что-то, не понимая, сколько лет придётся нести это обещание?

— Да, — ответил Нико после короткого раздумья. — Но я не уверен, что обещание становится правильным только потому, что человек однажды его дал.

Она долго смотрела на него, а затем отвернулась к виноградной лозе.

— В нашей семье обещания никогда не считались пустыми словами. Отец уверен, что они связывают людей крепче любых законов. И я тоже всегда так думала.

— А теперь?

Маргарита провела пальцами по краю бокала.

— Теперь я не знаю, можно ли оставаться честной перед другими, если ради этого приходится всю жизнь быть нечест-

ной перед собой.

Из дома донёсся голос её матери. Маргарита вздрогнула, будто её застали за чем-то недозволенным, и сделала шаг к двери. Нико не попытался удержать её.

— Я рада, что вы пришли сегодня, — сказала она. — Здесь всё выглядит иначе, когда я могу хотя бы несколько минут говорить с человеком, который не собирается объяснять мне, как следует жить.

— Я тоже рад, что пришёл.

Она посмотрела на него ещё раз, и в её глазах появилась тихая благодарность. Затем вернулась в зал, где её уже ждали гости и семейные обязанности.

Нико остался во дворе. Он понимал, что разговор не дал ему ответов, которых он искал, но теперь сомнений стало больше. Маргарита не была просто молодой женщиной, недовольной строгим отцом или утомлённой светскими обязанностями. Она словно жила внутри решения, принятого когда-то в её отсутствие, а теперь не знала, имеет ли право пересмотреть его, не причинив кому-то боли.

Когда Георгий нашёл его, праздник был в самом разгаре. Он сообщил, что новый заказчик хочет встретиться с Нико на следующей неделе, и предложил не задерживаться до поздней ночи. Художник согласился. Перед уходом он ещё раз посмотрел на панно, освещённое лампами. Спелые гроздья отбрасывали мягкие тени, а молодые побеги тянулись к свету, который казался далёким, но оставался достижимым.

На улице Георгий спросил, о чём они говорили с Маргаритой.

— Об обещаниях, — ответил Нико.

— Это опасная тема для человека, который ещё ничего не обещал.

— Возможно, — сказал Нико. — Но иногда чужая история заставляет задуматься о том, что ты сам считаешь правильным.

Они пошли по вечернему Тифлису, где из открытых дверей трактиров доносились песни, а редкие прохожие торопились домой. Георгий вскоре заговорил о предстоящих заказах, сроках и стоимости материалов. Нико слушал его, отвечал на вопросы и постепенно возвращался к привычным заботам. Но слова Маргариты продолжали звучать в памяти, и он понимал, что встреча с ней уже не укладывается в рамки случайного знакомства.

Он ещё не знал, какое обещание удерживает её и кому принадлежит та часть её жизни, о которой она говорила с такой осторожностью. Он не собирался требовать от неё признаний или вмешиваться в семейные дела. Однако впервые за долгое время ему захотелось не просто увидеть человека и сохранить его образ на холсте, а узнать, что происходит с ним после того, как заканчивается позирование и он остаётся один на один с собственной судьбой.

Глава 14. Человек, которого она не выбирала

На следующее утро Маргарита проснулась раньше обычного. В доме ещё сохранялась тишина, нарушаемая лишь негромкими шагами прислуги и редким стуком посуды на кухне. Накануне она поздно легла спать, но сон оказался беспокойным: ей несколько раз снилось, будто она идёт по длинному коридору, двери которого открываются перед ней одна за другой, однако за каждой обнаруживается всё та же комната, из которой она пытается выйти.

Она долго лежала, глядя на светлую полосу, пробивавшуюся сквозь занавеску, и вспоминала разговор с Нико. Ей было непривычно говорить с человеком, который не торопился давать советы, не пытался успокоить её обещаниями и не требовал немедленно объяснить то, что она сама ещё не могла до конца понять. В его присутствии она чувствовала себя не дочерью Меликяна, не внучкой женщины, чьи привычки и воспоминания были частью семейного уклада, а просто человеком, которому позволено иметь собственные мысли.

Это ощущение одновременно радовало и пугало её. Она слишком хорошо знала, как устроена жизнь её семьи. Здесь никто не запрещал ей читать, гулять, посещать знакомых или высказывать мнение за столом. Отец не считал себя тираном и, вероятно, искренне удивился бы, услышав подобное опре-

деление. Он обеспечил дочери образование, окружил её заботой и старался оградить от неприятностей, которые, по его убеждению, могли возникнуть из-за неопытности. Но всякий раз, когда речь заходила о действительно важном выборе, его терпимость исчезала, словно свобода дочери существовала лишь до той черты, за которой начинались его собственные решения.

Маргарита поднялась, оделась и спустилась в столовую. Отец уже сидел за столом, просматривая письма и счета. Перед ним стояла чашка крепкого кофе, рядом лежала раскрытая газета. Он поднял голову, увидев дочь, и приветливо кивнул.

— Ты вчера устала, — заметил он. — Праздник получился удачным, хотя гостей было больше, чем я рассчитывал.

— Все остались довольны.

— Особенно художник. Его работу уже похвалили несколько человек. Думаю, я не ошибся, когда решил пригласить его.

Маргарита села напротив и взяла чашку. Ей показалось, что отец произнёс имя Нико намеренно, хотя в его голосе не было явного подозрения.

— Он талантливый человек, — сказала она.

— Талантливый, возможно. Но талант сам по себе ещё ничего не говорит о человеке. У каждого есть своё место в жизни, и не следует путать уважение к чужому дарованию с желанием приблизить его к себе.

Она медленно поставила чашку на блюдце.

— Почему ты решил, что я собираюсь его приблизить?

Меликян отложил письмо. Вопрос дочери, по-видимому, удивил его не содержанием, а тем, что она задала его без привычной мягкости.

— Я ничего такого не решил. Просто хочу, чтобы ты понимала разницу между людьми, которые могут быть интересны, и людьми, с которыми можно строить будущее.

— Разве это всегда разные люди?

— В твоём возрасте такие вещи кажутся сложными, — ответил отец. — Со временем ты поймёшь, что чувство не может быть единственным основанием для серьёзного решения.

Маргарита почувствовала, как внутри неё поднимается знакомое раздражение. Отец снова говорил так, будто её будущее уже было предметом согласованного решения, а ей оставалось лишь научиться принимать его с благодарностью.

— А если человек вообще не спрашивает себя, чего хочет? — спросила она. — Если он всю жизнь поступает правильно только потому, что кто-то другой заранее объяснил ему, что правильно?

Меликян внимательно посмотрел на дочь.

— Ты говоришь о ком-то конкретном?

— Я говорю о том, что человек может прожить жизнь, не совершив ни одной ошибки, и всё-таки однажды понять, что прожил не свою жизнь.

Отец медленно сложил газету. Несколько секунд он молчал, затем спросил:

— Это художник тебе сказал?

— Нет. Он как раз не пытается объяснять мне, как жить.

В комнате стало тихо. Маргарита поняла, что сказала больше, чем собиралась, но отступать не захотела. Ей надоело прятать каждую мысль за осторожными словами, словно сама возможность думать иначе уже была проступком.

— Я не запрещаю тебе общаться с кем-либо, — произнёс Меликян наконец. — Но хочу напомнить, что в нашей семье существуют обязательства, о которых ты прекрасно знаешь.

Вот оно, подумала Маргарита. То самое слово, которое появлялось каждый раз, когда разговор приближался к границе дозволенного.

— Я помню, — сказала она. — Ты напоминаешь мне об этом достаточно часто.

Она поднялась из-за стола и вышла, не дожидаясь ответа. Впервые за долгое время ей не хотелось возвращаться и просить прощения за резкость. Она не считала себя правой во всём, но чувствовала, что постоянное молчание постепенно лишает её способности отличать собственное желание от привычки соглашаться.

На улице она шла без определённой цели. Весна уже вступила в свои права, и Тифлис наполнялся свежими запахами влажной земли, цветов и дыма из небольших уличных печей. Возле торговых рядов спорили продавцы, мальчишки пере-

бегали дорогу, женщины останавливались у витрин, обсуждая покупки. Город жил обычной жизнью, не подозревая, что для кого-то даже простой выход из дома может стать попыткой вернуть себе утраченное чувство самостоятельности.

Маргарита направилась к старой церкви, возле которой часто бывала её бабушка. Там было спокойно, и она любила сидеть на каменной скамье в небольшом саду, наблюдая за людьми. Сегодня она не увидела знакомых лиц. Только пожилой священник медленно прошёл по дорожке, неся в руках несколько книг, а у ворот остановилась женщина с ребёнком, которому никак не удавалось завязать расшнуровавшийся башмак.

Маргарита помогла мальчику, затем присела на скамью. Она думала о том, что отец, вероятно, действительно желает ей добра. Было бы легче, если бы она могла считать его жестоким человеком, потому что тогда сопротивление не требовало бы внутреннего спора. Но он любил её, и именно это делало положение трудным: каждый её отказ воспринимался им как неблагодарность, каждое несогласие — как сомнение в его заботе.

Она вспомнила слова Нико о том, что обязанности многое объясняют, но не всегда объясняют несчастье. В них не было готового решения, однако они помогали увидеть собственную жизнь со стороны. Возможно, свобода начиналась не с громкого поступка, не с бегства из дома и не с разрыва со всеми близкими, а с признания, что даже самые дорогие

люди могут ошибаться, когда принимают собственную уверенность за истину.

Вернувшись домой после полудня, Маргарита обнаружила в гостиной мать. Та перебирала письма, которые пришли утром, и попросила дочь помочь разобрать приглашения. Они работали молча, пока мать не отложила один конверт и не посмотрела на Маргариту.

— Отец сказал, что вы поссорились.

— Мы поговорили.

— Для него это, вероятно, одно и то же, — мягко ответила мать.

Маргарита невольно улыбнулась. В этих словах было больше понимания, чем она ожидала услышать.

— Ты тоже считаешь, что я должна делать только то, что он решил?

Мать не ответила сразу. Она аккуратно сложила письма, выровняла края и только потом заговорила.

— Я считаю, что человек должен думать о последствиях своих решений. Но я не считаю, что за него всегда должен решать кто-то другой.

Маргарита внимательно посмотрела на неё. За внешним спокойствием матери скрывалась усталость, которую дочь прежде замечала лишь изредка. Она вдруг подумала, что мать, возможно, тоже когда-то стояла перед выбором, который так и не решилась сделать.

— Ты когда-нибудь хотела жить иначе? — спросила она.

Мать подняла глаза, и в её взгляде на мгновение появилось что-то далёкое.

— Конечно. У каждого человека бывают такие мысли.

— И что ты сделала?

— То, что тогда казалось мне единственно возможным.

— А теперь?

Мать слегка улыбнулась, но улыбка не достигла глаз.

— Теперь я знаю, что возможных решений почти всегда больше, чем мы готовы признать. Просто некоторые из них требуют такой платы, что человек предпочитает не смотреть в их сторону.

Маргарита почувствовала, что разговор приближается к чему-то важному, но мать снова взяла письма и принялась разбирать их, словно сказала уже достаточно. Дочь не стала настаивать. Ей было страшно услышать ответ, который мог бы подтвердить её собственные опасения, и одновременно хотелось знать правду, даже если она окажется болезненной.

В тот же день Нико работал в мастерской над небольшим заказом для владельца винного склада. Георгий ушёл договариваться о доставке материалов, и художник впервые за несколько дней остался один. Он пытался сосредоточиться на рисунке, но мысли возвращались к разговору во дворе Меликяна. Он понимал, что Маргарита не просила его вмешиваться в её жизнь, и не хотел становиться человеком, который принимает чужую уязвимость за приглашение к спасению.

В какой-то момент он отложил кисть и вышел на улицу за хлебом. Возле лавки он заметил Маргариту. Она стояла у прилавка, разговаривая с пожилой продавщицей, и, увидев его, на мгновение растерялась. Затем попрощалась с женщиной и подошла.

— Я не думала, что встречу вас здесь, — сказала она.

— Я тоже не рассчитывал на такую удачу.

Он произнёс это просто, без намерения произвести впечатление, но Маргарита улыбнулась. Впервые за весь день она почувствовала, что может разговаривать с кем-то без необходимости заранее готовить объяснения.

Они прошли немного по улице и остановились возле небольшого сквера. Нико рассказал ей о новом заказе, о том, как Георгий научился внимательнее относиться к договорённостям, и о том, что иногда самые полезные уроки приходят не из книг, а из собственных ошибок. Маргарита слушала, задавала вопросы и постепенно перестала оглядываться на прохожих.

— Вы умеете говорить о неудачах так, словно они не отнимают у человека достоинства, — заметила она.

— Они могут многое отнять. Но если человек способен понять, что именно произошло, у него остаётся возможность не повторять ту же ошибку.

— А если ошибка была совершена не им?

Нико задумался.

— Тогда ему, наверное, труднее всего перестать считать

себя виноватым.

Маргарита опустила глаза. Он не знал, что именно она услышала в его ответе, но заметил, как изменилось её лицо.

— Иногда мне кажется, что я всю жизнь пытаюсь заслужить право на собственное решение, — сказала она. — Сначала у родителей, потом у самой себя. И чем больше я стараюсь быть хорошей, тем труднее мне признаться, что я чего-то не хочу.

Нико не стал говорить, что она должна поступить так или иначе. Ему хотелось поддержать её, но он чувствовал, что любое прямое указание может стать ещё одним чужим решением, пусть даже продиктованным добрыми намерениями.

— Быть хорошим человеком не означает соглашаться со всем, — сказал он. — Иногда честность начинается именно с того, что мы перестаём изображать согласие.

— А если от этого пострадают другие?

— Тогда нужно думать о них. Но нельзя заранее считать, что собственная жизнь ничего не стоит по сравнению с чужим спокойствием.

Маргарита долго молчала. В её глазах стояла тревога, но теперь к ней примешивалось нечто новое — осторожная решимость, ещё не ставшая поступком.

Они расстались у перекрёстка. Маргарита поблагодарила Нико за разговор и направилась домой, а он продолжил путь к мастерской. Ни один из них не произнёс слов о следующей встрече, однако оба понимали, что она уже не будет случай-

ностью.

Вечером Маргарита достала из ящика письменного стола небольшую шкатулку, которую много лет не открывала без необходимости. Внутри лежали несколько старых писем, перевязанных выцветшей лентой, фотография незнакомого ей в детстве мужчины и сложенный вчетверо лист бумаги. Она долго держала его в руках, не решаясь развернуть.

Этот лист был связан с обещанием, о котором она говорила Нико. Обещанием, данным в тот день, когда она ещё не понимала, что некоторые решения, принятые взрослыми ради спокойствия семьи, способны определить судьбу человека на долгие годы.

Маргарита снова убрала шкатулку в ящик, но на этот раз не заперла его на ключ. Она ещё не была готова открыть прошлое ни Нико, ни самой себе. Однако впервые допустила мысль, что однажды придётся перестать охранять чужую тайну ценой собственного молчания.

Глава 15. Письмо из прошлого

Утро началось с дождя. Он шёл с рассвета, негромко постукивая по подоконникам и крышам, смывая с улиц пыль и наполняя воздух запахом мокрого камня. Маргарита проснулась от привычного ощущения тревоги, которое в последние дни стало возникать у неё ещё до того, как она успевала вспомнить причину. Вчерашний разговор с Нико не принёс ей облегчения, но оставил после себя нечто важное: теперь она уже не могла убедить себя, что её сомнения являются пустой прихотью, которая исчезнет, если достаточно долго о ней не думать.

Она спустилась в гостиную, где мать занималась обычными домашними делами. Отец уехал по делам рано утром, оставив на столе несколько писем и распоряжение передать одно из них знакомому торговцу. Маргарита собиралась пройти мимо, когда заметила среди конвертов небольшой пакет из плотной пожелтевшей бумаги. На нём не было ни имени отправителя, ни печати, только адрес их дома, написанный старомодным почерком.

Она узнала этот почерк сразу.

Несколько лет назад она видела его на письмах, которые бабушка хранила в своей комнате и никогда не позволяла никому перебирать без её присутствия. Тогда Маргарита была ещё слишком молода, чтобы понимать, почему некоторые

конверты бабушка читала с улыбкой, а другие после долгого молчания убирала обратно в шкатулку. Однажды она спросила, от кого приходят эти письма, но получила ответ, что прошлое не всегда следует тревожить, если оно больше не может ничего изменить.

Теперь такой же почерк появился в их доме, и Маргарита почувствовала, как холодеют пальцы.

— Мама, ты знаешь, откуда это? — спросила она, протягивая конверт.

Мать взглянула на него, и выражение её лица изменилось. Она не взяла письмо сразу, словно боялась прикоснуться к предмету, который мог нарушить давно установившееся равновесие.

— Где ты его нашла?

— На столе. Среди писем отца.

Мать осторожно забрала конверт и повернула его в руках. Некоторое время она молчала, потом сказала, что письмо, вероятно, предназначалось бабушке, хотя та уже несколько дней не выходила из своей комнаты из-за простуды.

— Ты знаешь, кто его написал? — спросила Маргарита.

— Думаю, да.

— Тогда почему ты не хочешь сказать?

Мать подняла глаза. В её взгляде не было раздражения, только усталость человека, который слишком долго надеялся, что однажды ему больше не придётся возвращаться к определённым событиям.

— Потому что это не моя тайна, дочь. И потому что я не уверена, что имею право рассказывать тебе всё, что знаю.

Маргарита невольно вспомнила слова Нико о честности и молчании. Она понимала, что мать не пытается намеренно причинить ей боль, но именно такая осторожность и делала семейные тайны почти неразрушимыми. Каждый человек считал себя обязанным хранить часть прошлого, и в результате никто не мог увидеть целого.

— А бабушка знает, что письмо пришло?

— Пока нет. Я сама отнесу ей.

Мать направилась к лестнице, но Маргарита остановила её.

— Позволь мне поговорить с ней. Может быть, она сама захочет рассказать.

Мать внимательно посмотрела на дочь, словно пыталась определить, насколько далеко та готова зайти. Затем кивнула и передала ей конверт.

— Не заставляй её отвечать, если она не захочет. В последнее время ей тяжело вспоминать.

Маргарита пообещала быть осторожной и поднялась наверх.

Комната бабушки находилась в дальней части дома, где окна выходили в небольшой сад. В молодости та любила сидеть у окна, наблюдая за улицей, но теперь большую часть времени проводила в кресле, укрыв ноги шерстяным пледом. На столике рядом с ней стояли лекарства, чашка

остывшего чая и раскрытая книга, которую она читала уже несколько дней.

Увидев внучку, старушка улыбнулась.

— Ты сегодня рано пришла. Что-то случилось?

Маргарита села рядом и протянула ей конверт. Бабушка взяла его обеими руками, долго смотрела на почерк, а затем закрыла глаза. На мгновение показалось, что она не узнаёт письма, но потом пальцы её дрогнули, и она прижала конверт к груди.

— Значит, он всё-таки написал, — прошептала она.

— Кто, бабушка?

Старушка не ответила. Она осторожно вскрыла конверт, вынула несколько листов и начала читать. Маргарита не пыталась заглянуть через её плечо. Она смотрела на лицо бабушки, замечая, как с каждой прочитанной строкой меняется его выражение. Сначала в нём появилось удивление, затем печаль, а под конец — что-то похожее на облегчение, которое приходит не тогда, когда исчезает боль, а когда заканчивается долгое ожидание.

— Он жив? — спросила Маргарита, когда бабушка сложила письмо.

— Жив, насколько мне известно.

— Кто он?

Старушка положила письмо на столик и посмотрела в окно. Дождь продолжал идти, и тонкие струи стекали по стеклу, размывая очертания деревьев.

— Человек, которого я когда-то считала частью нашей семьи, — ответила она. — Потом мы перестали говорить о нём. Сначала потому, что так было удобнее взрослым, а затем потому, что каждый год молчания делал возвращение к правде всё труднее.

— Он сделал что-то плохое?

Бабушка медленно покачала головой.

— Иногда люди причиняют друг другу боль, даже когда не хотят этого. А иногда они совершают поступки, которые кажутся единственно правильными, потому что боятся потерять то, что любят. Но страх редко помогает сделать правильный выбор.

Маргарита почувствовала, что эти слова касаются не только прошлого. Она подумала о собственном обещании, о котором не могла рассказать даже самой себе без внутреннего сопротивления.

— Ты можешь объяснить мне, что произошло?

Старушка долго молчала. Её руки лежали на письме, словно она боялась, что оно исчезнет, если отпустить его.

— Не сегодня, дорогая. Я слишком устала. Но я обещаю тебе, что больше не стану делать вид, будто ничего не было.

Маргарита приняла этот ответ. Ей хотелось узнать всё немедленно, однако она видела, что бабушка действительно измучена. Она поправила плед, поставила рядом стакан воды и осталась с ней ещё на некоторое время, рассказывая о пустяках, которые могли вернуть разговору привычную лёг-

кость.

Когда Маргарита вышла из комнаты, она уже знала, что письмо изменило не только настроение бабушки. В доме существовала история, которую много лет старались удержать за закрытыми дверями, и теперь эта дверь начала приоткрываться.

В мастерской Нико в это время принимал нового заказчика. Им оказался молодой владелец книжной лавки, который хотел разместить над входом вывеску с изображением раскрытой книги и маленькой лампы. Заказ был скромным, но Нико понравилась сама идея: заказчик говорил о книгах не как о товаре, а как о возможности открыть человеку другой мир.

— Мне не нужна дорогая вывеска, — объяснял он. — Мне нужно, чтобы прохожий остановился хотя бы на секунду и подумал, что внутри его ждёт нечто интересное.

— Тогда нельзя делать её слишком яркой, — ответил Нико. — Иначе человек заметит краску, но не поймёт, что именно вы предлагаете.

Они быстро договорились о цене и сроках. Когда заказчик ушёл, Нико принялся за набросок, но вскоре услышал шаги у двери. Он поднял голову, ожидая увидеть Георгия, однако на пороге стояла Маргарита.

Она была без зонта, и на её пальто ещё блестели капли дождя. Нико поспешно отодвинул стул, предлагая ей сесть, и достал чистое полотенце, чтобы она могла вытереть руки.

— Я не помешала? — спросила она.

— Нет. Я только что закончил разговор с заказчиком.

Маргарита села возле стола, но не сразу заговорила. Нико заметил, что она пришла не ради случайной встречи: её лицо было сосредоточенным, а в глазах сохранялось беспокойство, которое не исчезло даже после того, как она улыбнулась ему.

— Сегодня утром мы получили письмо, — сказала она наконец. — Оно было адресовано моей бабушке. Она давно не видела человека, который его написал, и, кажется, не ожидала, что он когда-нибудь даст о себе знать.

— Ты знаешь, кто он?

— Нет. Мама знает, но не хочет говорить. Бабушка обещала рассказать мне позже.

Нико отложил карандаш. Он понимал, что Маргарита пришла не столько за советом, сколько потому, что ей требовалось поделиться тревогой с человеком, который не станет торопить её выводами.

— Иногда людям нужно время, чтобы рассказать то, что они долго скрывали, — сказал он. — Особенно если они сами не знают, с чего начать.

— Но ведь молчание тоже имеет последствия. Чем дольше люди скрывают правду, тем больше она начинает управлять жизнью тех, кто ничего не знает.

Нико посмотрел на неё с неожиданным вниманием. В этих словах слышалась не только тревога из-за письма, но и что-

то личное, давно накопившееся.

— Ты боишься узнать, что произошло, или боишься, что после этого придётся что-то изменить?

Маргарита задумалась. Вопрос оказался точнее, чем она ожидала.

— Наверное, и того и другого. Пока я не знаю правды, я могу надеяться, что всё не так страшно, как мне кажется. Но если я узнаю её, мне, возможно, придётся перестать оправдывать то, с чем я давно не согласна.

— Тогда ты уже понимаешь, что дело не только в письме.

Она кивнула.

Нико не стал расспрашивать её о семейных обстоятельствах. Он понимал, что доверие не возникает оттого, что один человек требует откровенности от другого. Иногда достаточно просто остаться рядом и не использовать услышанное в собственных интересах.

Они говорили ещё некоторое время. Маргарита рассказала о разговоре с матерью, о том, как трудно бывает отличить заботу от желания управлять чужой жизнью, и о собственном страхе причинить близким боль. Нико слушал её внимательно, лишь изредка задавая вопросы. Он не пытался убедить её, что всё обязательно закончится хорошо, потому что не мог этого знать.

Когда дождь стал стихать, Маргарита поднялась. Ей нужно было вернуться домой до того, как отец обнаружит её отсутствие и начнёт расспрашивать, куда она ушла. На этот раз

она не стала объяснять свой визит случайностью.

— Я пришла потому, что хотела поговорить с вами, — сказала она. — И мне стало легче.

Нико почувствовал, как эти слова отозвались в нём тихой радостью, которую он не хотел ни преувеличивать, ни скрывать за шуткой.

— Тогда приходи ещё, когда захочешь поговорить.

Маргарита посмотрела на него, словно проверяя, не было ли в приглашении скрытого требования. Но он просто стоял рядом, ожидая её ответа.

— Я приду, — сказала она.

Когда она ушла, Нико некоторое время оставался у двери, слушая, как её шаги постепенно затихают на улице. Затем вернулся к столу и снова взялся за работу. Он не знал, что принесёт Маргарите письмо из прошлого, и не мог предугадать, какие решения ей придётся принять. Но он уже чувствовал, что их знакомство перестаёт быть чередой случайных встреч и превращается в нечто более глубокое, требующее от обоих терпения и честности.

Вечером бабушка Маргариты снова открыла письмо. Она перечитала последние строки, затем достала из шкатулки старую фотографию, на которой рядом с молодым мужчиной стояла женщина с задумчивым лицом. На обороте сохранилась дата, написанная выцветшими чернилами, и несколько слов, которые много лет никто не решался произнести вслух.

Старушка провела пальцем по краю фотографии и тихо

вздохнула. Она знала, что прошлое не вернётся в прежнем виде и что даже самые искренние объяснения не смогут исправить всё, что было сделано. Но теперь у неё появилась возможность рассказать внучке правду, прежде чем молчание окончательно превратится в семейное наследство.

Она сложила фотографию вместе с письмом и убрала их в шкатулку, оставив её незапертой на столе. За окном дождь закончился, и в просвете между тучами показалась полоска вечернего неба. Впервые за много лет бабушка позволила себе уснуть без страха, что завтра ей снова придётся притворяться, будто некоторых людей никогда не существовало.

Глава 16. Тайна старого дома

На следующее утро Маргарита обнаружила, что бабушка впервые за долгое время сама попросила принести ей завтрак в комнату и открыть окно. Ночная прохлада уже рассеялась, и сад наполнялся мягким весенним светом. Старушка сидела в кресле, держа на коленях раскрытую шкатулку. Рядом лежала фотография, которую Маргарита прежде никогда не видела.

— Присядь, дорогая, — сказала бабушка, когда внучка вошла. — Кажется, пришло время рассказать тебе кое-что о нашей семье. Не всё сразу, потому что некоторые воспоминания трудно передать словами, но я больше не хочу откладывать этот разговор.

Маргарита поставила поднос на стол и села рядом. Она старалась не показывать волнения, хотя сердце билось быстрее обычного. После вчерашнего письма она почти не спала, пытаясь представить человека, чьё появление спустя долгие годы могло так сильно изменить настроение бабушки.

Старушка протянула ей фотографию.

На снимке был изображён молодой мужчина с тёмными волосами и открытым взглядом. Он стоял возле деревянного балкона, положив руку на перила, а рядом с ним находилась женщина в светлом платье. Женщина смотрела не в объектив, а на мужчину, словно фотограф не сумел отвлечь её от

чего-то гораздо более важного.

— Кто они? — спросила Маргарита.

— Твой дедушка и его младшая сестра Елена. Фотография сделана задолго до того, как я вошла в эту семью. Твой дедушка тогда ещё не был женат, а Елена жила в Тифлисе и собиралась уехать в другой город.

— Я никогда не слышала о ней.

— Потому что мы перестали произносить её имя.

Бабушка сказала это без горечи, и именно спокойствие её голоса заставило Маргариту насторожиться.

— Почему?

Старушка опустила глаза к фотографии.

— Елена полюбила человека, которого семья не считала подходящим для неё. Он не был богат, не имел влиятельных родственников и не мог обещать ей спокойную жизнь. Он занимался музыкой, подрабатывал уроками и иногда играл в небольших заведениях. Для одних он был талантливым человеком, для других — беспечным мечтателем, который не желал думать о будущем.

— И семья запретила им встречаться?

— Семья попыталась это сделать. Но запреты редко уничтожают чувства. Гораздо чаще они заставляют людей скрывать их.

Маргарита внимательно рассматривала фотографию. В лице женщины было что-то удивительно знакомое, хотя она не могла понять, с кем именно её сравнивает.

— Что случилось с Еленой?

Бабушка не ответила сразу. Она закрыла шкатулку, словно хотела на время отодвинуть от себя воспоминания, но затем снова открыла её.

— Она уехала. Сначала мы думали, что это временно. Потом пришло письмо, в котором она сообщала, что не вернётся, пока семья не перестанет вмешиваться в её жизнь. Твой дедушка считал, что она совершила ошибку. Он говорил, что человек не может построить счастье на одном чувстве, если у него нет ничего другого. Я тогда была молода и соглашалась с ним, потому что боялась, что иначе мне придётся признать неправоту всех, кому привыкла доверять.

— А она была счастлива?

— Не знаю. В её письмах были и радость, и трудности. Она не скрывала, что им приходилось жить скромно. Но никогда не писала, что жалеет о своём выборе.

Маргарита медленно перевернула фотографию. На обороте сохранилась дата, а ниже стояла короткая надпись: «Пусть у каждого будет своя дорога».

— Кто написал эти слова?

— Елена. Она подарила фотографию брату перед отъездом.

Маргарита вернула снимок бабушке. История казалась ей печальной, но она пока не понимала, какое отношение имеет к письму, полученному накануне.

— Значит, человек, который написал вчера, — её род-

ственник?

— Да. Это сын Елены, Андрей. Он много лет жил за пределами Грузии. Когда твой дедушка умер, Андрей прислал соболезнование, но твой отец не захотел продолжать переписку. Он считал, что старые разногласия должны остаться в прошлом, а возвращение к ним способно принести только новые неприятности.

— Но если он сам написал, значит, хочет восстановить отношения.

— Возможно. В письме он сообщает, что собирается приехать в Тифлис. Он уже стар, здоровье его пошатнулось, и ему хочется увидеть дом, в котором выросла его мать. Он просит разрешения посетить нас.

Маргарита почувствовала, как в ней смешиваются удивление и тревога.

— А отец знает?

— Пока нет. Я ещё не решила, как сказать ему.

— Почему ты боишься его реакции? Андрей ведь родственник.

— Потому что для твоего отца эта история никогда не была просто семейным разногласием. Он вырос на рассказах о том, как Елена отказалась от родных ради человека, которого никто не одобрял. Он привык считать её поступок предательством. Я не думаю, что он способен легко изменить своё мнение.

Маргарита задумалась. Она впервые увидела, как про-

шлое, о котором ей ничего не рассказывали, продолжало влиять на настоящее. Елена уехала задолго до её рождения, но последствия её выбора определяли, кто мог появляться в их доме, чьи имена разрешалось произносить и какие истории следовало считать завершёнными.

— Бабушка, а ты сама хотела бы увидеть Андрея?

Старушка улыбнулась, и на её лице проступила нежность, которую Маргарита прежде замечала только в редкие минуты, когда бабушка оставалась одна.

— Очень хотела бы. Мне кажется, я всю жизнь ждала возможности сказать ему, что его мать не была для нас чужой. Мы просто не сумели принять её решение, а потом слишком долго гордились собственным молчанием.

— Тогда нужно пригласить его.

— Это не так просто, дорогая. Дом принадлежит твоему отцу, и он считает себя ответственным за всё, что здесь происходит.

Маргарита почувствовала знакомое возмущение. Даже теперь, когда речь шла о человеке, которого бабушка хотела увидеть перед смертью, семейный порядок оказывался важнее её желания.

— Но ведь это твой брат, твоя семья, твоя жизнь. Почему ты должна просить разрешения на встречу, которая касается прежде всего тебя?

Бабушка внимательно посмотрела на внучку. В её глазах появилось выражение, похожее на печальную радость.

— Ты задаёшь вопросы, которые я сама должна была задать много лет назад.

— Может быть, ещё не поздно.

— Для встречи, возможно, не поздно. Для всего остального — я не знаю.

Они продолжили разговор, и Маргарита постепенно узнала подробности истории Елены. После отъезда та некоторое время жила в небольшом городе, затем переехала в Одессу, где её муж получил работу в музыкальном театре. Их жизнь не была безоблачной: случались болезни, нехватка денег, долгие месяцы разлуки. Но в письмах Елена писала о людях, которых встречала, о музыке, о море и о доме, который они с мужем пытались создать вдали от родных.

Последнее письмо пришло много лет назад. В нём Елена сообщала, что Андрей собирается жениться, и просила брата приехать на свадьбу. Ответа она не получила. Позднее стало известно, что письмо, вероятно, не дошло до адресата вовремя, но никто не попытался выяснить, что произошло на самом деле. Каждая сторона решила, что другая сделала свой выбор, и молчание стало окончательным решением, которого никто не принимал открыто.

— Вот так иногда и разрушаются отношения, — сказала бабушка. — Не из-за одного большого несчастья, а из-за множества маленьких решений, каждое из которых кажется разумным. Не ответить сегодня, потому что слишком сердит. Не позвонить завтра, потому что уже прошло много време-

ни. Не написать через год, потому что теперь будет неловко. А потом наступает день, когда человеку уже некого спросить, почему всё произошло именно так.

Маргарита слушала, ощущая, что эта история затрагивает её глубже, чем она ожидала. Ей вспомнились слова матери о решениях, которые требуют слишком высокой платы, и собственные сомнения, которые она пыталась заглушить привычным послушанием.

— Я поговорю с отцом, — сказала она.

— Не торопись. Он может воспринять это как обвинение.

— Я не собираюсь его обвинять. Я хочу, чтобы он понял, что у бабушки есть право на собственное решение.

Старушка взяла её за руку.

— Только не превращай чужую историю в оружие против него. Я не хочу, чтобы из-за меня вы стали врагами.

— Я постараюсь.

Маргарита поцеловала бабушку в щёку и вышла из комнаты, унося с собой фотографию, которую та разрешила ей ненадолго взять. Она хотела ещё раз рассмотреть лица людей, сумевших прожить жизнь вопреки семейному неодобрению, и понять, что именно помогло им не отказаться друг от друга.

Внизу она встретила мать. Та сразу заметила фотографию в руках дочери и, не задавая вопросов, пригласила её пройти в маленькую комнату возле сада, где они могли поговорить без посторонних.

— Бабушка рассказала тебе об Андрее? — спросила мать.

— Да. Я считаю, что он должен приехать, если она хочет его увидеть.

Мать села у окна и некоторое время смотрела на сад.

— Я тоже так считаю. Но отец не согласится сразу. Он уверен, что возвращение Андрея оживит старые споры и заставит семью пережить то, что она давно оставила позади.

— А разве мы действительно оставили это позади? Мы даже не знали, что произошло.

Мать печально улыбнулась.

— Иногда люди называют прошлое забытым только потому, что перестают о нём говорить. Но забытое не всегда перестаёт влиять на них.

Маргарита положила фотографию на стол.

— Ты ведь тоже когда-то хотела жить иначе, мама. Ты сама мне об этом сказала.

Мать долго молчала. За окном ветер шевелил молодые листья, и по стеклу скользили отражения ветвей.

— Когда я была моложе, я мечтала стать учительницей, — произнесла она наконец. — Мне нравилось заниматься с детьми, объяснять им то, что они не понимали, видеть, как постепенно открывается их ум. Но после свадьбы твой отец решил, что мне лучше заниматься домом. Он не запрещал мне работать прямо, он просто говорил, что в этом нет необходимости, что семье достаточно его заработка и что детям нужна мать, которая всегда рядом.

— И ты согласилась?

— Сначала я думала, что это временно. Потом появились другие обязанности, заботы, обстоятельства. Я не могу сказать, что была несчастна всё время. У меня есть ты, есть дом, есть люди, которых я люблю. Но иногда я думаю о том, какой могла бы стать моя жизнь, если бы я тогда настояла на своём.

Маргарита почувствовала, как сжимается сердце. Она никогда не слышала от матери подобного признания. Та всегда казалась ей человеком, который умеет находить достоинство в повседневных делах и не требует для себя ничего особенного. Теперь Маргарита поняла, что спокойствие матери не обязательно означало отсутствие несбывшихся желаний.

— Ты жалеешь об этом?

Мать посмотрела на дочь с нежностью.

— Я жалею не о том, что создала семью. Я жалею, что однажды решила, будто любовь и собственная жизнь не могут существовать рядом. Это разные вещи, Маргарита. Но мне потребовалось много лет, чтобы понять разницу.

В комнате стало тихо. Маргарита хотела обнять мать, однако та сама протянула руки, и дочь прижалась к ней, как в детстве. Впервые за долгое время они говорили не как мать и дочь, каждая из которых должна поддерживать привычный порядок, а как две женщины, которым знаком страх потерять близких и одновременно потерять себя.

Когда они расстались, Маргарита поднялась к себе и положила фотографию на стол. Она больше не могла считать соб-

ственные сомнения капризом молодости. Истории бабушки и матери показывали ей, что человек способен прожить достойную жизнь и всё же однажды обнаружить, что в ней осталось слишком много несказанных слов.

Она достала из ящика шкатулку, в которой хранила личные письма и памятные мелочи. На дне лежал сложенный лист бумаги, связанный с обещанием, о котором она пока не решалась рассказать Нико. Маргарита вынула его, развернула и перечитала знакомые строки. Затем взяла чистый лист и написала несколько предложений, которые давно хотела произнести вслух, но каждый раз откладывала.

Она не знала, что сделает после того, как закончит письмо. Не знала, сумеет ли изменить решение, которое связывало её с чужими ожиданиями, и сможет ли сохранить любовь семьи, если перестанет соглашаться с её требованиями. Но впервые она позволила себе не искать немедленного ответа. Ей было достаточно признать, что молчание больше не кажется ей единственным способом сохранить мир.

В тот же вечер бабушка попросила позвать отца. Маргарита слышала их голоса за закрытой дверью и не могла разобрать слов, но понимала, что разговор даётся обоим нелегко. Через некоторое время отец вышел из комнаты с непривычно напряжённым лицом. Он остановился в коридоре, увидел дочь и спросил:

— Ты знала, что Андрей собирается приехать?

— Бабушка рассказала мне сегодня утром.

— И ты считаешь, что мы должны принять его после всего, что произошло?

Маргарита встретила взгляд отца.

— Я считаю, что бабушка имеет право увидеть человека, которого ждала много лет. Даже если ты не согласен с его матерью, это не означает, что нужно отказывать ей в такой встрече.

Меликян нахмурился. Она ожидала гнева, но он лишь отвернулся к окну.

— Ты не знаешь всей истории.

— Тогда расскажи мне её.

Отец посмотрел на дочь, словно хотел ответить резко, но передумал. Несколько секунд он молчал, а затем сказал, что подумает, как поступить. Это не было согласием, но и отказом тоже не стало.

Маргарита вернулась в свою комнату с чувством осторожной надежды. Она понимала, что впереди её ждёт непростой разговор и что старые разногласия не исчезнут от одного признания. Но теперь семейная история перестала быть для неё закрытой книгой, а люди, чьи судьбы прежде казались далёкими, стали частью её собственного понимания жизни.

Поздно вечером она снова посмотрела на фотографию Елены. Женщина на снимке по-прежнему смотрела на молодого мужчину с тихой уверенностью, словно уже знала, что впереди их ждут испытания, но всё равно выбирала идти рядом с ним. Маргарита долго не могла отвести взгляд от этого

лица, а затем убрала фотографию в шкатулку, оставив крышку открытой.

На следующий день она собиралась увидеть Нико. Ей хотелось рассказать ему о письме, о бабушке и о признании матери, но ещё сильнее ей хотелось поговорить с ним о собственном будущем. Она пока не была готова раскрыть все подробности обещания, которое удерживало её, однако впервые понимала, что не сможет бесконечно жить между чужой волей и собственным сердцем.

Глава 17. Слова, которые нельзя отложить

Марта встретила Hiko у мастерской ближе к вечеру, когда улицы Тифлиса уже начинали менять дневной шум на неторопливую вечернюю жизнь. Торговцы убирали товар, из открытых окон доносились голоса, а над крышами домов постепенно сгущался мягкий голубоватый сумрак. Она шла без сопровождения, сама несла небольшую сумочку и несколько раз останавливалась, словно пыталась убедить себя, что всё-таки имеет право прийти сюда.

Нико увидел её издалека и вышел навстречу.

— Я боялась, что вы уже ушли, — сказала Маргарита.

— Я ещё работаю. Но сегодня могу закончить раньше.

Она улыбнулась, однако улыбка быстро исчезла. Нико заметил, что она устала, хотя дело было, вероятно, не в долгой дороге. В её лице появилось то выражение, которое он видел у людей, вынужденных долго хранить внутри слова, не находя человека, которому можно их доверить.

— Вам нужно что-то показать или рассказать? — спросил он.

— Рассказать. Только я не знаю, с чего начать.

— Начните с того, что вам труднее всего произнести.

Маргарита опустила глаза. Они стояли у входа в мастерскую, и прохожие иногда бросали на них любопытные взгля-

ды. Нико предложил войти.

Внутри пахло деревом, красками и льняным маслом. На столе лежали кисти, возле стены стоял незаконченный холст, а у окна на полке темнела небольшая глиняная чашка с водой. Маргарита медленно огляделась, будто старалась запомнить каждую вещь, и остановилась перед своим портретом, который Нико держал здесь до тех пор, пока она не решила, куда его поместить.

— Вы смотрите на меня так, словно я знаю ответ на все ваши вопросы, — произнесла она.

— Нет. Я просто стараюсь понять, какой вопрос вы пока не решаетесь задать.

Она повернулась к нему.

— Мой отец договорился о моём будущем ещё несколько лет назад. Тогда мне казалось, что это всего лишь разговоры взрослых, которые со временем потеряют значение. Потом я поняла, что они считают вопрос решённым. Осталось только дождаться подходящего времени.

Нико не перебивал.

— Человек, которого мне прочат в мужья, вполне приличен, — продолжила Маргарита. — Он образован, обеспечен, умеет держаться в обществе. Он никогда не позволял себе грубости и, вероятно, искренне убеждён, что сможет сделать меня счастливой. Но я не люблю его. Более того, я почти не знаю его. Мы виделись несколько раз, и всякий раз разговоры шли о хозяйстве, положении семьи, будущих поездках, о

том, какой должна быть наша жизнь. Никто ни разу не спросил меня, какой я хочу её видеть.

— А вы спрашивали себя об этом? — тихо произнёс Нико.

— Раньше я боялась. Теперь боюсь ещё сильнее, потому что ответ у меня появился.

Он посмотрел на неё внимательно, не торопясь ни с утешением, ни с советом.

— Как его зовут?

— Давид Чавчавадзе. Его семья давно знакома с нашей. Отец считает этот брак удачным не только для меня, но и для всех родственников. Он говорит, что семейная жизнь строится не на одном чувстве, а на доверии, уважении и общих интересах.

— В этом есть правда, — ответил Нико. — Но если чувства нет совсем, уважение может превратиться в вежливость, а доверие — в обязанность. И тогда люди годами живут рядом, не понимая, почему им так одиноко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.